А. МУШИНЪ.

2 шк
М.

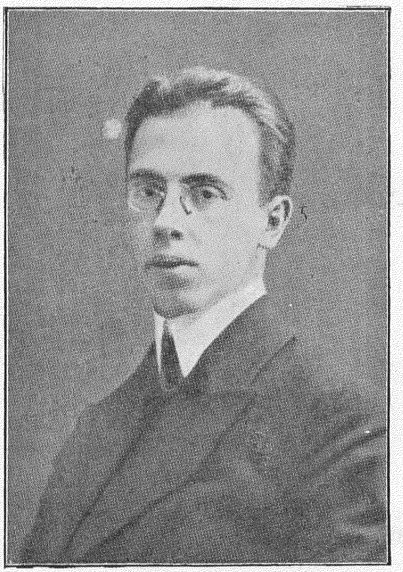
Дмитрій Богровъ
и
Убійство Столыпина

◁ ○ ▷

Съ предисловіемъ В. Л. БУРЦЕВА

◁ ○ ▷

ПАРИЖЪ
1914



ДМИТРІЙ БОГРОВЪ
Портретъ, снятый въ 1910 году.

А. МУШИНЪ

□ □ □

Дмитрій Богровъ

и

Убійство Столыпина

Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева

ПАРИЖЪ
Кооперативная Типографія „СОЮЗЪ“, 46, Bd Saint-Jacques.
1914.

Предисловіе.

Послѣ акта 1-го сентября пошелъ уже третій годъ, а личность главнаго его виновника до сихъ поръ остается загадкой для большинства. Удалось устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, опровергнуть кой-какую клевету, но все-таки отвѣтить точно и доказательно съ документами въ рукахъ на главный вопросъ, кто же такой былъ Богровъ, какъ онъ дошелъ до главнаго событія своей жизни, — невозможно и въ настоящее время.

Брошюра тов. А. Мушина является первымъ серьезнымъ шагомъ къ разрѣшенію богровской загадки.

Авторъ сдѣлалъ сводную работу всего, что печаталось по дѣлу Богрова, добылъ много данныхъ, освѣщающихъ его личность, детально и критически разобрался въ опубликованныхъ фактахъ его поведенія.

Выводы автора склоняются къ совершенному оправданію Богрова отъ обвиненія въ провокаціи.

Онъ считаетъ легенду о Богровѣ, какъ охранникѣ, колоссальной клеветой, пущенной въ оборотъ, главнымъ образомъ, Кулябкой для самооправданія и потомъ поддержанной всей жандармской корпораціей.

Онъ утверждаетъ, что Богровъ чистый революціонеръ и никогда не былъ охранникомъ.

У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ для того, чтобы доказать самый фактъ принадлежности Богрова къ охранникамъ. Но все то, что мы знаемъ о дѣлѣ Богрова, насъ заставляетъ думать, что Богровъ только потому могъ пользоваться въ августовскіе дни слѣпымъ довѣріемъ Кулябко, что для этого у него были основанія въ прошломъ.

Выясненію нашего взгляда на Богрова мы посвятили рядъ статей въ «Будущемъ».

Во всякомъ случаѣ, кто бы ни оказался правымъ, брошюра А. Мушина имѣетъ ту несомнѣнную цѣнность, что является серьезной попыткой къ отысканію правды.

Пролить свѣтъ на дѣло Богрова необходимо во что бы то ни стало.

Богровъ, безспорно совершилъ колоссальный актъ въ новѣйшей русской исторіи и хотя бы по одному этому намъ нужно знать, кто же былъ Богровъ.

Если личные друзья Богрова и его защитники до сихъ поръ сдѣлали очень немногое для того, чтобы пролить истинный свѣтъ на его личность, то еще менѣе сдѣлали его враги какъ тѣ, кто нападаетъ на него съ точки зрѣнія революціонеровъ, такъ и тѣ, для кого дорогъ лично и какъ политическій дѣятель Столыпинъ.

Враги Богрова изъ правительственнаго лагеря и друзья Столыпина насъ особенно поражаютъ въ ихъ отношеніи къ личности Богрова.

Въ самомъ дѣлѣ.

Убитъ Столыпинъ, — и его друзья, устраивая шумиху по своему дѣлу въ Кіевѣ при

открытіи ему памятника, въ то же самое время не считаютъ даже нужнымъ, выяснить, кто же его убилъ и почему убилъ? Какъ будто пришиблена гдѣ-то бѣшенная собака и ни для кого не интересно знать, кто и почему ее убилъ?

Правда, вся правда о Богровѣ, находится въ рукахъ правительства и сосредоточена, главнымъ образомъ, у дѣятелей министерства внутреннихъ дѣлъ — въ Департаментѣ Полиціи и въ охранныхъ отдѣленіяхъ. Правительство сдѣлало все возможное и невозможное, чтобы эта правда, хотя бы теперь, какъ-нибудь не вышла наружу. Что будетъ потомъ, это его мало трогаетъ!

Правда о Богровѣ для нихъ страшна!

Что бы, однако, ни дѣлало правительство для того, чтобы извратить истинную роль главнаго виновника 1-го сентября, мы все-таки, въ концѣ концовъ, узнаемъ *всю* правду о Богровѣ.

Мы ее скоро узнаемъ!

Вл. Бурцевъ.

Сентя рь, 1913 г.

P. S.

А. Мушинъ и я, какъ и авторъ писемъ изъ Петербурга и съ каторги, о которыхъ упоминалось въ № 45 „Будущаго", ведемъ споръ о томъ, служилъ ли Богровъ въ охранномъ отдѣленіи, или не служилъ, а если служилъ, то какова же была тамъ его роль. Если же будетъ доказано, что Богровъ былъ *охранникомъ*, то двухъ мнѣній въ оцѣнкѣ его прошлаго ни у кого изъ насъ не будетъ.

Вл. Б.

Предисловіе автора.

Въ Кіевѣ опять шумѣли.

Кучка лакеевъ открывала памятникъ своему господину.

Лились рѣчи, лились чернила.

Лакейская «Чего изволите» пѣла «вѣчную память».

Вѣчную память въ бронзѣ.

Вѣчную память въ сердцахъ.

Вѣчную память въ слезахъ.

Конечно, и бронза народная, и сердца народныя, и слезы народныя.

Пѣла 5-го сентября.

А въ день открытія оказалось, что

— «Народъ безмолвствовалъ».

— «Мужички за себя постояли».

— «Гг. Балашовымъ и Бобринскимъ никого не удалось обмануть».

Только въ одномъ не ошиблось «Новое Время»:

— «Такіе люди, какъ Столыпинъ, не появляются и не умираютъ случайно».

Какъ не случайно появились и были убиты Сипягинъ и Плеве.

И пусть плачутъ по нимъ ихъ лакеи.

Не по нимъ народныя слезы.

Не съ ними народныя сердца.

Не для нихъ народная бронза.

Не народное дѣло творили Сипягинъ, Плеве, Столыпинъ.

Его дѣло творили Балмашевъ, Сазоновъ и, смѣю утверждать, Богровъ.

Тѣ же роковыя историческія причины вплетались въ личную волю Богрова.

Тѣми же побужденіями руководился Богровъ.

Но между Богровымъ и Столыпинымъ сталъ Кулябко.

Не такъ, какъ между Сазоновымъ и Плеве стоялъ Азефъ.

Сазоновъ не зналъ, кто такой Азефъ.

Богровъ зналъ, кто такой Кулябко.

Сазоновъ не заставлялъ Азефа быть своимъ соучастникомъ.

Богровъ заставилъ Кулябко быть пособникомъ.

Азефъ носилъ маску революціонера.

Кулябко былъ въ собственной шкурѣ.

Отсюда тѣнь Кулябки на Богровѣ.

Отсюда недовѣріе къ Богрову.

Богрова переплели съ Кулябкой.

Кулябкѣ выгодно не протестовать.

Богровъ повѣшенъ.

Правда пропала.

Немногимъ она нужна была, и немногіе ее искали.

Но такіе были, и авторъ этой брошюры принадлежитъ къ ихъ числу.

Уже вскорѣ послѣ 1-го сентября онъ выразилъ печатно, при содѣйствіи уважаемаго Владиміра Львовича Бурцева, свои сомнѣнія въ правдивости распространяемыхъ про Богрова слуховъ.

И чѣмъ дальше, чѣмъ больше онъ разбирался въ богровскомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе и

болѣе убѣждался въ основательности своихъ сомнѣній.

Во имя правды онъ предпринялъ пересмотръ всего, что печаталось о Богровѣ, и отыскивалъ матеріалы, могущіе освѣтить его личность.

И результаты этихъ изысканій — настоящая брошюра.

Авторъ пришелъ къ заключенію, что до сихъ поръ извѣстные матеріалы по дѣлу Богрова не даютъ основаній для причисленія Дмитрія Богрова къ черному списку охранниковъ, доносчиковъ и провокаторовъ.

Авторъ сомнѣвается, чтобы и въ будущемъ могли обнаружиться документальныя свидѣтельства охранной службы Богрова, и вѣритъ, что придетъ время, когда Дмитрію Богрову, жизнь отдавшему за благородное дѣло, достойно державшемуся передъ николаевскими палачами и мужественно вставшему на эшафотъ, — вернутъ отнятое у него честное имя революціонера и отведутъ ему честное историческое мѣсто.

И въ народныхъ, а не въ лакейскихъ, сердцахъ сохранятъ ему вѣчную память.

А. Мушинъ.

Сентябрь, 1913 г.

P. S.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить благодарность, какъ редакціи „Былого“, любезно представившей въ его распоряженіе свой архивъ по дѣлу Богрова, такъ и всѣмъ, кто такъ или иначе способствовалъ автору въ его работѣ.

А. М.

Богровъ и общественное мнѣніе.

Въ дѣлѣ Богрова гипнозъ газетныхъ сообщеній, таинственная обстановка акта перваго сентября, неясность мотивовъ создали неблагопріятную почву для сужденія о революціонной чистотѣ личности самаго Богрова.

Сразу же, немедленно послѣ убійства Столыпина, поднялись совершенно опредѣленныя подозрѣнія и указанія на причастность Богрова къ охранѣ, лишившія событіе его моральнаго значенія.

Общественное мнѣніе, разъ утвердившись на подставленные рельсы, покатилось уже по инерціи и въ каждой чертѣ характера, въ каждомъ движеніи Богрова стало видѣть нѣчто, несомнѣнно указующее на двойственность его натуры, на темное душевное пятно, которое ему небходимо было скрывать.

По истинѣ, получился какой то общій огромный заговоръ противъ человѣка. У всѣхъ какъ будто атрофировалась способность къ объективному отношенію.

И даже тогда, когда стали извѣстными обстоятельства, несомнѣнно говорящія въ пользу Богрова, о которыхъ раньше общество не знало, — печать не переставала пользоваться малѣйшимъ поводомъ, чтобы бросить новый комокъ грязи въ повѣшеннаго.

Разоблачилась ли исторія съ бракоразводнымъ процессомъ Бутовича-Сухомлинова, имя Богрова фигурируетъ и здѣсь. И не только въ устахъ какого-нибудь Пуришкевича, а члена Думы, юриста-законника, Маклакова*); не только въ какой-нибудь бульварной прессѣ, но и въ такомъ серьезномъ журналѣ, какъ „Вѣстникъ Европы". Маклаковъ легкомысленно бросаетъ замѣчаніе о неблаговидномъ участіи Богрова въ процессѣ. Евгеній Чириковъ**) повторяетъ этотъ новый „фактъ" изъ жизни „повѣшеннаго *сотрудника*" (курсивъ нашъ. А.М.) Кулябко по политическимъ предпріятіямъ".

Случилась ли ленская бойня, имя ротмистра Терещенко непремѣнно связывается съ именемъ Богрова, и газетамъ не важно, что даже географическое поле дѣятельности того и другого не совпадаютъ. Терещенко служилъ въ Житомірѣ. Богровъ жилъ въ Кіевѣ. Кіевъ недалеко отъ Житомира. Ничего — сойдетъ!

Я до сихъ поръ не знаю ни одной газеты и ни одного журнала (кромѣ, если не ошибаюсь, нелегальнаго „Соціальдемократа"), ни одного депутата, выступавшаго по запросамъ объ убійствѣ Столыпина или по другимъ поводамъ, гдѣ затрагивалось имя Богрова, которые бы косвенно или прямо не считали Дмитрія Богрова охранникомъ или провокаторомъ.

Мало того, одна изъ формъ дѣятельности охраны была охарактеризована нарицательнымъ именемъ „богровщины".

И если бы спросить у этихъ газетъ, журналовъ, депутатовъ, на чемъ основана ихъ квалификація политической дѣятельности Бог-

---

*) Засѣданіе Госуд. Думы — 2 мая 1912 г.

**) „Вѣстникъ Европы", май, 1912 — Замѣтки жителя.

рова, я полагаю, что отвѣтъ получился бы тотъ же, какой я уже слышалъ не разъ.

Я спросилъ у одного журналиста, въ печати клеймившаго Богрова кличкой „охранникъ", какія у него имѣются данныя для такого опредѣленнаго отношенія къ Богрову.

Онь отвѣтилъ: „да, вѣдь, билеты въ театръ не даромъ даются".

Я спросилъ у одного изъ редакторовъ одного политическаго органа, на какомъ основаніи этотъ органъ бросаетъ въ публику съ одной стороны подозрѣнія, а съ другой, какъ бы увѣренность въ революціонной нечистотѣ Богрова.

Онъ отвѣтилъ: „довѣріе Кулябокъ покупается только однимъ путемъ".

Я спросилъ редактора другой политической газеты о томъ же и получилъ въ отвѣтъ: „на внутреннемъ убѣжденіи".

Я не спрашивалъ ни депутата Родичева, ни профессора Гредескула, но отвѣтъ на „богровщину" я нашелъ въ брошюрѣ послѣдняго, распространявшей это слово по всѣмъ градамъ и весямъ Россіи.

„...Мы теперь — пишетъ Гредескулъ („Терроръ и охрана") — воочію созерцаемъ тотъ для всѣхъ очевидный фактъ, что охрана послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ своего дѣйствія превратилась въ азефовщину-богровщину..."

Азефовщина — это, по Гредескулу, то, что защитники охраны, вродѣ Замысловскаго, считаютъ почти что козыремъ въ своихъ рукахъ, т. е. агенты охраны среди террористовъ.

Богровщина — агенты террористовъ въ средѣ охраны.

И вотъ, говоритъ Гредескулъ, такъ какъ дѣятельность тѣхъ и другихъ переплетается

съ фактическимъ участіемъ въ дѣлахъ той среды, куда на развѣдки ихъ послали, то отсюда и получаются неожиданности: либо самоубійство, когда положеніе предателя дѣлается совершенно безвыходнымъ, либо такое убійство, какъ убійство Столыпина, когда весь запутавшійся узелъ предательства надо разрубить сразу мечемъ, какъ Гордіевъ узелъ.

Для меня совершенно неясно, почему это именно азефовщина-богровщина?

Гордіевъ узелъ, разрубленный Богровымъ, мерещится г-ну Гредескулу, какъ и г-ну Родичеву, которому въ этомъ случаѣ принадлежитъ пріоритетъ на нѣмецкую пословицу: «Wer A sagt, der muss auch B sagen» *), — въ предательствахъ Богрова**).

Но если бы подойти къ нимъ такъ же вплотную, какъ я подходилъ къ упомянутымъ журналистамъ, отвѣтъ получился бы не лучше.

Я вовсе не хочу сказать, что второго конца палки провокаціи — нѣтъ.

Онъ есть. Но не было и нѣтъ до сихъ поръ основаній для именованія этого конца палки — „богровщиной".

И зачѣмъ понадобилась „богровщина"?

Если хотѣли уязвить охрану ихъ же добромъ, не довольно ли одной азефовщины? Вѣдь и Замысловскій вовсе не думаетъ, что Азефъ былъ только агентомъ охраны и ничѣмъ больше; онъ отлично знаетъ объ участіи Азефа въ убійствахъ Плеве, великаго кн.

---

*) Засѣданіе Госуд. Думы, 16 ноября 1911 г.

**) Засѣданіе Госуд. Думы 15 окт. 1911 г. *Родичевъ:* ...„Подумайте, г.г., о трагизмѣ положенія: до 1-го сентября Богровъ, впослѣдствіи повѣшенный, могъ про себя сказать — „я не изъ тѣхъ кого вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, кто вѣшаетъ".

Сергѣя и во многихъ другихъ террористическихъ актахъ.

Азефовщина уже о двухъ концахъ — зачѣмъ же еще и богровщина?

Если же хотѣли уязвить террористовъ, то вѣдь надо же спросить сперва броду, прежде чѣмъ соваться въ воду. Можетъ быть такія драмы, какія рисуетъ Гредескулъ, съ ихъ послѣдними этапами — самоубійствомъ и убійствомъ кого-либо изъ охраны, возможны и были, но при чемъ здѣсь убійство Столыпина, при чемъ здѣсь Богровъ? Гдѣ основанія для наклеиванія на это явленіе ярлыка — „богровщина“?

Всѣ исходятъ изъ одной презумпціи: Богровъ-провокаторъ или Богровъ-охранникъ.

Источникъ этой презумпціи — Кулябко.

Кулябкѣ вѣрили всѣ, начиная съ Макарова и кончая самыми крайними революціонерами.

Всѣ повѣрили, но никто не провѣрилъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ въ своей отвѣтной рѣчи на запросъ объ убійствѣ Столыпина утверждалъ въ одно и то же время, что Богровъ — секретный сотрудникъ и что правительству неизвѣстны данныя ревизіи Трусевича *).

Да было ли въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что Богровъ — сотрудникъ?

Только одному депутату и только на одну минуту положеніе показалось страннымъ:

„Онъ (Макаровъ) намъ сказалъ — говорилъ Милюковъ въ засѣданіи Гос. Думы отъ 30 ноября 1911 г. — что онъ ничего не знаетъ, тогда онъ долженъ не знать, кто такой Богровъ?“

*) Засѣданіе Гос. Думы. 16 ноября 1911.

Милюковъ склоненъ былъ думать, что правительство, вопреки своимъ утвержденіямъ, все знаетъ и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вопреки утвержденіямъ Макарова, Богровъ-провокаторъ.

Такого рода разсужденія были нелогичны. Однако, странность и нелогичность ускользнули съ поля вниманія, и Богровъ-провокаторъ оставался незыблемой презумпціей.

Ни у кого не было фактическихъ доказательствъ „сотрудничества“ Богрова съ охраной, и никто ихъ не требовалъ.

Между тѣмъ, только въ томъ случаѣ, если бы эти доказательства имѣлись, было бы справедливо употреблять имя Богрова въ нарицательномъ смыслѣ.

Быть можетъ, было бы справедливо, оцѣнивая внутреннюю сущность явленій, „азефовщиной“, именовать присутствіе въ революціи людей, по своему нравственному облику стоящихъ ближе къ охранѣ, чѣмъ къ революціи, и „богровщиной“ — присутствіе въ охранѣ людей, ближе стоящихъ къ революціи.

Но, помимо того, что нравственный обликъ Богрова во всѣхъ воспоминаніяхъ о немъ рисуется безупречнымъ, — Богровъ, по извѣстнымъ до сего дня матерьяламъ, столь же былъ въ охранѣ, какъ и Рутенбергъ и, во всякомъ случаѣ, въ меньшей степени, чѣмъ Петровъ.

Вся бѣда Богрова въ томъ, что онъ не обезпечилъ себѣ истинное истолкованіе своей акціи, не раскрылъ душу свою такъ, какъ это сдѣлалъ Петровъ. Объясненіе этой бѣды Богровъ унесъ съ собою въ могилу. Но вотъ кричащая разница въ обстановкѣ актовъ Петрова и Богрова, которая отчасти, по моему, позволила безнаказанно-свободно обращаться

съ именемъ Богрова и, болѣе или менѣе, осмотрительно съ именемъ Петрова.

Петровъ для всѣхъ, кромѣ Изгоева*), — честный революціонеръ, потому что актъ Петрова не индивидуальный, потому что за нимъ стояла болѣе чѣмъ группа его сотоварищей-помощниковъ, за нимъ была группа руководителей изъ революціоннаго центра.

Богровъ же совершилъ свой актъ индивидуально, и ни одна группа или партія не могла раздѣлить съ нимъ за этотъ актъ отвѣтственность. А та группа, къ которой идейно причислялъ себя Богровъ, изъ политической осторожности не хотѣла засвидѣтельствовать чистой революціонности Богрова.

Конечно, во всемъ этомъ нѣтъ основаній, какъ для опозоренія имени Богрова, такъ и для попустительства этому почтенному занятію.

Мало ли чего мы не знаемъ и до времени понять не можемъ!

Не вина Богрова, что мы не можемъ себѣ представить полученіе билета иначе, какъ черезъ предательство.

Не его вина, что мы не можемъ измѣрить всю жадность и карьеризмъ Кулябокъ и объять ихъ „психологическіе“ пріемы.

Не вина Богрова, что „внутреннее убѣжденіе“ можетъ и обмануть.

Общую позицію враждебнаго отношенія къ Богрову раздѣлялъ и раздѣляетъ теперь, правда, съ меньшей, но одинаково непонятной увѣренностью, и посвятившій свою жизнь борьбѣ съ охраной и провокаціей В. Л. Бурцевъ. Начавъ съ твердыхъ увѣреній о Богровѣ, какъ о провокаторѣ, и, ставя имя его нерѣдко рядомъ съ именемъ Азефа, онъ перешелъ къ

*) „Русская Мысль“, 1911 — октябрь.

признанію Богрова двуликимъ Янусомъ — революціонеромъ и охранникомъ — вродѣ Меньщикова; далѣе сталъ склоненъ разсматривать Богрова, какъ революціонера, запутавшагося въ охранныхъ сѣтяхъ и, наконецъ, растерялся совершенно и, съ одной стороны, поетъ славу Богрову, какъ истинному революціонеру, съ другой — оставляетъ за собой лазейку, оговариваясь, что внутренне онъ убѣжденъ въ существовавшихъ у Богрова сношеніяхъ съ охраной. И какъ въ началѣ мнѣнія свои онъ обосновывалъ на пустомъ мѣстѣ и въ своихъ интервью и статьяхъ ссылался на свѣдѣнія третьихъ лицъ, такъ и потомъ, и сейчасъ, онъ не можетъ привести ни одного позоряцаго факта.

„Мы всегда думали, — писалъ онъ въ № 24 „Будущаго", *хотя у насъ для этого не было какихъ-либо фактическихъ доказательствъ*—(курсивъ нашъ. А. М.), что Богровъ давно, съ 1907 г. велъ сношенія съ охраной... Если же это такъ, то фактъ (или, если хотите, говоритъ онъ, въ другомъ мѣстѣ, непровѣренныя свѣдѣнія) сношенія Богрова съ охранниками остается, несмотря ни на какія 1-я сентября, непрощаемымъ, кошмарнымъ воспоминаніемъ о немъ и для тѣхъ, кому онъ близокъ."

И нѣсколькими строками ниже:

„А затѣмъ, для насъ Богровъ — человѣкъ, крупно вмѣшавшійся въ современныя событія русской жизни и сумѣвшій съ честью умереть, какъ истинный герой, за то, что сдѣлалось, по его собственнымъ словамъ, цѣлью его жизни."

Въ самое же послѣднее время Бурцевъ отказался и отъ думъ, что „Богровъ давно, съ 1907 г., велъ сношенія съ охраной" и въ № 43 „Будущаго" напечаталъ уже совершенно но-

вую версію, о которой до сихъ поръ еще никто не слыхалъ и не упоминалъ, даже тѣ, кому это было бы только выгодно, какъ Кулябко, Спиридовичъ и К°.

Онъ писалъ:

„По нашимъ свѣдѣніямъ, Богровъ былъ „заагентуренъ" Спиридовичемъ въ 1903 г., когда онъ былъ... гимназистомъ 4-5 класса!.."

Нѣтъ нужды доказывать, что и эта версія покоится не на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ всѣ прежнія, утверждавшіяся Бурцевымъ. Несмотря на то, что онъ упоминаетъ о какомъ-то докладѣ Спиридовича департаменту полиціи о пріобрѣтеніи Богрова, сообщеніе Бурцева имѣетъ, по его же собственнымъ словамъ, характеръ скорѣе полицейскихъ сплетенъ, чѣмъ свѣдѣній" *).

Такое нелѣпое положеніе, въ какое попалъ въ концѣ концовъ Бурцевъ съ дѣломъ Богрова, доказываетъ именно власть гипноза, отъ которой онъ еще не можетъ отдѣлаться и подъ которую онъ попалъ вмѣстѣ со всѣми.

Не имѣя никакихъ фактическихъ доказательствъ виновности Богрова, онъ какъ бы боится потерять свой авторитетъ признаніемъ этого безъ лишнихъ оговорокъ, но прячется

---

*) А наивный Всеволодъ Чаговецъ изъ „Кіевской Мысли", 30 апрѣля 1913 г., превратилъ эту *информацію* въ „безусловныя" данныя, подтверждающія, что Богровъ былъ заагентуренъ еще гимназистомъ.

Охранѣ выгодно было сдѣлать Богрова какъ можно болѣе старымъ сотрудникомъ и если ни Кулябко, которому Спиридовичъ долженъ былъ передать Богрова, ни самъ Спиридовичъ, до сихъ поръ не заикались о сотрудничествѣ Богрова съ 1903 г. ни въ печати, ни на ревизіи Трусевича, ни на слѣдствіи Шульгина, то ясно, конечно, что не только нѣтъ основанія превращать сплетню въ „безусловныя" данныя, но и вообще о ней говорить.

за какой-то внутренній голосъ свой, внушающій ему искать какихъ-то опроверженій неимѣющихся фактовъ или свѣдѣній.

Позволительно спросить, почему же все-таки печать и общество такъ единодушны въ своемъ отношеніи къ Богрову?

Мы должны здѣсь вспомнить, что первое сентября случилось послѣ ревизіи сенатора Кузьминскаго, послѣ запроса о виленскомъ охранномъ отдѣленіи, послѣ Азефа, послѣ Ландезена-Гартинга, послѣ Петрова, послѣ разбитыхъ надеждъ Маклакова на минимальный правопорядокъ въ Россіи, послѣ того, какъ система россійскаго правленія была твердо установлена на произволѣ, на усиленной и чрезвычайной охранахъ.

Петръ Столыпинъ, съ маской конституціоналиста, былъ утвердителемъ этого режима.

Поэтому то, когда такой столпъ охраны, какъ Столыпинъ, свалился, казалось, отъ воспитанной имъ же руки, общество и печать учуяли въ позорящихъ Богрова слухахъ удобную почву для сведенія счетовъ съ охраннымъ порядкомъ и сразу поддались гипнозу репортерскихъ сообщеній. А опредѣленная часть либеральныхъ дѣятелей воспользовалась дѣломъ Богрова и для направленія стрѣлъ своихъ противъ террора вообще.

Петръ Струве въ „Русской Мысли“ (октябрь, 1911 г.) говорилъ, что богровскій выстрѣлъ чуждъ обществу, онъ не его порожденіе, общество Богрова не ощущаетъ. Оно не ощущаетъ первое сентября такъ, какъ оно ощущало первое марта. „Перваго марта 1881 г. преступленіе было совершено какъ-то „своими“ руками, а перваго сентября 1911 г. совсѣмъ чужими ру-

ками. Чужими руками, чужой душой — и потому совсѣмъ чужое дѣло." И далѣе: „съ внутренней жизнью самого общества это убійство никакъ не связано."

„Чужимъ" посчитала выстрѣлъ Богрова и та часть россійскаго либеральнаго общества, которая нѣкогда открыто радовалась террористическимъ актамъ. Она, эта часть, упала въ обморокъ сейчасъ же послѣ 1-го сентября и въ „безумій" своемъ лепетала жалкія, малодушныя слова и всѣми способами старалась заявить себя вѣрноподданной паинькой. Въ особенности, она стала изливаться „въ остромъ чувствѣ скорби по поводу трагически прерванной жизни," когда на нее посыпались обвиненія за богровскій выстрѣлъ со стороны октябристско-націоналистскихъ элементовъ. Еще сильнѣе стали отмахиваться отъ Богрова тогда, когда шумъ грязныхъ сплетенъ вокругъ его имени далъ имъ въ руки оружіе для отраженія яростно поведенной націоналистами аттаки. Они, не смущаясь, ухватились за это оружіе обѣими руками и не выпускаютъ его до сихъ поръ.

Въ представленіи соціальдеморатическихъ публицистовъ „Нашей Зари" политическій моментъ къ 1-му сентября 1911 года былъ таковъ, что реакціонные круги только и ждали какого-нибудь террористическаго акта, а опредѣленная часть этихъ круговъ, по предположенію одного изъ сотрудниковъ упомянутаго журнала, даже сама готовила его, съ цѣлью усилить реакціонныя вожделѣнія. Въ „Нашей Зарѣ" были очень довольны представившейся возможностью ухватиться за позорящіе Богрова слухи, воспользоваться ими безъ оглядки, лишь бы поскорѣе отплатить реакціонерамъ за пережитый страхъ. Помилуйте, вѣдь

ежели не было бы этихъ слуховъ, ежели бы богровскій актъ не запутали въ тину охранной грязи, какая бы это была плодотворная почва для озлобленной своимъ безплодіемъ реакціи. Вѣдь, выстрѣлъ Богрова былъ бы „не только актъ революціоннаго террора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и актъ, произведенный рукой представителя еврейской національности". Это была бы великолѣпная канва, писали въ „Нашей Зарѣ", на которой оставалось только расшить самые кровавые и самые свирѣпые реакціонно-націоналистическіе узоры. Ухъ, бѣда! Пожалуй бы дѣйствительно соціальдемократію и еврейство Россіи взяли въ желѣзо — по совѣту „Новаго Времени". До тѣхъ поръ, во время еврейскихъ погромовъ, только глаза выкалывали, животы распарывали, груди отрѣзали, теперь живьемъ бы съѣдали. Не дай Богъ, если бы Богровъ оказался революціонеромъ! Евреямъ, очевидно, по мысли этихъ публицистовъ, нужно бы если и не ножки-ручки цѣловать у нововременскихъ организаторовъ погромовъ за ихъ прежнія и настоящія ласки, то, по крайней мѣрѣ, смирно сидѣть и „не рыпаться", а не только терроромъ не заниматься.

Удивительно ли, что послѣ всѣхъ этихъ воображаемыхъ ужасовъ всѣ политическіе дѣльцы ухватились за Богрова — „провокатора", „агента охраны", какъ за своего спасителя и навалились на него такъ, что если бы, казалось, привести въ ту пору самыя очевидныя доказательства его непричастности къ охранѣ, то и тогда бы не повѣрили. Слишкомъ важенъ былъ Богровъ-„провокаторъ" для даннаго момента, какъ они его представляли и для заячьихъ душенокъ, какія они собою представляли.

И не это одно.

Подумайте-ка, какой эффектъ!

Вѣдь еще Покровскій 2-ой, с-дскій депутатъ, при запросѣ объ Азефѣ говорилъ, отвѣчая гр. Бобринскому: „Графъ Бобринскій, желая довести до абсурда нашъ выводъ, говоритъ: „Что-же, по вашему, получается, что Столыпинъ организуетъ самъ на себя покушенія?". „Да, скажемъ мы".

И вотъ подтвержденіе — Богровъ.

Для политическихъ дѣльцовъ „чужой" выстрѣлъ оказался заманчивымъ предлогомъ посчитаться со своими противниками и, увлеченные политической игрой, они мало обращали вниманія на то, что въ этой игрѣ топится честь и достоинство человѣка, жертвовать которыми никто, кромѣ этого самаго человѣка, не имѣетъ права. Политическія выгоды отъ приложенія къ имени Богрова клеймъ: „охранникъ", „провокаторъ", „авантюристъ" и пр. были настолько очевидными, что только очень немногіе старались совершенно безпристрастно и самостоятельно выяснять личность Богрова и роль его въ дѣлѣ 1-го сентября.

Насколько вѣрна была, на самомъ дѣлѣ, эта „чуждость", эта несвязанность убійства Столыпина „съ внутренной жизнью самого общества" можно было видѣть изъ писаній самихъ же чуждавшихся дѣла и личности Богрова, когда имъ необходимо было отъ провозглашенія выгоднаго политическаго лозунга переходить къ анализу политической дѣйствительности.

Уже „Рѣчь" послѣ первыхъ дней испуга задалась „съ глубокой скорбью" вопросомъ, „почему до сихъ поръ не исчезъ патологиче-

скій элементъ нашей политической жизни, почему то оздоровленіе, котораго мы такъ страстно всѣ жаждемъ и ждемъ отъ обновленнаго строя, до сихъ поръ еще не наступило". „Передъ гробомъ Столыпина, писала „Рѣчь" 6-го сентября, всѣ, кому дорого будущее Россіи, могутъ повторить только, что внѣ послѣдовательнаго развитія идей манифеста 17 октября великая Россія не можетъ достигнуть своего политическаго обновленія".

„Русское Слово", послѣ ряда возмутительныхъ для нравственнаго чувства статей, повторяетъ то же: „Всѣ люди здраваго смысла очень хорошо знаютъ, чему учитъ исторія. Они очень хорошо понимаютъ все то, что оплодотворяетъ и распложаетъ сгущенная атмосфера, зараженная испареніями реакціи. Пора понять, что здоровая жизненная атмосфера безостановочнаго и безпрепятственнаго развитія — лучшее противоядіе противъ разрушительныхъ элементовъ".

А въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" читаемъ: „Какой то фатальной силой вещей мы опять поставлены въ положеніе, въ которомъ такъ долго и такъ страшно бьется русская жизнь. Опять передъ русскимъ обществомъ всталъ вопросъ, чѣмъ вызываются и когда могутъ окончиться такія явленія политической ненависти". И теперь, передъ новымъ актомъ насилія, какъ и 5 лѣтъ тому назадъ, „Русскія Вѣдомости" не могутъ не остановиться на причинахъ повторенія печальнаго явленія: „Это — все тѣ же причины: несоотвѣтствіе между желаніями и стремленіями общества, съ одной стороны, и тѣми рамками, въ которыя поставлены жизнью — съ другой. На это несоотвѣтствіе указывалось въ актѣ, удостоив-

шемся въ 1905 году Высочайшаго одобренія. И это несоотвѣтствіе не переставало существовать".

Но связь богровскаго выстрѣла съ внутренней жизнью Россіи яснѣе всего вскрыта Т. Ардовымъ въ „Утрѣ Россіи, № 204:

„Общество русское, — говоритъ онъ, — по крайней мѣрѣ, тѣ его классы, мнѣнія которыхъ отражаются печатью, — осуждаетъ терроръ и отворачивается отъ него съ отвращеніемъ. И нельзя вовлагать на него, на всю Россію, отвѣтственность за кіевскій выстрѣлъ, нельзя подозрѣвать ее въ соучастіи въ преступленіи Богрова."

Это, такъ сказать, реверансъ въ сторону власти. Теперь дальше:

„Но съ другой стороны, мы не вправѣ и счесть это случайностью. Бросить слова „преступникъ," „безумецъ" по адресу Богрова, значитъ не сказать ничего, значитъ ничего не понять, значитъ — ограничиться канцелярской отпиской...

„Не въ личной волѣ Богрова дѣло. Въ исторіи личная воля и все, что дѣлаетъ личность, такъ сплетаются съ причинами чисто историческими, роковыми, что одно отъ другого нельзя отдѣлить...

„П. А. Столыпинъ былъ пораженъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ на вершинѣ торжества... Онъ былъ раненъ въ тотъ часъ, когда окруженный преклонявшимися предъ нимъ друзьями и покорными исполнителями своей воли, счастливый и веселый, онъ какъ бы праздновалъ свой тріумфъ ...

„Суровыми мѣрами (страна) была подчинена совершенно; суровыми мѣрами былъ сдержанъ

голосъ печати; суровыя мѣры были примѣнены къ общественнымъ организаціямъ; суровыя мѣры перевернули всю школьную, университетскую жизнь и очистили университетъ отъ враждебныхъ принятому курсу элементовъ; суровыя мѣры были взяты и по отношенію къ инородцамъ, и былъ даже поднятъ вопросъ объ анексіи цѣлой части Финляндіи. Все молчало, все подчинялось, все исполняло его волю — и эта воля чувствовалась во всемъ, отъ судебъ цѣлыхъ народовъ и до послѣдняго переселенца. Вотъ какова была Россія...

„И какъ же было не торжествовать. Кіевъ— это былъ большой тріумфъ П. А. Столыпина, праздникъ его политики.

„И вдругъ — этотъ выстрѣлъ. Вдругъ — средняго роста шатенъ съ браунингомъ... Въ самомъ разгарѣ тріумфа. Развѣ не странно, развѣ не символично это совпаденіе?..

„Откуда этотъ гнѣвъ судьбы? И нѣтъ ли ему разгадки? Не слышится ли за шумомъ этихъ револьверныхъ выстрѣловъ другой звукъ, нѣкоторый внятный предостерегающій голосъ, который заставляетъ подумать объ этихъ ошибкахъ. Выстрѣлъ Богрова осудила вся печать... Осудила потому, что она считаетъ, что теперь у русскаго общества должны быть и могли бы быть другіе, не кровавые способы протеста. Она считаетъ такъ, но выстрѣлъ прозвучалъ, кровь пролилась. Что же? Или это значитъ, что такихъ способовъ на дѣлѣ у общества и теперь нѣтъ? Можетъ быть, это хотѣла сказать судьба и сказала на страшномъ языкѣ выстрѣловъ и крови? Можетъ быть, это ея грозное „довольно...“

Въ нашей выдержкѣ изъ фельетона Т. Ардова „На высотѣ...“ не нужно ничего подчер-

кивать. Разрѣшеніе вопросовъ автора, его „можетъ быть“ находится въ самомъ фельетонѣ.

Да, выстрѣлъ Богрова означалъ: „довольно.“

И это поняли — какъ не понять! — въ той же „Русской Мысли,“ гдѣ Струве отмежевывался и отмежевывалъ русское общество отъ акта Богрова. Изъ кіевскаго дѣла и здѣсь дѣлался тотъ же выводъ: надо легализировать общественную жизнь.

Стало быть, лицемѣріе и одна лишь политическая игра говорить, что дѣло Богрова не дѣло русскаго общества, а дѣло „чужое.“ Оно становилось „своимъ,“ когда нужно было робко, старымъ эзоповскимъ языкомъ, въ одномъ-двухъ номерахъ напомнить о „нездоровой общественной атмосферѣ“ и—„чужимъ“, когда оно было удобнымъ предлогомъ для сведенія счетовъ.

Но то, что было задачей одного лишь момента, заполнило всѣ страницы печати и затерло объективное отношеніе. Чужое дѣло, чужія руки, чужая душа — объ этомъ, главнымъ образомъ, твердилось всюду и вездѣ.

Между тѣмъ, информаціи были столь противорѣчивы, подчасъ столь нелѣпы, что, при спокойномъ и объективномъ отношеніи къ сообщаемымъ фактамъ, это можно было бы сейчасъ же замѣтить. Можно было замѣтить также и полную неизвѣстность источника распространяемыхъ слуховъ, а тамъ, гдѣ онъ былъ извѣстенъ, онъ обнаруживалъ несомнѣнную заинтересованность въ распространеніи именно такихъ, а не иныхъ слуховъ.

Несомнѣнно, ясно, что выстрѣлъ Дмитрія Богрова есть актъ общественнаго протеста, что цѣлью его было поколебать ту, начинав-

шую уже консервироваться, увѣренность въ прочность николаевскаго престола и порядка, и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ показать своей военной хитростью ненадежность основы, на которой зиждется этотъ престолъ *).

Но едва-ли онъ разсчитывалъ, чтобы его актъ могъ послужить такимъ средствомъ борьбы, въ которомъ его собственное имя будетъ смѣшано съ вражескою грязью и обезчещено; чтобы во имя общихъ политическихъ выгодъ пренебрегли его личностью, его честью и достоинствомъ.

Намъ кажется, что, если бы онъ и самъ сознательно приносилъ въ жертву Россіи эту честь и достоинство, то мы, его современники, не должны были, во всякомъ случаѣ, такъ неосмотрительно и неосторожно торопиться съ его осужденіемъ. Тѣмъ болѣе, что Дмитрій Богровъ повѣшенъ и повѣшенъ скорѣе, чѣмъ кто-либо изъ террористовъ.

---

*) Лучшимъ доказательствомъ, что Богровъ, вольно или невольно, достигъ послѣдняго, могутъ служить строки, напечатанныя въ „Гражданинѣ," по случаю 11 мѣсячнаго юбилея кіевскаго быстрѣла. Кн. Мещерскій писалъ:

„Завтра минетъ 11 мѣсяцевъ съ того рокового дня, когда кіевская драма ударила очень сильно и больно наше правительство и Россію, ибо смерть бѣднаго Столыпина съ ужасающей ясностью убѣдила всѣхъ, что безопасность государства весьма плохо обезпечена порядками сыска и охраны. Запомнились мнѣ слова, сказанныя съ убѣжденіемъ и съ искренней силой преемникомъ Столыпина нѣсколько дней послѣ его назначенія: „разумѣется, необходимо немедленное и полное преобразованіе всего полицейскаго и охраннаго строя, и оно будетъ сдѣлано." Приблительно то-же говорилъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ."

Конечно, „оно" не сдѣлано, ибо, какъ справедливо замѣтило по поводу статьи Мещерскаго „Современное Слово", реформа охраны — заколдованный кругъ для бюрократіи, который она разорвать не въ состояніи.

Легкомыслiе, однако, было такъ велико, что именно фактъ повѣшенiя, фактъ устраненiя Богрова изъ списка живыхъ, послужилъ къ вящей смѣлости для произнесенiя приговоровъ надъ Дмитрiемъ Богровымъ, къ увѣренности въ полной безнаказанности, въ случаѣ ошибки, если мысль о таковой и являлась у кого-нибудь.

И характерно. Вспомнили о родныхъ патентованнаго преступника, назвали канибальствомъ, верхомъ наглости и безсердечiя злорадство Бакая надъ трупомъ Столыпина. Но измываться надъ горемъ близкихъ и родныхъ Богрова не показалось ни безсердечнымъ, ни безчеловѣчнымъ.

Лежачему Богрову наносили физическiе удары охранники и черносотенная челядь, правительство его задушило, и въ этихъ почтенныхъ занятiяхъ торопились помогать имъ, и сейчасъ помогаютъ, позоря имя Богрова и память о немъ, общество и печать.

Богровъ-«провокаторъ».

Нѣсколько времени спустя послѣ событія 1-го сентября, во Франціи имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Самъ предсѣдатель совѣта министровъ, Кайо, неосторожно бросилъ обвиненіе въ провокаторствѣ одному невинному рабочему Рикардо. Въ рабочихъ и соціалистическихъ кругахъ Франціи это обвиненіе вызвало бурю негодованія противъ Кайо, неприведшаго ни одного фактическаго доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ. Въ палатѣ депутатомъ Лошъ былъ внесенъ запросъ, а въ соціалистическомъ «L'Humanité» Морисъ Алларъ писалъ:

«Je n'ai point à defendre Ricardeau que je ne connais ni de près, ni de loin. Tout ce que je vois dans cette affaire, c'est qu'aucune preuve n'a été apportée contre lui. Or, en matière de mouchardise, il faut, je le répète, des preuves abondantes et complètes. On ne saurait déshonorer un homme sur de simples supçons».

Кайо въ отвѣтъ на интерпеляцію Лоша отказался отъ обвиненія.

А послѣ разбора этого дѣла въ заинтересованныхъ кругахъ честность Рикардо была установлена и объ этомъ было напечатано, какъ въ «L'Humanité», такъ и въ «Bataille Syndicaliste».

Но насъ не интересуетъ здѣсь вопросъ, былъ ли Рикардо на самомъ дѣлѣ провокаторомъ или нѣтъ. Намъ важно самое отношеніе французскихъ политиковъ и печати къ обвиненію бездоказательному, каковое отношеніе намъ кажется единственно справедливымъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Не такъ поступили наши русскіе политическіе дѣятели по отношенію къ Богрову. Тяжесть доказательствъ въ противномъ ихъ обвиненію они возложили на исторію и на тѣхъ немногихъ, кто не былъ съ ними согласенъ. Не обвинители должны были, оказывается, подкрѣплять свои обвиненія фактами и доказательствами, а несогласные съ обвинителями и исторія должны доказывать несостоятельность ихъ голословныхъ обвиненій. И это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда многіе изъ тѣхъ же политическихъ дѣятелей и весь міръ протестуетъ противъ кошмарнаго дѣла Бейлиса, въ которомъ вопросъ о его виновности ставится въ той же плоскости, какъ и вопросъ о виновности Богрова.

Въ дѣлѣ Бейлиса почтенную роль бездоказательнаго обвиненія взяло на себя правительство и иже съ нимъ.

Въ дѣлѣ Богрова эту роль взяли на себя въ трогательномъ единеніи и общество и правительство.

Въ дѣлѣ Бейлиса игнорируются всѣ опредѣленныя указанія на истинныхъ убійцъ и виновниковъ убійства Ющинскаго, и въ политическихъ цѣляхъ поддерживается атмосфера заподазриванья еврейства въ скрываніи имъ секты, практикующей употребленіе христіанской крови въ ритуальныхъ цѣляхъ, и на самаго Бейлиса взваливается задача доказать

свое «alibi», свое *неучастіе* въ убійствѣ Ющинскаго и на само еврейство — доказать *несуществованіе* подобной секты.

Въ дѣлѣ Богрова игнорируется все, что можетъ быть отнесено вполнѣ на вину Кулябокъ и Курловыхъ, и въ политическихъ видахъ поддерживается басня о службѣ Богрова въ охранѣ, правительствомъ Трусевичей и Макаровыхъ для того, чтобы свалить все на нарушеніе циркуляра и тѣмъ отстоять самую основу охранной дѣятельности и существующаго строя, обществомъ — какъ удобная почва для борьбы съ охраной и съ этимъ строемъ съ возложеніемъ задачи доказыванія *несотрудничества* въ охранѣ еще на болѣе удобныя плечи, чѣмъ въ дѣлѣ Бейлиса, на плечи исторіи и тѣхъ, кто уклоняется отъ почтеннаго занятія бить лежачаго.

Но общая солидарность въ постановкѣ вопроса такова, что волей-неволей приходится съ этимъ считаться.

Прежде всего нужно отмѣтить, что ревизія Трусевича нисколько не поколебала увѣренности общества въ „сотрудничествѣ“ Богрова съ охраной. Ибо вопросъ: кто такой Богровъ, Трусевичъ оставилъ затушеваннымъ. Не думаемъ, чтобы Трусевичу было трудно совершенно опредѣленно выяснить физіономію Богрова. Но для него, какъ, можетъ быть, и для немногихъ другихъ, главная задача ревизіи состояла не въ раскрытіи всей правды.

Черезъ 15 дней послѣ убійства Столыпина депутатъ Покровскій 2-ой говорилъ о назначенной ревизіи:

„Напрасно намъ указываютъ на ревизію сенатора Трусевича... онъ ничего не раскроетъ въ дѣятельности охраны; наоборотъ, онъ сты-

дливо прикроетъ грязную наготу этой охраны." (Зас. 15 окт. 1911).

Депутатъ не ошибся. То, что нужно было скрыть и стыдливо прикрыть, опытный полицейскій сдѣлалъ. Было бы слишкомъ кричащимъ позоромъ для столповъ кіевской охраны (она все-таки для Трусевича свой братъ) показать, что она была одурачена не только не своимъ сотрудникомъ — грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! — но совершенно посторонниимъ охранѣ человѣкомъ, дѣйствительнымъ и честнымъ революціонеромъ.

Это было бы кричащимъ и невыгоднымъ позоромъ, ибо правительство, повѣривъ Кулябкѣ, уже заявило во всеуслышаніе, что Богровъ—сотрудникъ; ибо само общество поставило свой бланкъ на кулябкинскомъ измышленіи и было-бы политически неразумнымъ для правительства уйти отъ легкаго объясненія кіевской драмы и дать ревизіи другое, хотя бы и согласное съ истиной, но еще болѣе тяжелое для него направленіе.

Ревизія Трусевича и слѣдствіе Шульгина являлись, вѣдь, только формальными, имѣвшими успокоительныя цѣли, актами, и для правительства свести все дѣло къ печальному результату служебнаго недоразумѣнія, къ нарушенію циркуляра 3 октября 1906 года, представлялось наиболѣе цѣлесообразнымъ и выгоднымъ.

Понятно, тѣ, кто повѣрилъ искренности правительства, заявившаго въ Государственной Думѣ о своемъ желаніи „пролить на это дѣло самый яркій свѣтъ," были лишній разъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Обѣщанія выяснить и исчерпать кіевскій вопросъ до дна правительство, понятно, не сдержало.

Не отступая отъ выгодной презумпціи:—Богровъ-сотрудникъ, — и ревизія Трусевича, и слѣдствіе Шульгина не выходили изъ тѣснаго круга обстоятельствъ, сопровождавшихъ кіевское дѣло и, даже въ этомъ объемѣ, оставили многое темнымъ.

Однако, несмотря на сознательную затушевку кіевской тайны, ревизія Трусевича и слѣдствіе Шульгина дали все-таки кое-какія свѣдѣнія и противорѣчія, которыя могутъ послужить выясненію этой тайны.

Постараемся же разобраться въ тѣхъ фактахъ, которыя ставились въ вину Богрову и служили для общества доказательствомъ принадлежности его къ охранѣ, и поставимъ ихъ въ связь съ позднѣе обнаруженными данными, свѣдѣніями ревизіи Трусевича и соображеніями слѣдствія Шульгина.

До опубликованія нѣкоторыхъ данныхъ изъ ревизіи Трусевича обвинители и хулители Богрова основывались, главнымъ образомъ, на единственно твердо установленномъ фактѣ, какъ бы намекающемъ на сотрудничество Богрова съ охраной—на происхожденіи билета, съ которымъ Богровъ вошелъ въ театръ. Тщетны были указанія на то, что этотъ фактъ могъ быть объясненъ и не только какъ связь Богрова съ охраной, но и какъ военная хитрость, подобная способу Гронскаго (Суляржицкаго) въ дѣлѣ Лауница. Теперь мы отлично знаемъ, какимъ образомъ билетъ оказался въ рукахъ Богрова и какъ этотъ фактъ ни въ малѣйшей степени не запятналъ его совѣсти *). И тѣ, кто настаивалъ на объясненіи

*) Кромѣ того, см. о царившихъ при выдачѣ билетовъ порядкахъ. — Приложеніе I.

полученія билета въ худую сторону, тѣ, у кого для сомнѣвающихся была готова формула „билеты не даромъ даются", должны теперь признать, что они не были правы и что ихъ совѣсть несомнѣнно пострадала отъ ихъ скороспѣлыхъ сужденій.

Другой, въ нѣкоторой степени подозрительный, моментъ теперь тоже опровергнутъ. Выяснено не только то, что судъ товарищей въ тюрьмѣ, разсматривавшій всѣ обвиненія и слухи, въ связи и безъ связи съ освобожденіемъ Богрова изъ тюрьмы, вынесъ полный оправдательный приговоръ Богрову, приговоръ, признавшій всѣ слухи по отношенію къ нему вздорными; не только то, что эти слухи казались вздорными и всѣмъ рѣшительно виднымъ анархическимъ дѣятелямъ, знавшимъ Богрова, отказавшимъ даже и въ напечатаніи резолюціи тюремнаго суда, чтобы не распространять нелѣпую исторію, — но стала извѣстной и самая причина освобожденія Богрова изъ тюрьмы, настолько ясная при нынѣшнихъ россійскихъ порядкахъ, что и спорить здѣсь не приходится. Для того, кто знаетъ положеніе семьи Богровыхъ въ Кіевѣ, совсѣмъ неудивительно использованіе вліятельныхъ связей, которыми располагалъ отецъ Богрова. Еще въ декабрѣ 1911 г. я, въ другомъ мѣстѣ, говорилъ, что Кулябко не было никакого расчета сперва называть Богрова важнымъ преступникомъ и затѣмъ его освобождать, если бы Богровъ дѣйствительно служилъ въ охранѣ. Но ему былъ расчетъ придать дѣятельности Богрова важность, если Богровъ не служилъ, и упираться въ его освобожденіи. Однако, связи отца Богрова побѣдили и, не имѣя ничего кромѣ агентурныхъ свѣдѣній о Богровѣ-сынѣ, Кулябко вы-

нужденъ былъ его освободить. Говорить о томъ, что совершенно иначе отнеслись власти къ другимъ, арестованнымъ вмѣстѣ съ Богровымъ, лицамъ не приходится, ибо, во-первыхъ, если бы это было и такъ, то это лишь характеризовало бы россійскіе порядки, когда имѣющій связи имѣетъ и большіе шансы на успѣхъ, а, во-вторыхъ, какъ это выяснилось теперь, это и не было такъ. Вздорный фактъ объ общемъ арестѣ Богрова съ другими въ сентябрѣ 1908 года на мѣстѣ преступленія, при попыткѣ устроить побѣгъ арестованнымъ и сопровождавшимся съ конвоемъ въ судъ товарищамъ, опровергается простой справкой о моментѣ ареста Богрова. Богровъ былъ арестованъ *ночью* 10-го сентября 1908 г., когда, какъ извѣстно, въ судѣ никакого присутствія не бываетъ и никого изъ арестованныхъ въ судъ не приглашаютъ, ни для допроса, ни для ознакомленія съ дѣломъ. Богровъ еще днемъ замѣтилъ за собою слѣжку и, когда поздно вечеромъ онъ отправился провожать жену своего брата на дачу въ Лукьяновку, онъ убѣдился въ этомъ. Осторожность его была такова, что онъ даже не взялъ съ собой обычно носимаго имъ браунинга. На обратномъ пути съ вокзала онъ былъ арестованъ одинъ-одинешенекъ, и ясно, что онъ никакого политическаго предпріятія не провалилъ и никого не выдалъ. Если прослѣдить по нѣкоторымъ внѣшнимъ моментамъ изъ жизни Богрова до 10 сентября 1908 г., можно увидѣть, что арестъ 10 сентября являлся логическимъ завершеніемъ дѣятельности одного изъ двухъ враговъ, а не случайнымъ маневромъ охраны. Уже съ осени 1907 г., послѣ 2-хъ недѣльной болѣзни Богрова, когда онъ снова принялся за анархическую работу, послѣдняя обращаетъ на

себя вниманіе охраны, и она зорко слѣдитъ за Богровымъ. Въ ноябрѣ производитъ у него обыскъ, послѣ котораго Богровъ покидаетъ Кіевъ и направляется въ Баку, откуда возвращается въ февралѣ 1908 г. опять въ Кіевъ, гдѣ, повидимому, снова попадаетъ въ поле наблюденія охраны, заканчивающееся арестомъ 10 сентября.

Говорили раньше и о громадномъ періодѣ провокаціонной дѣятельности Богрова. Рамки его указывали очень широкія: съ 1906 г. по сентябрь 1911 г. Въ „Русскомъ Словѣ“ было напечатано сообщеніе со словъ лица „ближе, чѣмъ кто-либо стоящаго къ Кулябко“ и „совпадающее, повидимому, съ объясненіемъ Кулябко,“ перепечатанное въ „Рѣчи“ отъ 11 сентября 1911 г., что Дмитрій Богровъ состоялъ съ 1906 г. „секретнымъ сотрудникомъ“ и „шелъ по анархистамъ.“

Теперь уже, однако, ни близкое, ни далекое къ Кулябко лицо, ни самъ Кулябко этого болѣе не утверждаютъ. По Кулябкинскимъ показаніямъ ревизіи (кстати сказать, единственнымъ показаніямъ, опорочивающимъ Богрова) періодъ провокаціонной дѣятельности Богрова ограничивается временемъ съ 1907 года по апрѣль 1910 г., ибо, по словамъ Кулябко, онъ не видалъ Богрова полтора года до 26 августа.

Но и за этотъ періодъ Кулябко не можетъ привести ни одного факта предательства Богрова. Кромѣ голыхъ заявленій о томъ, что Богровъ оказалъ ему рядъ цѣнныхъ услугъ и участвовалъ въ цѣломъ рядѣ ликвидацій анархистскихъ группъ, отъ него ничего добиться не могли. Въ чемъ заключались эти цѣнныя услуги, кого и что ликвидировалъ Богровъ, мы изъ ревизіи Трусевича не знаемъ. Между

тѣмъ, какъ изъ хода ея знаемъ, что Трусевичъ требовалъ для провѣрки заявленій Кулябко дѣла и изъ судебной палаты, и изъ военно-окружного суда, на которыя Кулябко ссылался, какъ на выданныя Богровымъ.

Гдѣ эти дѣла?

Почему ни единымъ словомъ не упоминаетъ о нихъ ревизія?

Не потому ли, что самъ Трусевичъ не нашелъ въ этихъ дѣлахъ слѣдовъ провокаторской дѣятельности Богрова и, не повѣривъ въ апокрифическія записи, которыхъ Кулябко, владыка и хозяинъ, не могъ иначе опредѣлить физіономію Богрова въ своемъ заключеніи, какъ завѣдомо для Кулябко *политически неблагонадежнаго лица.*

Никакихъ документальныхъ слѣдовъ охранной дѣятельности Богрова, очевидно, не найдено и производившимъ слѣдствіе сенаторомъ Шульгинымъ. Ибо, на основаніи этого слѣдствія, оберъ-прокуроръ Кемпе, формулируя обвиненіе противъ Кулябко, Курлова, Спиридовича и Веригина, а сенаторъ Турау, поддерживая эти обвиненія, указали на завѣдомыя для Кулябко сношенія „съ преступнымъ сообществомъ анархистовъ-коммунистовъ бывшаго помощника присяжнаго повѣреннаго, еврея Мордки Богрова," но нигдѣ не указывали на одновременныя сношенія съ охраной. Наоборотъ, Кемпе два раза подчеркивалъ въ своемъ обвиненіи, что Кулябко допустилъ (а Курловъ, Спиридовичъ и Веригинъ не провѣрили Кулябко) въ театръ „названнаго Богрова, этого *явно* политически неблагонадежнаго и *опаснаго* человѣка." „Явно", „опаснаго" — *такъ* опредѣлять можно только тогда, когда во всемъ матеріалѣ нѣтъ ничего указующаго

на причастность такого человѣка къ охранѣ, а все то, что есть, почитается односторонним показаніемъ охраны, басней заинтересованной стороны.

Правда, въ газетныхъ отчетахъ о засѣданіи 1-го Деп. Гос. Сов., въ которомъ было заслушано дѣло о преданіи суду Курлова и К°, было, между прочимъ, напечатано:

„Еще будучи воспитанникомъ гимназіи, онъ, Богровъ, увлекался идеями анархизма и въ 1906 г. вступилъ членомъ въ мѣстную партію анархистовъ-коммунистовъ, но уже въ слѣдующемъ году разочаровался въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ этой партіей, и въ томъ же году вышелъ изъ нея. Около этого же времени Богровъ познакомился съ начальникомъ кіевскаго охраннаго отдѣленія подполковникомъ Кулябко, которому обѣщалъ содѣйствовать раскрытію организаціи этой партіи и преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Кулябко согласился на его предложенія, и, вступивъ въ число сотрудниковъ, онъ, Богровъ, получалъ отъ Кулябко единовременно небольшія денежныя суммы до половины 1910 г., когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ, будучи принятъ начальникомъ мѣстнаго охраннаго отдѣленія фонъ-Коттеномъ въ сотрудники, работалъ подъ руководствомъ послѣдняго. Далѣе Богровъ разсказалъ, что въ началѣ 1911 г. онъ возвратился въ Кіевъ и поселился на дачѣ возлѣ станціи „Потоки“, Харьково-Николаевской желѣзной дороги, находящейся недалеко отъ г. Кременчуга. Тогда ему уже предъявлено было обвиненіе въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ и предложено, съ цѣлью реабилитировать себя въ глазахъ партіи, совершить какой-нибудь террористическій актъ подъ угрозами огласить его провокаторскую дѣятельность, а затѣмъ лишить его жизни. Онъ согласился. Сначала жертвой намѣчался Кулябко. Такъ какъ послѣдній во время торжествъ былъ очень занятъ и съ нимъ трудно было встрѣтиться наединѣ, то Богровъ явился къ нему ночью 31-го августа на квартиру, но не рѣшился исполнить своего намѣренія.

На вопросъ, почему онъ выстрѣлилъ именно въ статсъ-секретаря Столыпина, Богровъ отвѣтилъ, что Столыпинъ былъ самымъ видимымъ лицомъ въ публикѣ, на которое

было обращено все вниманіе общества, и потому онъ, приблизившись безпрепятственно къ нему, произвелъ въ него выстрѣлы."

Но откуда эти свѣдѣнія, совершенно противорѣчащія тому опредѣленію Богрова, которое давали въ своихъ заключеніяхъ сенаторы Трусевичъ и Кемпе?

Гдѣ тутъ *явная политическая неблагонадежность и опасность*, если Богровъ, безъ году недѣля сдѣлавшійся анархистомъ, уже разочаровался въ анархизмѣ настолько, что перекинулся въ лагерь охраны?

Очевидно, и самими сенаторами, ходившими около дѣла Богрова, эти свѣдѣнія почитались *явно* вымышленными и не заслуживавшими довѣрія.

Въ самомъ дѣлѣ, во всей выдержкѣ, приведенной нами, вѣрны только два факта: возвращеніе Богрова въ Кіевъ, въ началѣ 1911 года (въ февралѣ) и переѣздъ его на дачу въ „Потоки" (но не тогда же, въ началѣ 1911 г., а 22 іюня того же года). Все остальное—фантазія и, въ дальнѣйшемъ, всякому непредубѣжденному противъ Богрова читателю это будетъ ясно.

Мы выше говорили, что Кулябко и друзья его отказались отъ исчисленія періода провокаторской дѣятельности Богрова съ 1906 года, а беруть теперь 1907 г., какъ начало предательствъ. Очевидно, Кулябкамъ стало неловко. Какъ же, молъ, такъ. Даже очухаться Богрову не даемъ: въ 1906 году зачисляемъ его въ анархисты и съ этого же года къ намъ его тащимъ. Вѣдь чего добраго насъ могутъ спросить, чѣмъ же Богровъ былъ полезенъ для насъ — ничего не знающій въ анархистскихъ дѣлахъ?

Кулябки и отказались отъ 1906 г., какъ перваго года „сотрудничества," но не отказались отъ увѣреній въ принадлежности Богрова къ анархистской „партіи" именно съ 1906 г.

Мы должны сказать, что Богровъ въ 1906 году анархистомъ не былъ. Даты, устанавливающія эволюцію убѣжденій Богрова, таковы: до сентября 1906 года Богровъ былъ соціалистомъ-революціонеромъ. Вернувшись въ ноябрѣ 1906 года изъ заграницы поколебленнымъ въ своихъ ортодоксальныхъ с-р-скихъ убѣжденіяхъ, онъ вскорѣ перешелъ къ максималистамъ, а потомъ уже, съ начала 1907 г., и къ анархистамъ.

Мнѣ можетъ быть скажутъ, что вѣдь свѣдѣнія, которыя я взялъ изъ газетныхъ отчетовъ по дѣлу Курлова и К-іи, исходятъ отъ самаго Богрова, давшаго ихъ въ засѣданіи военно-окружного суда, ибо такъ было сказано въ газетахъ.

Въ газетахъ вотъ что сказано:

По выраженію „Рѣчи" сенатору Шульгину подробныя показанія Богрова „удалось" выяснить, а по выраженію „Русскаго Слова" — онъ, сенаторъ, „возстановилъ" эти показанія.

Что сей сонъ означаетъ?

Это значитъ, что кіевскій *постоянный* военно-окружной судъ, разбиравшій дѣло Богрова, по обычаю *временныхъ* военныхъ судовъ, разбирающихъ политическія преступленія, не заносилъ въ протоколъ ни показаній самаго Богрова, ни показаній Кулябко.

Въ „Русскомъ Словѣ" (12 дек. 1912 г.) такъ именно и сказано: „показанія Богрова въ протоколъ военно-окружного суда занесены не были".

По какимъ же источникамъ гг. сенаторамъ *„удалось“* ихъ *„возстановить?“*

Въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 12 декабря 1912 г. сказано, что „сенатору Шульгину пришлось возстановлять его (показаніе Богрова) *путемъ допроса* присутствовавшихъ въ судѣ лицъ“.

Насколько намъ извѣстно, Богровъ на судѣ излагалъ подробно, какъ онъ мистифицировалъ руководителей охраны, разсказывалъ свою жизнь и своими объясненіями произвелъ огромное впечатлѣніе на присутствовавшихъ.

И мы сомнѣваемся, чтобы это огромное впечатлѣніе было произведено изложеніемъ басни, приведенной сенаторомъ.

Но немного яснѣе выявляется дѣло, когда мы узнаемъ, что *единственнымъ свидѣтелемъ на судѣ былъ Кулябко* (отъ допроса остальныхъ прокуроръ отказался). Господа, присутствовавшіе на судѣ, нѣтъ сомнѣнія, передавали сенатору Шульгину *черезъ годъ* послѣ убійства Столыпина, когда уже были опубликованы нѣкоторыя данныя изъ доклада ревизіи Трусевича, показанія о Богровѣ не самаго Богрова, а господина Кулябко.

Тогда дѣло ясно.

Вотъ, напримѣръ, въ „Русскомъ Словѣ“ (12 декабря 1912) далѣе говорится:

„Показаніе это (Богрова) — излагаетъ ходъ сношеній Богрова съ чинами охраны и обстоятельства, предшествовавшія покушенію въ театрѣ, совершенно въ такомъ видѣ, какъ это излагалось въ газетахъ *на основаніи доклада сенатора М. И. Трусевича*“.

А въ докладѣ Трусевича:

„Личность и дѣятельность Богрова, до совершенія имъ убійства освѣщается *на основа-*

ніи данныхъ охраннаго отдѣленія". („Бирж. Вѣд.", 2-е изд., № 68, 21 марта 1912 г.).

???

Въ концѣ концовъ авторы показаній Богрова — Кулябки!

Мы уже говорили, что не только періодъ съ 1906 г. по сентябрь 1911 г., отъ котораго теперь отказываются сами Кулябки, является вымысломъ, но и за указываемый ими періодъ, съ 1907 г. по апрѣль 1910 г., въ который, по ихъ словамъ, Богровъ будто бы имѣлъ сношенія съ охраной, — Кулябко и охрана не привели ни одного конкретнаго факта выдачи или провала Богровымъ.

Въ томъ, что было сообщено въ газетахъ отъ ихъ имени, мы сейчасъ разберемся и увидимъ, что опубликованные „факты" никакой цѣны не имѣютъ, ибо они относятся не къ Богрову.

Начнемъ съ лучшей иллюстраціи вздорности нагромождаемаго на Богрова, со „Свѣдѣній о Богровѣ" „Нов. Времени" (6 сентября, 1911 г.), считающагося освѣдомленнымъ въ охранныхъ дѣлахъ.

Свѣдѣнія о Богровѣ.

„Петербургской охранной полиціи Богровъ извѣстенъ съ 1907 г., когда онъ былъ арестованъ здѣсь во время производившихся въ Петербургѣ многочисленныхъ арестовъ въ кружкѣ лицъ, принадлежащихъ къ революціонной организаціи. Арестованъ Богровъ былъ въ Лѣсномъ. При арестѣ Богровъ назвался чужимъ именемъ и подъ этимъ именемъ былъ отвезенъ въ Кіевъ. Съ этого времени, какъ предполагается, охранная полиція начала пользоваться свѣдѣніями Богрова, которыя и были причиной быстраго его освобожденія. Открытія, сдѣланныя Богровымъ, оказавшіяся въ дѣйствительности весьма существенными и вызвавшими

аресты лицъ, считавшихся вожаками революціонныхъ кружковъ, были причиной вниманія, которое съ этого времени удѣлялись ему охраной.

„Въ 1908 г. Богровъ былъ заграницей, гдѣ по имѣющимся свѣдѣніямъ принималъ участіе въ кружкахъ и собраніяхъ революціонеровъ, реформированныхъ послѣ азефовскаго разгрома. Приблизительно съ этого періода дѣятельность Богрова обратила на него вниманіе петербургской охраны.

„Несмотря на имѣвшіяся о немъ свѣдѣчія, какъ объ агентѣ охраны на югѣ, Богровъ во время пребыванія своего въ столицѣ дважды подвергался обыскамъ, но въ обоихъ случаяхъ обыски эти обходились безъ ареста. Въ 1910 г. Богровъ на болѣе продолжительное время поселяется въ Петербургѣ, практикой не занимается, а служитъ въ одномъ изъ частныхъ коммерческихъ обществъ. Отсюда онъ былъ вызванъ срочно въ Кіевъ на предметъ опознанія лицъ, задержанныхъ здѣсь охраной. Богровъ сообщаетъ о своемъ отъѣздѣ въ Москву, оставляетъ указанія въ своей квартирѣ относительно своего будущаго мѣстопребыванія, но въ дѣйствительности ѣдетъ непосредственно въ Кіевъ; въ 1911 г. Богровъ дважды посѣщаетъ Петербургъ, но оба раза на короткое время. Въ Кіевъ послѣдній разъ до совершенія покушенія онъ пріѣхалъ за три недѣли до 1-го сентября.

„Дмитрій Богровъ выше средняго роста, довольно представительной наружности, но съ замѣтными расовыми признаками. Онъ владѣетъ нѣсколькими языками и хорошо говоритъ на еврейскомъ языкѣ."

Далѣе идетъ отчаянно вздорный разсказъ о какомъ-то „товарищѣ Ефимѣ," котораго „Нов. Время" связываетъ съ Богровымъ, упоминаетъ о его сотрудничествѣ въ „Революціонной Россіи," что даетъ поводъ думать, что рѣчь идетъ все время о выдачахъ среди соціалистовъ - революціонеровъ; упоминаніе объ азефовскомъ разгромѣ подтверждаетъ это предположеніе, хотя „Нов. Время" не говоритъ прямо о партіи С.-Р., а только общо о „ре-

волюціонной организаціи." Какъ извѣстно, Богровъ къ названной партіи не принадлежалъ. Я не помѣщаю вздора о „Ефимѣ." Для всѣхъ глупостей, измышляемыхъ въ охранкахъ, мѣста не хватитъ.

Обратимся къ приведенной выдержкѣ. Здѣсь что ни строка, то ложь.

1. Петербургской охранѣ Богровъ былъ *неизвѣстенъ* съ 1907 г., хотя бы потому, что самъ Кулябко говоритъ о рекомендаціи къ ней только въ апрѣлѣ 1910 г.

2. Въ 1907 г. Богрова не было въ Петербургѣ, и онъ, стало быть, не могъ быть ни арестованъ въ Лѣсномъ, ни перевезенъ въ Кіевъ.

3. Не могла охрана съ этого времени и пользоваться свѣдѣніями Богрова, которыя и были будто бы причиной его освобожденія. Не будучи арестованнымъ, онъ и не могъ быть освобожденъ, не могъ давать и свѣдѣнія и вызывать аресты вожаковъ революціи.

4. Какъ могла петербургская охрана обратить вниманіе на дѣятельность Богрова приблизительно съ 1908 года, когда всего нѣсколькими строками выше Богровъ ей извѣстенъ былъ съ 1907 г., въ особенности, если Богровъ въ 1908 г. былъ за границей, по тому же „Нов. Вр."?

5. Богровъ до 1910 г. не жилъ въ Петербургѣ и не только до этого періода не подвергался тамъ дважды обыскамъ, обходившимся безъ арестовъ, но и въ періодъ пребыванія съ апрѣля 1910 по 22 ноября 1910 г. никогда никакимъ обыскамъ не подвергался. И даже въ Кіевѣ, его постоянномъ мѣстопребываніи, онъ подвергался лишь одному безре-

зультатному обыску и лишь одному кратковременному аресту. Второй — въ хронологическомъ порядкѣ первый — обыскъ былъ произведенъ у него при переѣздѣ границы еще въ гимназическое время.

6. Въ Петербургѣ, въ 1910 г., дѣйствительно служилъ, но не въ частномъ, а въ бюрократическомъ, и не въ коммерческомъ, а съ общественнымъ назначеніемъ обществѣ. Но, считая эту службу побочнымъ занятіемъ, главнымъ образомъ интересуется адвокатурой и открываетъ ежедневные пріемы, правда, не дававшіе ему многочисленной практики.

7. Изъ Петербурга ѣдетъ не въ Кіевъ съ цѣлью опознаванія задержанныхъ лицъ, а на двѣ недѣли въ Москву къ своимъ родственникамъ. Да и съ какихъ поръ неразоблаченные провокаторы стали вызываться для опознаванія арестованныхъ?

8. Въ 1911 г. Богровъ Петербурга вовсе не посѣщаетъ, ни на длинное, ни на короткое время. Братъ его, Владиміръ, дѣйствительно уѣзжалъ 17 августа изъ Кіева въ Петербургъ *).

---

*) Само собой разумѣется, несоотвѣтствующей истинѣ является и слѣдующая замѣтка „Рѣчи“, отъ 3 сентября 1911 г.:

„Богровъ разсказалъ (на допросѣ), что недавно онъ сталъ получать письма отъ революціоннаго комитета изъ Петербурга, въ которыхъ его запрашивали, остался ли онъ попрежнему революціонеромъ, или успѣлъ перемѣнить убѣжденія. Богровъ отвѣтилъ, что онъ остался такимъ, какъ былъ. Тогда его пригласили пріѣхать въ Петербургъ.

18 августа 1911 г. Богровъ выѣхалъ въ столицу, гдѣ ему было предложено совершить террористическій актъ на предсѣдателя кабинета. Богровъ принялъ порученіе и возвратился въ Кіевъ 27 августа.

9. Въ Кіевъ онъ пріѣхалъ дѣйствительно за три недѣли до 1-го сентября (5-го августа), но не изъ Петербурга, а изъ дачной мѣстности „Потоки."

10. Дмитрій Богровъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ евреевъ былъ похожъ на еврея и совершенно не владѣлъ еврейскимъ языкомъ.

Таковы свѣдѣнія „Новаго Времени"!

Что же касается фактовъ, сообщенныхъ въ „Русскомъ Словѣ" и въ другихъ газетахъ непосредственно за сентябрьскимъ событіемъ, со словъ лица, „ближе, чѣмъ кто-либо стоявшаго къ Кулябко," или просто изъ таинственнаго источника, то нѣтъ сомнѣнія, что какъ это лицо, такъ и другіе, брали эти факты изъ провокаторской дѣятельности не Богрова, а цѣлаго ряда дѣйствительныхъ провокаторовъ, которыми тогда кишмя кишѣли почти всѣ анархистскія организаціи въ періодъ 1907—08 гг.: Федора Сысоева, Лейбы Гофмана, Николая Обновленнаго, Григорія Холопцева, Антона Малаго, Ан. Баро (кличка „Греченокъ"), Константина Новикова, Никулина, Неклюдова, „Левки," провизора Кукуцъ-Кавецкаго, Макара Самодурова, Лемче (Леонида) Тительмана, Элины Слувисъ, Чижикова (Бориса Лондонскаго), Абрама Гавенды (Абраши), Гришки Молдаванина, Эганова и др. Наиболѣе роковыми для анархистскаго движенія были трое изъ нихъ: Борисъ Лондонскій, Абрамъ Гавенда и Кукуцъ-Кавецкій, ликвидировавшіе анархистскую работу почти по всей Россіи. Первый провалилъ организаціи на югѣ; второй — въ Польшѣ и Литвѣ; третій—въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, на сѣверѣ и югѣ Россіи. Факты, указанные газетами и подтасовываемые охраной подъ Богрова, какъ-то:

дѣло Сандомірскаго, провалъ „Боевой Интернаціональной Группы Анархистовъ-Коммунистовъ," аресты въ городахъ: Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Черкассы, Екатеринославъ, выдача „такихъ звѣздъ анархизма," какъ Таратута, вынужденное самоубійство Абрама Гроссмана на перронѣ кіевскаго вокзала — все это относится именно къ Борису Лондонскому, впослѣдствіи убитому въ Швейцаріи и къ другимъ провокаторамъ: Кавецкому, Тительману, Слувисъ и предателю Самодурову, помимо тѣхъ случаевъ, когда аресты и обыски производились въ результатѣ наружнаго наблюденія за нѣкоторыми изъ анархистовъ, приковавшими вниманіе полиціи по тому или иному поводу.

Дѣло о „заговорѣ" противъ командовавшаго войсками кіевскаго военнаго округа, было, по количеству привлеченныхъ, однимъ изъ крупныхъ, и провалъ его нѣкоторыми анархистами вмѣнялся въ вину „провокаціи" Богрова.

Въ числѣ арестованныхъ по этому дѣлу были:

15 декабря 1907 г. — *Эндель Шмельте* (онъ же Эдгаръ Хорнъ), сотрудникъ эстонскихъ газетъ, *Петръ Байдаченко* (онъ же Александръ Енько-Доровскій, онъ же Литовченко), *Иванъ Николаевъ* (онъ же Владиміръ Молочко), *Алексѣй Чернышъ*.

16 декабря 1907 г. — студентъ университета св Владиміра *Германъ Сандомірскій*, *Саулъ Ашкинази* (онъ же Исаакъ Дубинскій), *Анна Будянская*, *Ксенія Терновецъ*, рабочіе: *Д. Живаго* и *Николай Кленферъ*.

17 декабря 1907 г. — студентъ университета св. Владиміра *Петръ Лятковскій*.

7 января 1908 г. — *Наумъ Тышъ* (онъ же Самуилъ Берлинъ) и *Юлія Кравецъ* (она же Ривка Бергеръ).

28 февраля 1908 г. — *Берта Скловская.*

Несмотря на то, что сами арестованные признавали въ то время, что эти аресты могли быть вызваны отчасти случайнымъ убійствомъ 30 ноября 1907 года анархиста Моисея Терновца *), брата арестованной Ксеніи Терновецъ, тѣмъ не менѣе слухъ о „провокаціи" Богрова въ этомъ дѣлѣ, со времени поѣздки Богрова въ Борисоглѣбскъ и Воронежъ, упорно держался, хотя наиболѣе видными участниками дѣла съ трудомъ переваривался.

Одинъ изъ участниковъ этого процесса, сейчасъ находящійся на каторгѣ, пишетъ въ одномъ письмѣ по поводу слуховъ о Богровѣ и ихъ основательности слѣдующее:

Еще въ 1908 г., „сидя въ одиночной камерѣ кіевской тюрьмы, я получилъ отъ своего сопроцессника, сосѣда по одиночкѣ, N., извѣщеніе, что Дмитрія подозрѣваютъ въ провокаціи. Такое подозрѣніе возмутило меня самымъ ужаснымъ образомъ. Исходило оно, какъ это утверждаетъ и S., отъ воронежскихъ максималистовъ **) и усердно передавалось F., нашимъ же сопроцессникомъ, нынѣ запросившимъ милости у монарха.

„F. вообще, отличается легковѣрностью, несерьезностью и большой склонностью раздувать всякаго рода инсинуаціи, что въ еще

*) Изъ обвинительнаго акта по дѣлу Сандомірскаго видно, что Моисей Терновецъ умеръ подъ наблюденіемъ сыщиковъ и со словами: «Да здравствуетъ свобода!»

**) О первоисточникѣ обвиненія Богрова въ провокаціи см. стр. 57.

большей степени раздражало меня и подрывало вѣру въ источники этихъ слуховъ. На это обвиненіе Дмитрія я отвѣтилъ N. рѣзкой запиской и доказывалъ ему, что обвинять Дмитрія у насъ нѣтъ никакихъ основаній и что у Дмитрія отсутствуютъ всякіе поводы сдѣлаться провокаторомъ. Изъ слѣдствія видно было, что никому изъ насъ онъ не повредилъ, хотя и зналъ всѣ дѣла, за которыя можно было порядкомъ поплатиться. Указалъ N. на него же самаго, такъ какъ ему провокація Дмитрія могла повредить больше всего. Что касается выгодъ, то у Дмитрія ихъ вовсе не было, если не считать провокацію, какъ любовь къ своего рода искусству. Въ деньгахъ онъ совершенно не нуждался; карьеру могъ составить самую блестящую, благодаря связямъ родныхъ съ высшими бюрократическими кругами Кіева; ареста онъ могъ бояться менѣе всего, такъ какъ благодаря тѣмъ же связямъ, а также благодаря своей собственной безпримѣрной конспиративности, онъ стоялъ далеко отъ значительныхъ подозрѣній охраны и, въ случаѣ надобности, могъ во всякое время уѣхать изъ Кіева въ другой городъ или за границу. Чего же онъ могъ ожидать отъ охр. отд.? Вѣдь, онъ не новичекъ въ революціонномъ дѣлѣ, и опытъ ему далъ хорошій урокъ, что рано или поздно его связь съ охр. отд. будетъ установлена, а это кончится печально... Такъ пунктъ за пунктомъ я разбивалъ обвиненіе противъ Дмитрія. Затруднительное положеніе Дмитрія я тоже сознавалъ и указалъ на это. Всѣ его старые соратники, которые постояли бы за него, сидѣли по тюрьмамъ. Молодые, мало знающіе его работники, легко могли отнестись къ подобнаго рода слухамъ. Что же касается воронежскихъ

максималистовъ, то я долженъ сказать, что едва ли можно найти въ исторіи русскаго революціоннаго движенія болѣе грязный процессъ, по составу участниковъ, чѣмъ процессъ этихъ „максималистовъ." Они другъ друга обвиняли въ провокаціи и оговаривали безпощадно одинъ другого при слѣдствіи. Насколько помню, главныхъ „обвиняемыхъ" въ провокаціи въ ихъ дѣлѣ было два: Дмитрій и Z., арестованный и сидѣвшій съ ними въ Кіевѣ. Обвинителей было тоже два. Эти обвинители бранили самымъ грубымъ грубымъ образомъ Z., бросали ему оскорбительныя обвиненія въ провокаціи и боялись его при слѣдствіи. Изъ полученныхъ же обвинительныхъ матеріаловъ выяснилось, что Z. при слѣдствіи ни единымъ словомъ не обмолвился о нихъ, они же его оговорили съ ногъ до головы. На вопросъ, поставленный имъ послѣ полученія обвинительнаго акта,—какъ это случилось?— они отвѣтили просто: „Боялись, что Z. ихъ спровоцируетъ, а потому и указали на него" (sic!). И это не только въ Кіевѣ. При разборѣ дѣла въ Воронежѣ, тамъ оказалось нѣсколько новыхъ провокаторовъ. Съ однимъ изъ нихъ, по фамиліи Трофимовъ, мнѣ пришлось столкнуться въ N—ской каторгѣ. Сначала я обрадовался встрѣчѣ съ воронежцемъ, такъ какъ судьба нѣкоторыхъ изъ ворнежскаго процесса меня очень интересовала; но впослѣдствіи онъ хорошо отплатилъ мнѣ за эту радушную встрѣчу... За его доносъ администраціи тюрьмы, что я веду агитацію среди заключенныхъ оказывать сопротивленіе при избіеніяхъ, мнѣ пришлось здорово поплатиться..

„Послѣ моей записки N. мнѣ уже больше не говорилъ о провокаціи Дмитрія, и только спустя годъ, почти передъ самымъ моимъ

уходомъ изъ Кіева, одинъ изъ товарищей сказалъ: Дмитрій забралъ групповыя деньги и уѣхалъ съ Николаемъ *) (сильно скомпрометированнымъ въ партійныхъ кругахъ) за границу." Я не придалъ большого значенія этому сообщенію, такъ какъ зналъ, что „этихъ денегъ" могло оказаться не болѣе 2—3 тысячъ. Дмитрій же при желаніи могъ имѣть свой личный годовой бюджетъ въ неменьшемъ размѣрѣ, а при его скромномъ образѣ жизни, склонностяхъ и разсчетливости этого было болѣе, чѣмъ достаточно."

Другой участникъ этого процесса, центральное лицо всего дѣла, Германъ Сандомірскій, тоже не можетъ мириться съ рѣшеніемъ общественнаго суда надъ Богровымъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ съ каторги онъ говоритъ:

„Газеты не разъ сообщали, что арестъ нашей группы былъ вызванъ провокаціей Богрова. Но какъ ни отрадно (какъ утверждаютъ иные) чувствовать себя жертвой чужой подлости, я не могу примириться съ мыслью, что Дмитрій предалъ меня и наше дѣло."

Въ другомъ письмѣ онъ же пишетъ:

„У приговоренной къ смерти сельской учительницы М. Присяжнюкъ, отравившейся наканунѣ казни (см. Короленко „Бытовое явленіе"), былъ во время ареста захваченъ и впослѣдствіи расшифрованъ охраннымъ отдѣленіемъ мой университетскій адресъ, которымъ она пользовалась для переписки, о чемъ она и сообщила мнѣ въ первый же день по переводѣ ея изъ одесской тюрьмы въ кіевскую. Въ своей запискѣ она писала, что считаетъ себя виновницей моего ареста. Фактъ этотъ самъ

*) См. далѣе стр. 56—57.

по себѣ такъ важенъ, что въ моемъ представленіи онъ исключаетъ участіе Богрова въ арестѣ нашей группы."

Богровъ по дѣлу Сандомірскаго арестованъ не былъ, но, какъ мы уже говорили раньше, за нимъ охрана наблюдала такъ же, какъ и за другими его товарищами. Этотъ фактъ подтверждается и въ обвинительномъ актѣ. Богровъ фигурируетъ тамъ подъ кличкой „Лапкинъ," данной ему филерами охр. отд. Богровъ, будучи за границей и передавая обвинительный актъ редакціи „Анархиста," самъ указывалъ товарищамъ, что „Лапкинъ" — это онъ; ему ясно это изъ упоминаемыхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, относящихся къ „Лапкину."

Далѣе, мы говорили также, что по *настоянію товарищей*, замѣтившихъ неустойчивое положеніе Богрова, въ смыслѣ гарантій неприкосновенности, послѣ произведеннаго у Богрова безрезультатнаго обыска въ ноябрѣ 1907 г., и въ соблюденіе конспираціи, Богровъ покинулъ Кіевъ и переѣхалъ въ Баку, откуда возвратился въ Кіевъ лишь въ февралѣ 1908 г.

Слѣдовательно, въ то время, когда свирѣпствовали аресты—въ декабрѣ 1907 г.—Богрова въ Кіевѣ не было и, можетъ быть, поэтому онъ избѣжалъ тогда собственнаго ареста или, вѣрнѣе, отдалилъ его еще на полгода. Поэтому теряетъ силу и подозрѣніе, вызванное тѣмъ, что Богровъ не былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими. Тѣмъ болѣе, что „Лапкинъ"-Богровъ не единственный *не арестованный по этому дѣлу* и находившійся въ наблюденіи. Даже изъ обвинительнаго акта видно, что въ числѣ арестованныхъ не значатся, напримѣръ, лица, числившіяся въ наблюденіи подъ дан-

ными имъ филерами кличками: „Щербинская,“ „Шайба,“ „Папахинъ.“

Ближе къ аресту Богрова — по времени — стоитъ ликвидація „Интернаціональной Боевой Группы Анархистовъ-Коммунистовъ,“ развившей свою дѣятельность съ конца сентября 1907 г. по конецъ февраля 1908 г.

Судя по обвинительному акту по дѣлу Германа Сандомірскаго, первымъ дѣломъ „И. Б. Г. А.-К.“ была экспропріація на станціи Верхнеднѣпровскъ, гдѣ было взято 60.000 рублей *). Главный организаторъ этой экспропріаціи Сергѣй Борисовъ („Петръ Черный,“ „Тарасъ,“ „Сергѣй“) немедленно послѣ нея скрылся со всѣми деньгами за границу, гдѣ часть этихъ денегъ поступила на правильную организацію изданія, распространенія и транспорта анархистской литературы, на закупку оружія и постановку транспорта его въ Россію. Черезъ 2 мѣсяца, т. е. приблизительно въ концѣ ноября 1907 г., Сергѣй Борисовъ, вернувшись въ Россію, „объѣзжаетъ анархистскія группы, отъ имени боевой группы помогаетъ имъ деньгами въ ихъ работѣ (вотъ объясненіе, почему при обыскѣ Энделя Шмельте и друг., привлеченныхъ по Сухомлиновскому дѣлу и арестованныхъ 15—17 декабря 1907 г., были найдены отчеты объ экспропріированныхъ деньгахъ, программы, заявленія и пр. съ печатями и отъ имени И. Б. Г. А.-К. — Прим.

*) Въ числѣ вещей, отобранныхъ при обыскѣ у Энделя Шмельте (Хорнъ) 15 декабря 1907 г., между прочимъ, значится заявленіе и отчетъ Боевой Интернаціональной Группы Анархистовъ-Коммунистовъ въ суммѣ 27.107 р., взятыхъ изъ экспропріированныхъ 60 тысячъ рублей. Здѣсь же въ отчетѣ отмѣчается, что эта экспропріація есть первое дѣло Боевой Интернаціональной Группы Анархистовъ-Коммунистовъ.

А. М.), помогаетъ ставить типографіи, заводить связи между анархистскими организаціями разныхъ городовъ и фактически вмѣстѣ съ своими товарищами осуществляетъ мысль объ объединеніи группъ юга Россіи" („Буревѣстникъ, № 19, февраль 1910 г.).

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу И. Б. Гр. Ан.-Ком. отмѣчается, что штабъ-квартирой Сергѣй Борисовъ избираетъ г. Екатеринославъ, откуда и развиваетъ дѣятельность свою какъ лично, такъ и при посредствѣ своихъ агентовъ.

26 февраля 1908 года Борисовъ уже арестованъ въ Одессѣ, и вслѣдъ за его арестомъ почти вся И. Б. Гр. Ан., дѣйствовавшая въ Россіи, была ликвидирована. Самоубійство Гроссмана произошло 28 февраля 1908 г. 24 марта 1908 г. была арестована и „звѣзда анархизма" Таратута.

Вся подготовительная работа по ликвидаціи боевой группы идетъ какъ разъ въ тотъ періодъ, когда Богровъ находится, какъ помнитъ читатель, въ Баку. Онъ уѣхалъ изъ Кіева въ ноябрѣ, въ моментъ, когда Сергѣй Борисовъ еще былъ за границей, и пріѣхалъ въ Кіевъ въ моментъ, когда шла окончательная ликвидація И. Б. Гр. Ан. Ком.

Изъ чтенія обвинительнаго акта по дѣлу И. Б. Гр. Ан.-Ком. ясно видна печать провокаціи, наложенной на это дѣло. Именно съ самаго начала, изъ самой Женевы, въ самомъ центрѣ зарожденія всѣхъ плановъ, проектовъ, предположеній, намѣченія агентовъ и исполнителей, сосредоточенія связей — должно было находиться архіосвѣдомленное лицо, которое имѣло въ рукахъ всѣ нити, державшія на привязи всѣхъ персонажей разыгрываемой

драмы и переходившія постепенно изъ рукъ этого лица въ оффиціальныя руки охраны.

Въ самомъ обвинительномъ актѣ сказано, что свѣдѣнія о Сергѣѣ Борисовѣ и прибывшихъ съ нимъ изъ Женевы товарищахъ, объ ихъ дѣятельности и планахъ были получены начальникомъ харьковскаго охраннаго отдѣленія *агентурнымъ* путемъ, и ликвидація Б. И. Гр. Ан.-Ком. въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ была результатомъ *провѣрки* полученныхъ агентурныхъ свѣдѣній. Эти агентурныя свѣдѣнія, конечно, не донесенія агентовъ наружнаго наблюденія—филеровъ, но донесенія агентовъ внутренняго освѣщенія — секретныхъ сотрудниковъ — провокаторовъ.

И вотъ одно изъ десятка доказательствъ, которые разсыпаны по обвинительному акту, на рѣдкость безалаберно составленному и безъ обычной заботливости скрыть работу азефчиковъ.

Когда былъ арестованъ, первый разъ, 22 февраля 1908 г., привлеченный по дѣлу Б. И. Гр. Ан.-Ком., Янкель Штейнеръ, у него были найдены при обыскѣ 127 р. 59 к. На допросѣ въ охранкѣ Штейнеръ объяснилъ происхожденіе этой суммы денегъ: 100 р. даны были ему родителями, 27 р. 50 к. принадлежали ему лично. Допрошенные родители Штейнера подтвердили слова своего сына, и послѣдній былъ освобожденъ изъ подъ ареста. „Однако, — говорится въ обвинительномъ актѣ, — поступившія послѣ освобожденія Янкеля Штейнера донесенія *центральной* агентуры категорически устанавливали, что найденныя у Штейнера 127 р. 50 к. были партійными деньгами, предназначавшимися для покупки пикрина, и потому Штейнеръ *при общей ликви-*

даціи Интернаціональной Группы былъ 9-го марта вновь арестованъ."

Этимъ *центральнымъ* провокаторомъ, этимъ архіосвѣдомленнымъ лицомъ былъ не провокаторъ Лемче Тительманъ, не провокаторша Элина Слувисъ, — донесенія которыхъ только дополняли свѣдѣнія, даваемыя болѣе компетентнымъ человѣкомъ, чѣмъ они, освѣдомленные только въ части плановъ Сергѣя Борисова и прикрывавшіе, не зная того сами, спеціальнаго по этому дѣлу провокатора;—не предатель Макаръ Самодуровъ, имѣвшій возможность освѣтить только незначительное число лицъ, и не Богровъ, находившійся у чорта въ зубахъ — въ Баку, и только слабо, по наслышкѣ, знакомый съ екатеринославскими дѣлами, имъ былъ провокаторъ—правая рука Сергѣя Борисова, его довѣренный по всѣмъ дѣламъ, выѣхавшій вслѣдъ за нимъ изъ Женевы, не арестованный со всѣми при ликвидаціи, но бывшій всегда на мѣстахъ своихъ проваловъ, витавшій надъ своими жертвами, какъ шакалъ, и только 2—3 раза мелькающій то тамъ, то сямъ, на страницахъ обвинительнаго акта, „неуловимый" для охранки „Борисъ Лондонскій," „Бегемотъ," „Карлъ Ивановичъ Іостъ", а по филерской кличкѣ „Бритый", итого — мерзавецъ Чижиковъ, вскорѣ же, всего полтора или два мѣсяца спустя послѣ провала И. Б. Гр. Ан.-Ком., въ маѣ 1908 г., убитый за свою „чистую работу".

На 29-й страницѣ обвинительнаго акта помѣщено содержаніе одного письма, перехваченнаго администраціей, гдѣ чернымъ по бѣлому называется тотъ, кто выдалъ автора письма и его товарищей. Письмо это писано въ тюрьмѣ привлеченнымъ по дѣлу Интернаціональной Группы Штокманомъ (Петровымъ) или, какъ его называли въ группѣ „Мишей

Симферопольскимъ," бывшимъ второю рукою Сергѣя Борисова и сподвижникомъ его по экспропріаціи 60.000 р. въ Верхнодн'впровскѣ. Письмо адресовано Сергѣю Борисову. Мы не приводимъ его цѣликомъ — оно очень длинное. Но вотъ интересующія насъ строки:

„Меня, братъ, во многомъ обвиняютъ и говорятъ, что ты и я главные закоперщики и еще во многомъ. *Установлено, что выдалъ Бегемотъ всѣхъ:* Гришу, Ваньку Ч., Давида, Яшу Н. Днѣпров., тебя и Юрія и еще многихъ."

Далѣе въ обвинительномъ актѣ сказано:

„Изъ протокола установленія конспиративныхъ кличекъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, составленнаго на основаніи сообщеній начальниковъ охранныхъ отдѣленій, объясненій обвиняемыхъ и вещественныхъ доказательствъ въ видѣ письменныхъ документовъ, видно, что обвиняемый Иванъ Пасухъ носилъ кличку „Ванька Чечелевскій," обвиняемый Константиновскій — кличку „Давидъ", обвиняемый Штейнеръ — кличку „Яшка Нижнеднѣпровскій," Гроссманъ—кличку „Юрій."

Относительно Гроссмана въ „Рус. Сл." отъ 28 сентября 1911 г. было напечатано:

„Одной изъ жертвъ Богрова сталъ извѣстный заграницей русскій революціонеръ Гроссманъ, который долженъ былъ пріѣхать въ Кіевъ и поселиться на квартирѣ у Богрова.

„Передъ отъѣздомъ въ Кіевъ Гроссманъ узналъ о „подозрительной" дѣятельности Богрова и въ послѣдній моментъ измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ остановился не у Богрова, а у г-жи С., съ которой Богровъ былъ друженъ.

„Богровъ зналъ о предстоящемъ пріѣздѣ Гроссмана отъ С., которая поѣхала встрѣтить его на вокзалъ.

„На вокзалѣ Гроссманъ былъ арестованъ и тутъ же застрѣлился. С. также арестовали."

Мы знаемъ, что и сама С., привлеченная къ дѣлу Сандомірскаго, приписывала свой арестъ и трагическій конецъ Гроссмана предательству Богрова.

Но вотъ сопроцессникъ С., тотъ самый, письмо котораго мы уже цитировали, сомнѣвается въ основательности подобнаго подозрѣнія. Онъ пишетъ по этому поводу:

„Я сидѣлъ тогда въ участкѣ и подробностей пріѣзда и отъѣзда Ал. Гроссмана не знаю, но могу сопоставить два другихъ случая. Въ то же самое время, когда случилось несчастье съ Гроссманомъ, проживали въ Кіевѣ два товарища: а.-к. Х. и максималистъ V. Оба они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Дмитріемъ. Х. былъ разыскиваемъ Кулябко еще со дня подготовки неудавшагося покушенія на ген. К., а тов. V. не только „носилъ петлю на шеѣ," какъ онъ выражался, но былъ „личнымъ" врагомъ Кулябко. За поимку ихъ Кулябко ничего бы не пожалѣлъ; выслуга передъ ген. К., его прямымъ начальникомъ, была обольстительна. Спрашивается, почему же Дмитрій избралъ своей жертвой Александра, а не ихъ? Если эти свѣдѣнія въ самомъ дѣлѣ исходятъ отъ тов. С., то я позволю себѣ задать ей трудъ подумать, почему Дмитрій щадилъ ее все время, находясь въ постоянныхъ, чуть не ежедневныхъ, сношеніяхъ съ ней, и обрекъ ее въ жертву только въ день смерти Александра?"

Что утвержденія „Русскаго Слова" и самой С. неосновательны, видно еще и изъ замѣтки „Ревизія охраннаго отдѣленія," напечатанной въ „Рѣчи" вскорѣ послѣ появленія газетныхъ сообщеній о выдачѣ Богровымъ Гроссмана. „Рѣчь" писала:

„Выясняется, между прочимъ, что газетныя сообщенія объ анархистѣ Гроссманѣ и объ его сношеніяхъ съ г-жею С. имѣютъ своимъ источникомъ предварительное слѣдствіе по одному изъ дѣлъ анархистовъ-коммунистовъ. На процессѣ, слушавшемся въ Кіевѣ въ началѣ 1909 г., данныя предварительнаго слѣдствія не подтвердились, и судъ установилъ, что С. никакихъ сношеній съ Гроссманомъ не имѣла."

Къ этому мы должны добавить еще свѣдѣнія, относящіяся до обстоятельствъ ареста Гроссмана, заимствуемыя нами изъ дѣла о Боевой Интернаціональной Группѣ Ан.-Ком., помимо упомянутаго уже нами письма „Миши Симферопольскаго." Изъ нихъ тоже будетъ ясно, что слухи о роковой роли Богрова въ самоубійствѣ Гроссмана — плодъ досужей фантазіи.

На стр. 18—20 обвинительнаго акта по указанному дѣлу сказано:

„17 февраля на Новосельной улицѣ, у дома № 59, гдѣ, по свѣдѣніямъ Начальника Охраннаго Отдѣленія, должна была произойти сходка боевой интернаціонцальной группы анархистовъ, были разставлены агенты, которые и усмотрѣли дѣйствительно собравшимися на эту сходку Сергѣя Борисова (извѣстнаго агентамъ подъ кличкой „Угреватый"), Гроссмана (кличка наблюденія „Котикъ"), Тищевскаго (кличка наблюденія „Поповскій"), неизвѣстнаго, убитаго 12-го марта при вооруженномъ сопротивленіи полиціи и имѣвшаго паспортъ на имя Степана Гильченко (кличка наблюденія „Амурскій"), Ивана Пасуха и Янкеля Штейнера. На слѣдующій же день послѣ сходки, 18 февраля, Гроссманъ, находившійся подъ наблюденіемъ агента Иванова, выѣхалъ изъ

Екатеринослава по направленію къ Кіеву. На вокзалѣ въ Екатеринославѣ Гроссмана провожала какая то женщина, которая послѣ отъѣзда Гроссмана, была взята Ивановымъ въ наблюденіе и проведена имъ въ № 29, по Александровской ул. При предъявленіи Иванову фотографическихъ карточекъ задержанныхъ въ Екатеринославѣ лицъ, онъ въ лицѣ обвиняемой Шейны Гутнеръ призналъ ту особу, которая провожала Гроссмана на вокзалъ. 19 февраля, на вокзалѣ въ Кіевѣ, агентъ Голубевъ, по приказанію начальника охраннаго отдѣленія, встрѣтилъ въ 6 ч. вечера прибывшаго поѣздомъ изъ Екатеринослава въ сопровожденіи тамошнихъ агентовъ человѣка, который былъ переданъ ему для наблюденія подъ кличкой „Котикъ“ (Гроссманъ). На вокзалѣ въ Кіевѣ Гроссмана встрѣтили двѣ женщины, которымъ агентами были даны клички „Болотная“ и „Поперечная.“ Съ вокзала „Котикъ“ (Гроссманъ) и „Болотная“ (Эсфирь Финкельштейнъ) направились въ домъ № 35 по Маріинско-Благовѣщенской улицѣ, въ кв. № 10, а въ 9 ч. веч., въ тотъ же день, Гроссманъ былъ на вокзалѣ, гдѣ встрѣтилъ пріѣхавшую въ поѣздѣ женщину, державшую въ рукахъ желтую деревяную коробку круглой формы, въ которой, *по агентурнымъ свѣдѣніямъ*, (курсивъ нашъ — А. М.), были три бомбы, привезенныя изъ Екатеринослава. Встрѣченная Гроссманомъ женщина пріѣхала безъ наблюденія, но бывшіе на вокзалѣ екатеринославскіе агенты, привезшіе Гроссмана, сообщили Голубеву, что пріѣхавшая проходитъ въ наблюденіи подъ кличкой „Первая“ (Хана Айзенбергъ), она же Хая Шапиро и Ита Либерманъ. Впослѣдствіи въ домѣ № 35 по Маріинско-Благовѣщенской улицѣ, въ кв. № 10, куда пріѣхалъ

Гроссманъ вмѣстѣ съ Болотной, былъ произведенъ обыскъ, но Болотной тамъ не оказалось; изъ разспросовъ же дворника дома Голубевъ узналъ, что Болотная проживала въ томъ домѣ по паспорту брянской мѣщанки Маріи Стефановой Дмитріевой. При предъявленіи Голубеву фотографической карточки задержанной въ Екатеринославѣ Эсфири Финкельштейнъ, предъявившей паспортъ на имя Маріи Дмитріевой, Голубевъ въ послѣдней призналъ женщину подъ кличкой „Болотная," встрѣтившую 19 февраля Гроссмана на вокзалѣ. 28 февраля Голубевъ, получивъ по телефону увѣдомленіе, что Гроссманъ уѣзжаетъ, поспѣшилъ на вокзалъ, но, прибывъ туда, узналъ, что Гроссманъ при задержаніи его застрѣлился."

Изъ обвинительнаго акта по дѣлу Сандомірскаго видно, что С. проходила въ наблюденіи подъ кличкой „Уточная".

С. и Гроссманъ были выданы. Но выданы не Богровымъ, а Бегемотомъ.

Провокація „Бегемота" была дѣйствительно всеобъемлюща по затронутымъ ею районамъ, по серьезности ликвидацій и по положенію, которое этотъ провокаторъ занималъ въ активно дѣйствовавшей въ Россіи анархистской группѣ. Онъ былъ въ исключительно благопріятныхъ для предательства обстоятельствахъ.

Нашкодившіе Кулябки прячутся теперь за его спиною и спиною другихъ, выдавая „дѣла" его и другихъ за дѣла Богрова.

Но стоитъ только припомнить, что, вопреки даннымъ сенатора Трусевича, Богровъ сталъ анархистомъ только съ начала 1907 года, а не до 1907 г., и сразу же покажется нелѣпой

такая богатая всероссійская провокація на протяженіи всего менѣе, чѣмъ полутора года.

Какимъ бы выдающимся по своимъ способностямъ не былъ Богровъ, онъ не могъ дойти за такой короткій періодъ до того счастливаго положенія, при которомъ только и можно было провалить и сѣверъ, и сѣверо-западъ, и прибалтійскій край, и юго-западъ, и часть юга.

Депутатъ Гегечкори, отвѣчая на рѣчь П. Столыпина по запросу объ Азефѣ, удивлялся, какъ могъ Азефъ въ *полтора* года изъ немногочисленнаго и невліятельнаго заграничнаго комитета добраться до центральнаго комитета и стать во главѣ боевой организаціи, что только и дало ему возможность быть универсальнымъ провокаторомъ, если, конечно, считать соотвѣтствующими дѣйствительности даты, указанныя П. Столыпинымъ.

И тѣмъ болѣе мы вправѣ удивляться, когда рѣчь идетъ не о человѣкѣ уже 13 лѣтъ пробывшемъ въ революціонныхъ рядахъ одной партіи, а всего тѣ же полтора года, какъ сдѣлавшимся анархистомъ.

Иное дѣло „Бегемотъ“ и другіе провокаторы, присосавшіеся къ анархическому движенію съ его, можно сказать, дѣйствительнаго рожденія, съ 1905 года *).

Была еще одна замѣтка, все въ томъ же „Русскомъ Словѣ“, въ которой бросалась на Богрова тѣнь провокаціи.

24 мая 1912 года, въ Кіевѣ судился анархистъ Черный и былъ приговоренъ къ шести годамъ каторги.

---

*) О провокаціяхъ среди анархистовъ см., между прочимъ, старыя анархистскія газеты: „Буревѣстникъ“, „Анархистъ“, „Бунтарь“ и др.

Объ этомъ процессѣ своевременно была помѣщена въ „Русскомъ Словѣ“ обширная корреспонденція. Въ ней очень пространно трактовалось о провокаторскихъ роляхъ Чернаго и Богрова, при чемъ указывалось на роковую роль Богрова въ судьбѣ самаго Чернаго и въ судьбѣ умершей въ ссылкѣ дѣвицы Розы Михельсонъ.

Корреспонденція полна противорѣчій и нелѣпостей.

Въ началѣ этой замѣтки, напримѣръ, говорится:

„Близость *Чернаго* къ *Богрову* вызвала то, что никто изъ кіевской адвокатуры по политическимъ дѣламъ не соглашался выступить его защитникомъ“.

Между тѣмъ въ серединѣ этой же замѣтки мы читаемъ совсѣмъ другое:

„У одного изъ видныхъ кіевскихъ адвокатовъ имѣются указанія на то, что „Николаемъ“ (Чернымъ. — А. М.) было выдано кіевскому охранному отдѣленію лицо, которому самъ же „Николай“ поручилъ отвезти транспортъ нелегальной литературы на кіевскій вокзалъ.

„Въ силу этихъ свѣдѣній (курсивъ нашъ. А. М.) никто изъ кіевскихъ политическихъ защитниковъ и не захотѣлъ выступить по дѣлу Чернаго“.

Вторая половина корреспонденціи составлена, главнымъ образомъ, на основаніи бесѣды корреспондента съ женой Чернаго. А въ указаніяхъ послѣдней много сомнительнаго. Начиная со „спасанія“ Богрова охраной въ 1908 г. и кончая замѣчаніемъ, что на судѣ надъ ея мужемъ были оглашены показанія Богрова о Черномъ, данныя первымъ военному суду.

Ни военному суду, ни самому Богрову не было дѣла до Чернаго, ибо дѣла Чернаго и Богрова связаны не были. Одно время дѣйствительно въ газетахъ писалось, что Черный былъ соучастникомъ убійства Столыпина, и этимъ именно обстоятельствомъ объяснялся арестъ Чернаго вскорѣ послѣ 1 сентября. Но вскорѣ же выяснилось, что эти слухи не основательны. Объ этомъ было напечатано въ „Рѣчи", отъ 19 марта 1912 года:

„Кіевъ. 18 марта. Сообщеніе нѣкоторыхъ газетъ, будто въ связи съ розысками соучастниковъ Богрова въ Кіевѣ произведено нѣсколько новыхъ арестовъ, не подтверждается. Разслѣдованіе по дѣлу Чернаго, содержащагося въ кіевской крѣпости, еще въ сентябрѣ закончено, и матеріалы разслѣдованія переданы въ департаментъ полиціи. Причастность Чернаго къ убійству Столыпина не установлена. Черный будетъ преданъ суду по обвиненію въ революціонной дѣятельности вообще".

Это во-первыхъ.

А во-вторыхъ, вѣдь показанія Богрова на судѣ записаны не были, и сенаторъ Шульгинъ это подтверждаетъ.

Что же оглашалось на судѣ надъ Чернымъ?

Далѣе.

Мы имѣемъ основанія полагать, что не Богровъ сыгралъ роковую роль въ судьбахъ Чернаго и Михельсонъ, а именно Черный въ судьбахъ Богрова и Михельсонъ.

„Если въ этомъ дѣлѣ (дѣлѣ Розы Михельсонъ—А. М.), — пишетъ одинъ изъ товарищей Богрова, Михельсонъ и Чернаго, нынѣ отбывающій каторгу,—была провокація, то провокація не Богрова, а его товарища по работѣ въ Кіевѣ и спутника по дѣловой поѣздкѣ въ

Борисоглѣбскъ и Воронежъ, гдѣ Дмитрій, какъ извѣстно, завелъ сношенія съ максималистами. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаю я на основаніи цѣлаго ряда соображеній...

„1908 й годъ я просидѣлъ въ Косомъ Капонирѣ. Именно въ этомъ году Дмитрій и „Николай“ ѣздили въ Борисоглѣбскъ и Воронежъ. Дрязги, сплетни и взаимныя обвиненія, возникшія вокругъ этой поѣздки, ко мнѣ въ крѣпость не долетали. Обо всей исторіи этой поѣздки, лабораторіи и т. д., я узналъ впослѣдствіи. Впослѣдствіи же мнѣ пришлось узнать, что и Дмитрій и „Николай“ (послѣдній нѣсколько разъ) писали мнѣ въ крѣпость, но письма мнѣ переданы не были. Въ началѣ 1909 г. „Николай“ писалъ уже мнѣ и двумъ моимъ сокамерникамъ письма въ тюрьму. Въ этихъ письмахъ онъ упрекалъ меня за то, что я не отвѣчалъ на его посланія въ крѣпость и пытался реабилитировать себя отъ циркулировавшихъ слуховъ. Во всемъ и за все вину онъ сваливалъ на Дмитрія. О Дмитріѣ онъ писалъ, какъ о провокаторѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что поддерживаетъ съ нимъ товарищескія отношенія (!), бываетъ у него (!), беретъ у него литературу и т. д. Это-то и оттолкнуло меня отъ него и усилило подозрѣнія. Въ растратѣ борисоглѣбскихъ денежныхъ суммъ онъ также обвинялъ Дмитрія*). И было болѣе чѣмъ странно слышать отъ него, что онъ не только не мститъ тому человѣку,

*) Въ другомъ мѣстѣ этотъ же авторъ пишетъ, что изъ писемъ самаго „Николая“ было ясно, что агентомъ Дмитрія по исполненію всякихъ денежныхъ дѣлъ былъ тотъ же „Николай“, а между тѣмъ онъ же въ недочетѣ денегъ обвинялъ Дмитрія.

Отчетъ Д. Богрова о деньгахъ, полученныхъ кіевской группой отъ борисоглѣбскихъ максималистовъ, см. далѣе.

который опозорилъ его, предоставивъ ему расплачиваться за свои грѣхи (т. е. Дмитрія), но что онъ не порываетъ съ нимъ дѣловыхъ сношеній.

„О дѣлѣ Михельсонъ *), онъ писалъ намъ слѣдующее: если мы подозрѣваемъ его въ томъ, что онъ погубилъ невинную дѣвушку, то онъ готовъ въ цѣляхъ своей реабилитаціи, отправиться въ охранное отдѣленіе и заявить, что бомбы, найденныя у Михельсонъ, принадлежатъ ему и пойдетъ въ каторгу. Я отвѣтилъ, что онъ долженъ поступить такъ, какъ ему подскажетъ его совѣсть. Если онъ находитъ, что Михельсонъ несетъ кару за его вину, онъ долженъ взять на себя дѣло, — но рѣшеніе его должно быть свободнымъ и самостоятельнымъ. Мы же — не члены военно-окружного суда, чтобы посылать его въ каторгу. На этомъ мы переписку съ нимъ прервали. Онъ же написалъ еще разъ-два, но уже не упоминалъ о томъ, чтобы пойти въ охранное отдѣленіе и, взявъ на себя отвѣтственность за бомбы, освободить Михельсонъ. Содержаніе всѣхъ его крайне запутанныхъ писемъ однообразно; его преимущественное желаніе было очернить Дмитрія, выгородить себя одного изъ обвиненія въ растратѣ, провокаціи и т. д.

„Мое глубокое убѣжденіе: этотъ „Николай“, — *первый оклеветавшій Богрова, — положилъ прочное начало той путаницѣ и нескончаемымъ противорѣчіямъ, въ которыхъ совершенно тонетъ личность Богрова*“. (Курсивъ нашъ. А. М.).

---

*) Ближе всѣхъ къ этому дѣлу, увѣряетъ авторъ письма, стоялъ именно „Николай“.

Само собою разумѣется, что все обвиненіе Богрова въ провокаціи, зиждившееся на скороспѣлыхъ догадкахъ мало знавшихъ Богрова товарищей, догадкахъ, усилившихся послѣ освобожденія Богрова изъ тюрьмы, въ сентябрѣ 1908 года, должно было рушиться, какъ только дѣло дошло до товарищескаго суда, разобравшаго въ томъ же 1908 году это обвиненіе. Судъ товарищей въ тюрьмѣ совершенно реабилитировалъ Богрова отъ всякихъ на него нареканій.

Что же касается до дѣятельности Богрова съ момента его реабилитаціи, то освѣдомленные и компетентные анархисты утверждаютъ, что періодъ съ конца 1908 года по сентябрь 1911 года нужно совершенно исключить изъ сферы предположеній о предательствахъ Богрова, ибо за это время вообще анархистской работы въ кіевскомъ округѣ почти совершенно не существовало, а то, что еще тлѣло съ конца 1908 года, во всякомъ случаѣ, ни для такой натуры какъ Богровъ, въ смыслѣ удовлетворенія, ни для охраны, въ смыслѣ какихъ-нибудь серьезныхъ ликвидацій и выдачъ, способныхъ придать Богрову особую цѣнность и создать ему въ охранѣ обстановку безграничнаго довѣрія, — никакого интереса не представляло.

Кулябко утверждалъ ревизіи Трусевича, что онъ не имѣлъ съ Богровымъ сношеній полтора года до 26 августа. Но сенаторъ Турау, составлявшій докладъ о ревизіи сенатора Трусевича для 1-го департамента Государственнаго Совѣта, упоминаетъ уже не о полутора годахъ, а о двухъ, въ теченіе которыхъ Кулябко не видѣлся съ Богровымъ. Допустимъ, однако, что Кулябко не имѣлъ съ нимъ сношеній не съ августа 1909 года, по словамъ сенатора

Турау, не съ января 1910 года, какъ бы можно было предположить на основаніи показаній Кулябко, но, высчитавъ точно полуторагодичный періодъ отъ 26 августа 1911 года, будемъ думать — съ марта 1910 г. (съ марта 1910 г. по мартъ 1911 года — 12 мѣсяцевъ; съ марта 1911 года по 26 августа 1911 г. — немного менѣе 6 мѣсяцевъ, итого—около 18 мѣсяцевъ).

Какимъ же образомъ сообразовать другое утвержденіе Кулябки о возникшихъ въ *апрѣлѣ* 1910 года среди анархистовъ подозрѣніяхъ въ провокаціи Богрова, въ связи съ которыми онъ и вынужденъ былъ будто бы покинуть Кіевъ и уѣхать въ Петербургъ, взявъ *отъ Кулябки* въ томъ же апрѣлѣ рекомендательное письмо къ начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія фонъ-Коттену.

И если Богровъ уѣхалъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ—гдѣ это письмо? Почему оно не опубликовывается?

Это — такая же правда, какъ и принятіе фонъ-Коттеномъ Богрова въ сотрудники въ іюнѣ 1910 г., какъ и то, что черезъ мѣсяцъ, въ іюлѣ, Богровъ уѣхалъ за границу, конечно, ничего не давъ фонъ-Коттену.

Изъ Петербурга за время пребыванія Богрова тамъ, съ апрѣля 1910 года по 22 ноября того же года, онъ отлучался только одинъ разъ, въ Москву, *въ іюнѣ мѣсяцѣ и только на двѣ недѣли.*

Напоминаю здѣсь опять заключеніе доклада Трусевича, въ которомъ онъ трактуетъ Богрова, какъ завѣдомо для Кулябко *политически неблагонадежнаго* лица и формулировку обвиненій оберъ-прокурора Кемпе, въ которой Богровъ почитается „явно“ политически неблагонадежнымъ и „опаснымъ“ лицомъ, что

не могло бы имѣть мѣста ни въ устахъ Трусевича, ни въ устахъ Кемпе, если бы сказка о рекомендаціи Кулябко къ фонъ-Коттену и о принятіи Богрова послѣднимъ была вѣрна.

Кромѣ того, у меня передъ глазами и подтверждающая меня замѣтка *сентябрьскихъ* (1911) „Биржевыхъ Вѣдомостей", гдѣ изъ авторитетнаго источника сообщается „что петербургскія власти не были освѣдомлены о взаимоотношеніяхъ между помощникомъ прис. пов. Богровымъ и кіевскимъ охраннымъ отдѣленіемъ".

Въ апрѣлѣ 1910 года не могло возникать у товарищей Богрова подозрѣній въ его политической честности, ибо съ начала мая 1909 г., по возвращеніи своемъ изъ Парижа въ Кіевъ, Богровъ ушелъ совершенно отъ революціонной работы и выдавать никого не могъ. Это время было временемъ подготовки къ университетскимъ экзаменамъ и безсодержательной жизни свѣтскаго молодого человѣка. А мотивы переѣзда Богрова въ Петербургъ достаточно выясняются изъ слѣдуемаго далѣе повѣствованія о Богровѣ, и мы не можемъ здѣсь на этомъ останавливаться.

Несомнѣнной ложью являются и всѣ вообще циркулировавшіе какъ въ печати, такъ и въ офиціальныхъ документахъ*) разсказы объ угрозахъ Богрову, со ссылками на какихъ то Виноградовыхъ и Лятковскихъ.

Откуда это извѣстно? Отъ Виноградова? Отъ Лятковскаго? Отъ другихъ мифовъ? Отъ самаго Богрова?

Нѣтъ.

---

*) См. стр. 10.

Ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, а только отъ Кулябко и лица, „близко“ къ нему стоящаго.

Въ уже упомянутой нами замѣткѣ „Русскаго Слова“, на ряду съ ложью о Муравьевѣ-Юдинѣ, говорится съ ихъ словъ слѣдующее:

„Кулябко думаетъ, что объ арестѣ Юдина зналъ Богровъ. Юдинъ, по мнѣнію Кулябко, былъ однимъ изъ членовъ группы террористовъ, подготовлявшихъ покушеніе на П. А. Столыпина. Террористы могли заподозрить Богрова въ провокаціи, предложить ему дилемму: — „Или убей Столыпина, или мы убьемъ тебя“.

Это сообщеніе — первая стрѣла, пущенная Кулябко, за которой полетѣли дополнительныя, съ именами Виноградова и Лятковскаго. Относительно Муравьева въ газетѣ „Будущее“ отъ 10 марта 1912 г., были помѣщены письма Муравьева и его сестры, исчерпывающія вопросъ о его неприкосновенности къ дѣлу Богрова.

Бурцевъ писалъ:

„Намъ доставлены два письма Муравьева, о которомъ такъ много говорилось въ дѣлѣ Богрова, и два письма его сестры. Два изъ нихъ писаны одновременно братомъ и сестрой, изъ Кіева 5 авг., а два — 17 авг. 1911 года, т. е. за нѣсколько дней до смерти Муравьева.

„Эти письма вполнѣ подтверждаютъ то, что мы писали о Муравьевѣ въ „Будущемъ“. Никакого отношенія онъ къ дѣлу Богрова не имѣлъ, никакого участія въ революціи не принималъ, вся его мечта и мечта его сестры была — какъ бы поскорѣе ему уѣхать изъ кулябинской Россіи и устроиться гдѣ-нибудь въ Германіи.

„Муравьевъ былъ человѣкъ съ нервами, совершенно измотавшимися благодаря прелестямъ

русской жизни, и насъ нисколько не изумитъ, если окажется, что онъ, попавши въ руки Кулябко, покончилъ самъ съ собой. Молва, впрочемъ, настаиваетъ на томъ, что въ данномъ случаѣ было не самоубійство, а убійство.

„Изъ присланныхъ намъ свѣдѣній видно, что отвѣтныя письма, посланныя изъ Германіи въ Кіевъ Муравьеву и его сестрѣ тѣми, кому они писали свои письма 5—17 августа, были перехвачены въ свое время Кулябко, что за Муравьевымъ все время слѣдили, знали, кто онъ, и арестовали его на улицѣ 26 августа, когда это, по соображеніямъ охраны, оказалось нужнымъ.

„Къ аресту Муравьева Богровъ не имѣлъ никакого отношенія.

„Около имени Муравьева Кулябко сначала, потомъ Трусевичъ, подняли необычайный шумъ. Произведены были десятки арестовъ, обысковъ, исписаны груды бумагъ и т. д...

„Зачѣмъ?

„Слѣдственнымъ властямъ съ самаго начала не могло не быть яснымъ, что ни Муравьевъ, ни его сестра не только не имѣли никакого отношенія къ дѣлу „Богровъ—Столыпинъ," но вообще въ то время не имѣли никакого отношенія къ революціонерамъ. Муравьевъ — самый заурядный юноша, больной, неврастеникъ, человѣкъ, выбитый изъ жизни, еще до ареста часто мечтавшій о самоубійствѣ. Поѣздка заграницу создавала ему какіе-то новые горизонты, но поиски за деньгами для этой поѣздки заставляли его оставаться въ Кіевѣ, когда онъ самъ сознавалъ, что ему нужно было бѣжать оттуда возможно скорѣе.

„Кто прочтетъ печатающіяся ниже письма, согласится, что ихъ авторы не принадлежатъ

къ революціонерамъ, отъ которыхъ нужно было Кулябкамъ кого-то охранять...

Письма А. Муравьева и его сестры *).

I.

Осмѣливаюсь напомнить Вамъ знакомаго Вамъ Шурку. Вамъ страннымъ покажется мое къ Вамъ обращеніе. Но, что дѣлать, судьба наталкиваетъ на это!

Мотивы мои — покинуть, т. е. перебраться изъ Россіи. Откровенно говоря, я въ настоящее время нелегальный.., въ полномъ смыслѣ утопающій... что заставило меня написать и просить Вашей *солидарности.*

Гриша! Я убѣдительно прошу, если есть возможность, выручить. Предварительно сообщите, и гдѣ, й какимъ путемъ все это устроить? Сообщите немедленно... Для меня близка пропасть... Приходится дорожить каждой минутой. У меня абсолютно нѣтъ связи и надежды на поддержку .., Гонимый всюду!.. Никакъ невозможно прожить здѣсь у себя. Мой исходъ плохой!

Гриша! Не откажите въ моей умоляющей просьбѣ. Мнѣ нѣтъ выхода! Я—блуждающій пустынникъ, палимый солнцемъ. Страннымъ все покажется, но я думаю, что не оттолкнете брата по жизни и т. д. Только одна надежда уѣхать изъ Россіи или броситься въ Днѣпръ. Но не черствое же сердце у Васъ... допустить, если есть выходъ. Мои нервы обратились въ веревки. Я серьезно говорю. Тяжко, гадко... Только волочусь изъ конца въ конецъ... Въ результатѣ — ничего. Вида не имѣю — вотъ всѣ причины. Если Вы будете настолько добры и примете дѣятельное участіе, дабы облегчить мое страданіе, пожалуйста, прошу Васъ напишите немедленно отвѣтъ. Для меня каждая минута дорога. Я — на обрывѣ.

Я болѣю душой, что кругомъ отрѣзанъ...

Такъ, пожалуйста, отвѣтьте, какъ получите мое письмо — не задерживайте — по адресу:

Кіевъ, Паньковская ул., домъ № 1, кв. 7, доктора Киселевича, Маріи Александровнѣ Муравьевой.

Извѣстный Александръ Мура...

---

*) Изъ печатаемыхъ ниже писемъ первое и четвертое писано Муравьевымъ, а второе и третье — его сестрой.

II.

5 августа 1911 г.

Многоуважаемый П. А!

Безъ всякихъ предисловій обращаюсь къ Вамъ съ просьбой. Нѣсколько дней тому назадъ узнала, что Вы живете заграницей.

Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой: не сочтите за трудъ и сообщите мнѣ подробно, какъ можно устроиться? Я хлопочу за своего младшаго брата. Въ настоящее время онъ въ нелегальномъ положеніи болѣе года и приходится прятаться, какъ травленному зайцу. Документа онъ совсѣмъ не имѣетъ, а жить по чужому — гарантія малая. А какъ только поймаютъ, не минуетъ каторги. Онъ совсѣмъ молодой — ему только 21 годъ. И вотъ, я очень хотѣла бы его выпроводить изъ Россіи. Въ Швейцаріи я имѣю большой кругъ знакомыхъ. Но тамъ нельзя получить работы, а въ Германіи — только Вы. Причину — почему онъ въ такомъ положеніи, Вамъ писать не буду. Вы и такъ поймете. Если пріѣдетъ, то самъ разскажетъ подробно. Но какъ тамъ? — вотъ главная загвоздка. И потому я прошу не отказать въ совѣтѣ и помочь. Если онъ пріѣдетъ, можно ли ему пробыть у Васъ или гдѣ нибудь у знакомыхъ? Вѣдь, онъ совсѣмъ не знаетъ нѣмецкаго языка. На первое время онъ матеріально будетъ обезпеченъ; а тамъ можетъ быть Вы поможете ему устроиться. Надѣюсь, не откажете въ моей просьбѣ и не замедлите отвѣтить: каждая минута дорога!..

III.

17 августа 1911 г.

Шлю свою сердечную благодарность, товарищъ И., за то участіе, которое Вы не отказались принять въ участи моего брата. Вы хорошо поймете, что положеніе его не изъ важныхъ: живетъ по чужому (паспорту), на рискъ. Хотя чужой — легальный, но все таки приходится за каждый шагъ бояться и при каждомъ стукѣ вскакивать, если онъ не въ урочный часъ. А теперь тѣмъ болѣе: сюда пріѣдетъ 29 Ник., и готовится быть торжество: будутъ освящать памятникъ Алек. II. И вотъ, благодаря этому торжеству пріѣхала теперь и московская полиція, и приходится сидѣть, какъ кроту въ норѣ: боимся выйти, потому что агенты на улицахъ подходятъ и просятъ предъявить

документъ (даже къ людямъ солидной внѣшности). Чтобы ихъ черти побрали! Если бы Вы знали, какъ надоѣло жить подъ такимъ гнетомъ! И мы ничего не можемъ сейчасъ сдѣлать. Вы, навѣрное, знаете, что здѣсь затишье: разбрелись, кто куда, — какъ-то все распалось, — хотя не только здѣсь, но и въ Москвѣ тоже.

Какъ только кончится торжество, сейчасъ-же примемъ энергичныя мѣры.

Я очень удивлена, что въ Германіи на квартирѣ просятъ документы. И, вотъ въ виду этого я хочу задать нѣсколько вопросовъ: 1) Какой нуженъ паспортъ — заграничный, или можно не мѣнять, а ѣхать съ такимъ, а за черту пробраться безъ онаго? 2) Вѣдь, если здѣсь заграничный дается на полгода, а какъ же дальше? 3) Если мы возьмемъ у знакомаго, — его возвращать не надо? т. е., мы не вернемъ его, онъ заявитъ, что потерялъ, — справки не будетъ?

Если не сочтете за трудъ и когда будетъ свободная минута, то прошу написать.

Можете не торопиться: до 20 сентября ничего, знать, не будетъ. А когда получимъ, дадимъ знать, а онъ пока займется нѣмецкимъ языкомъ. Я очень хорошо знаю, что безъ языка плохо.

Вашъ братъ написалъ намъ подробно, сколько будетъ стоить поѣздъ и какъ тамъ осматриваютъ внѣшность человѣка эти ищейки проклятыя! Да, онъ пишетъ, что нужно обязательно, чтобы былъ костюмъ приличный и крахмальный воротникъ. Мы это уже знали, да ему и здѣсь приходится носить. Этотъ костюмъ его мѣняетъ. А то, онъ снятъ въ рубашкѣ, и когда у насъ былъ обыскъ, то его карточки взяли въ охранку. Онъ тамъ 16 лѣтъ, и, благодаря костюму, мало похожъ.

IV.

Спасибо товарищъ.

Письмо Ваше мною получено. Я очень благодаренъ, что приняли участіе и откликнулись на мой (призывъ)...

Тяжелый періодъ проживанія здѣсь можетъ окончиться печальными послѣдствіями.

Въ настоящій моментъ, гдѣ я живу, творится нѣчто ужасное. Въ концѣ мѣсяца — 29 и по 5-ое устроены будутъ торжества. Пріѣдетъ Н. 2, со своей свитой, и вотъ,

въ ожиданіи пріѣзда, идетъ спѣшная *очистка*. Пріѣхала московская и питерская свора ищеекъ. Въ полномъ смыслѣ нельзя выйти. Абсолютно никуда выйти (нельзя): спрашиваютъ документъ на улицѣ. Если не имѣется при себѣ, арестовываютъ до удостовѣренія личности. Репрессія тучей легла!..

Къ дѣлу! Вопросъ: можно ли пользоваться документомъ, выданнымъ на полгода, болѣе срока? Будутъ ли выдавать на мѣстѣ новый? Меня это ставитъ въ тупикъ. Пожалуйста, по-подробнѣе объясните. Въ сентябрѣ надѣюсь здѣсь все устроить — выхлопотать документъ. Приходится надѣяться на знакомыхъ. У меня лично мои товарищи не въ силѣ, т. е. порвана вся связь.

Есть два аргумента: года — 28 — слишкомъ много: моей фигурѣ дать можно 23-24, но не болѣе. Очень трудно: кругомъ фіаско!

Сижу и мечтаю. Голова ничего не варитъ! Не знаю, когда все и кончится и чѣмъ. Сдѣлаю оговорку: хочется пожить, хотя не для себя лично. Жду и надѣюсь на добрыхъ товарищей, въ числѣ которыхъ ставлю и Васъ.

Жму руку.

Извѣстный А.

Августъ 17-ое 11 г.

Ложь и клевета на Муравьева-Юдина теперь уже подтверждены и оффиціозно *).

Что касается Виноградова, этого главнаго будто бы угрожателя и предъявителя ультиматума Богрову въ „Потокахъ“, то о немъ, какъ о несомнѣнно мифическомъ лицѣ говоритъ „Будущее“ отъ 14 апрѣля 1912 г.:

„Разсказъ о Виноградовѣ — басня. Кстати, мы знаемъ двухъ бѣжавшихъ съ каторги Виноградовыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ даже знакомъ съ Богровымъ. До сихъ поръ мы, выслушавъ много разсказовъ о Богровѣ, не натолкнулись ни разу на что-нибудь такое,

---

*) См. далѣе, стр. 70—71.

что могло бы позволить намъ вѣрить разсказу Трусевича о роли (да еще рѣшающей) какого-то Виноградова."

Объ угрозахъ Богрову со стороны Лятковскаго въ мартѣ 1911 г. Бурцевъ въ № 7, отъ 7 апрѣля 1912 г. пишетъ:

„Мы знаемъ, что весной 1911 г. Богрова не разъ шантажировали подъ видомъ требованія отчета въ партійныхъ деньгахъ, но вся эта исторія съ Лятковскимъ не имѣетъ никакого отношенія къ событію 1-го сентября."

Да и всякому безпристрастному человѣку покажется совершенно нелѣпымъ, зная Богрова, хотя бы только съ того времени, какъ онъ выступилъ на историческую сцену, когда дѣйствія и поведеніе его были у всѣхъ на виду, чтобы такой человѣкъ, такая натура, побоялся какихъ-то угрозъ или чтобы его можно было запугать *).

Если дѣйствительно находились шантажисты въ анархистской средѣ, эксплоатировавшіе старые, ликвидированные слухи о провокаціи Богрова, послѣдній относился къ нимъ съ презрѣніемъ и не обращалъ на ихъ клеветы и шантажи вниманія, хотя бы они приносили ему душевную боль. Но Богровъ отнесся чутко и неравнодушно тогда, когда его товарищъ, котораго онъ уважалъ, отказался отъ знакомства съ нимъ на основаніи подобныхъ легкомысленно или злостно брошенныхъ обвиненій.

---

*) Теперь въ этомъ, кажется, не сомнѣваются. По поводу привлеченія Курлова и Ко. къ суду, В. Жаботинскій писалъ въ „Днѣ," отъ 17. декабря 1912 г. „...Богровъ пошелъ на свое дѣло изъ страха передъ бывшими товарищами, которые, молъ, грозили его убить, если онъ себя не „реабилитируетъ." Это смѣшно и нелѣпо: изъ страха смерти не идутъ на смерть, да еще на такую."

Тому, кто знакомъ съ революціонной средой, должно быть ясно, что никакихъ ультиматумовъ, никакихъ угрозъ и никакихъ требованій реабилитаціи пойманнаго провокатора посредствомъ убійства того или иного должностного лица не дѣлается. Обнаруженнаго провокатора отпускаютъ съ миромъ, если онъ является мелкимъ, ничтожнымъ, какъ сдѣлавшагося уже безвреднымъ, вслѣдствіе самаго факта разоблаченія его,—убиваютъ, если онъ крупнаго калибра, и даже послѣ его обнаруженія является опаснымъ для успѣха революціонной дѣятельности, или, если онъ хотя и мелкій, но заматерѣлый мерзавецъ. Кто захочетъ сослаться въ данномъ случаѣ на дѣло Сергѣя Дегаева или Петрова, тому слѣдуетъ имѣть въ виду, что Дегаевъ убилъ Судейкина не для реабилитаціи. „Народная Воля“ рѣшила послѣ раскаянія Дегаева казнить Судейкина „непремѣнно руками самаго Дегаева“ для того, чтобы достигнуть „взаимоистребленія двухъ достойныхъ другъ друга дѣятелей.“ А Петровъ провокаторомъ не былъ, и никто его въ этомъ не подозрѣвалъ. Это былъ революціонеръ, самъ пришедшій со своими сомнѣніями къ товарищамъ за совѣтомъ, не изъ шкурныхъ мотивовъ, не почувствовавъ конца своего личнаго благополучія, какъ Дегаевъ, но какъ честная, но заблудшая овца. Никого и ничего онъ по существу не выдалъ. И убійствомъ Карпова онъ только очищалъ свои ошибки и примирялся со своею совѣстью, реабилитировалъ себя въ глазахъ самого себя и ликвидировалъ свою ошибку передъ партіей единственно возможнымъ, какъ казалось ему и группѣ его товарищей образомъ.

Если же говорить о реабилитаціи Богрова

способомъ убійства Столыпина, нужно принять во вниманіе и ворохъ предательствъ, которыя нагораживаются на несчастную голову Богрова. А при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о какой-то реабилитаціи. Изгнаніе изъ революціонныхъ круговъ, убійство по примѣру убійства Бориса Лондонскаго или рѣшеніе, подобное рѣшенію „Народной Воли“ по отношенію къ Сергѣю Дегаеву — были бы единственно путями разсчета съ Богровымъ.

Но, какъ извѣстно, никто не изгонялъ Богрова изъ анархической группы, никто не думалъ его убивать, и ни одна группа или партія не имѣетъ никакого отношенія къ глубоко-индивидуальному акту Богрова.

Вся исторія съ „реабилитаціей“ является или шантажемъ тѣхъ „жуликовъ“, съ которыми боролся Богровъ, или кулябкинской ложью. Показаніе самого Богрова о предложенной будто бы ему реабилитаціи, будто бы данное имъ на судѣ, которое приводится въ „Нов. Вр.“, отъ 21 марта 1912 г., приходится считать несомнѣнной подтасовкой и охранной махинаціей—такой же, какъ и показанія Богрова относительно приглашенія его террористами въ Петербургъ, о которыхъ мы говорили уже выше.

Богрову сомнѣваться было не въ чемъ и совѣтовъ просить было не у кого. Онъ одинъ замыслилъ свой планъ и шелъ твердо къ намѣченной цѣли, примѣняя къ этому исключительному случаю принципъ: „цѣль оправдываетъ средство.“

Всѣ старанія создать заговоръ цѣлаго сообщества террористовъ потерпѣли полное фіаско. Ни связываніе Богрова съ несчастнымъ Муравьевымъ, ни съ Чернымъ, Лятковскимъ и

другими не имѣли успѣха, и сами власти должны были потомъ признать, что дѣло Богрова — дѣло индивидуальное.

Въ „Совр. Словѣ“, отъ 7 іюня 1912 г., помѣщена слѣдующая телеграмма о прекращеніи дальнѣйшаго слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Столыпина:

„Кіевъ. 6 іюня. Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Столыпина окончательно ликвидировано. Жандармскія слѣдственныя власти пришли къ заключенію, что актъ совершенъ единолично Богровымъ. Все производство по дѣлу передается въ архивъ“.

И далѣе въ номерѣ отъ 1 августа 1912 г. того же „Совр. Сл.“ было напечатано слѣдующее сообщеніе:

Прекращеніе дѣла объ убійствѣ П. А. Столыпина.

На-ряду съ дѣломъ объ отвѣтственности ген. Курлова и др. на мѣстѣ въ г. Кіевѣ производилось слѣдствіе объ убійствѣ П. А. Столыпина.

Это слѣдствіе имѣло цѣлью выяснить вопросъ, были ли у Богрова сообщники.

Въ началѣ слѣдствія возникли предположенія, что сообщники у Богрова были.

Эти предположенія особенно окрѣпли послѣ того, какъ въ одномъ мѣстѣ въ зданіи театра обнаружена была порча проводовъ.

Такъ какъ Богровъ на одномъ изъ допросовъ показалъ, что его выстрѣломъ имѣлось въ виду потушить электричество, то власти предположили, что порча проводовъ совершена участникомъ Богрова, которому не удалось добраться до мѣста, гдѣ проходилъ главный проводъ въ зрительную залу и примыкающія комнаты.

Далѣе слѣдствіе предполагало, что между преступленіемъ Богрова и самоубійствомъ Муравьева имѣется связь.

Самъ ген. Курловъ въ своихъ объясненіяхъ департаменту Гос. Совѣта говоритъ, что утверждать объ отсутствіи у Богрова сообщниковъ нельзя.

Въ цѣляхъ выясненія вопроса о сообщникахъ слѣдствіе велось также и въ Парижѣ.

Всестороннее разслѣдованіе нынѣ привело, однако, къ обратнымъ результатамъ.

Оказалось, что во время кіевскихъ торжествъ никто изъ революціонеровъ къ Богрову не пріѣзжалъ и что „Николай Яковлевичъ“ и „Нина Александровна“ — личности вымышленныя.

Выяснилось, что никакихъ сообщниковъ у Богрова нѣтъ и что преступленіе совершено имъ самостоятельно и связи съ самоубійствомъ Муравьева не имѣетъ.

Слѣдствіе пришло къ заключенію, что единственно правильной версіей является та, которая возникла еще въ началѣ дѣятельности ревизіи Трусевича, т. е, что Богровъ, послѣ того, какъ въ партіи с.-р. стало извѣстно, что онъ служитъ въ охранномъ отдѣленіи, избралъ террористическій актъ, какъ единственный выходъ изъ положенія.

Въ виду того, что сообщниковъ Богрова обнаружить не удалось и что всѣ обстоятельства, выясненныя слѣдствіемъ, убѣдили въ самостоятельности дѣйствій Богрова, дѣло объ убійствѣ П. А. Столыпина — вслѣдствіе казни преступника — представлено нынѣ на прекращеніе“.

Какъ мы уже говорили, Богровъ къ партіи с.-р. не принадлежалъ и заключеніе слѣдствія о „единственно правильной версіи“ совершенно неправильно. Богрову не было надобности реабилитировать себя въ ея глазахъ или искать „единственнаго выхода“.

Вотъ заявленіе Центральнаго Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, напечатанное въ № 38 „Знамени Труда“, центральнаго органа названной партіи:

„Заявленіе Центральнаго Комитета П. С.-Р.

Въ виду появившихся во всѣхъ почти русскихъ газетахъ извѣстій о причастности Партіи Соц.-Рев. къ дѣлу Дм. Богрова, Центр. Комитетъ П. С.-Р. заявляетъ:

Ни Ц. К-тъ, ни какія либо мѣстныя партійныя организаціи не принимали никакого участія въ дѣлѣ Дм. Богрова“.

Но заключеніе слѣдствія не только неправильно, оно и странно.

Какъ же это — ни Трусевичъ, ни жандарм-

скія слѣдственныя власти не знаютъ къ какой партіи Богровъ принадлежалъ и, стало быть, кого выдавалъ, а знаютъ, между тѣмъ, что онъ служилъ въ охранномъ отдѣленіи и выдавалъ своихъ товарищей.

Какихъ же товарищей?

С.—р-овъ?

А какже всѣ разсказы и басни о выдачахъ среди анархистовъ?

Не потому ли слѣдственныя власти не знали партійной окраски Богрова, что, по словамъ одной остроумной газеты, „выдавая различныя партійныя организаціи, Богровъ, однако, воздерживался отъ упоминанія той партіи, къ которой принадлежалъ“ (?!)

Сама то газета знаетъ къ какой партіи принадлежалъ Богровъ, и слѣдственныя власти напрасно не заглянули въ эту газету. Вслѣдъ за цитированными словами мы читаемъ: „благодаря этому, члены *аграрной революціонной партіи* оставались неуловимы“ (!!)

Однимъ словомъ, кого выдалъ Богровъ, никто рѣшительно не знаетъ, но всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: выдалъ, выдалъ!

Караулъ, провокаторъ!!

Не только выдалъ, но и деньги взялъ.

Кулябко указывалъ и сумму ежемѣсячнаго вознагражденія Богрова — 185 рублей.

А когда эти выдачи доказать не удалось, Кулябко создалъ расплывчатую басню о томъ, что не регулярно, молъ, получалъ, но все-таки не отказывался отъ денежныхъ вознагражденій за свое „сотрудничество“ (показанія, данныя Трусевичу).

А вотъ и „фактъ.“

По пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга Богровъ извѣстилъ Кулябко и получилъ отъ него небольшую сумму денегъ на личныя нужды.

И этому „факту“ повѣрили.

Что за бѣда, если Богрову въ случаѣ нуждъ своихъ, какъ человѣку изъ обезпеченной семьи, было куда, помимо Кулябки, обращаться за одолженіями.

Что за бѣда, если Богровъ возвратился въ Кіевъ тогда, когда, по собственнымъ словамъ Кулябки, послѣдній Богрова и видѣть не могъ.

Богровъ пріѣхалъ въ Кіевъ 22 ноября 1910 г., а Кулябко его не видалъ съ апрѣля 1910 г. вплоть до 26 августа 1911 г.!

Когда же Кулябко успѣлъ ссудить Богрова деньгами?

Какъ бы то ни было изъ всѣхъ положительныхъ свѣдѣній и противорѣчій ясно одно: „сотрудничество“ Богрова съ Кулябкой должно быть взято подъ подозрѣніе.

Если бы Богровъ былъ дѣйствительно и прежде, до 26 августа 1911 г. въ служебно-начальственныхъ отношеніяхъ съ Кулябкой, послѣдній не вѣрилъ бы такъ сильно въ него и не былъ бы такъ деликатенъ къ нему. Сильное довѣріе Кулябки объясняется именно тѣмъ, что Богровъ явился 26 августа добровольцемъ, по собственной иниціативѣ, а не какъ прежній, зависимый отъ Кулябко сотрудникъ, котораго онъ никакъ не могъ подозрѣвать въ преступныхъ намѣреніяхъ и при томъ какъ человѣкъ не первый встрѣчный и ему неизвѣстный, а хорошо ему знакомый по Кіеву; отца и всю семью и самого Богрова онъ давно уже хорошо зналъ; зналъ, вѣроятно, и всѣ домашнія и семейныя мелочи Богровыхъ, ибо, судя по отчету Трусевича, видно, что писецъ Кулябки Сабаевъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ горничной Богровыхъ и посѣщалъ ее.

Уже нѣсколько дней спустя послѣ убійства Столыпина, въ Кіевѣ возникли подозрѣнія, что „факты„ „сотрудничества“ Богрова съ охраной охранной же фабрикаціи, что слухи о службѣ Богрова въ охранномъ отдѣленіи и крупныхъ услугахъ, оказанныхъ имъ охранѣ, распускаются кругами, заинтересованными въ уменьшеніи вины тѣхъ, на чьей совѣсти легла ничѣмъ неоправдываемая вѣра въ заявленія Богрова“ (телеграмма „Рѣчи“, *6-го сентября 1911 г.*).

И эти слухи оправдались.

„Личность и дѣятельность Богрова, до совершенія имъ убійства, освѣщается (въ ревизіи Трусевича) на основаніи данныхъ охраннаго отдѣленія“, — читаемъ мы въ „Бирж. Вѣд.“ отъ 21 марта 1912 г., гдѣ были помѣщены наиболѣе подробныя выдержки изъ доклада Трусевича.

Мы сами разобрали „факты“, вмѣнявшіеся въ вину Богрову, и видимъ, сколь необоснована общественная оцѣнка и личности, и дѣла Богрова.

Мы видимъ, что правы не молва, а тѣ, кто указывалъ на необходимость сугубой осторожности къ „свѣдѣніямъ охраннаго міра и баснямъ изъ неизвѣстнаго источника“, корни котораго лежатъ, быть можетъ, „гдѣ-нибудь въ заинтересованной средѣ, быть можетъ, въ той же охранѣ“, *) тѣ, кто предостерегалъ отъ скороспѣлыхъ сужденій, отъ забрасыванія грязью имени Богрова, о которомъ все, что было извѣстно изъ источниковъ чистыхъ и честныхъ, такъ не согласовалось съ грязными и мутными слухами изъ охраны.

*) „Будущее“, 31 декабря 1911 г.

Для людей, воспитанныхъ ложью и для лжи, для людей кулябкинской этики, для которыхъ личное благополучіе и карьера дороже правды и справедливости, дороже всего на свѣтѣ, — для нихъ, понятно, никакого значенія не имѣютъ ни честь, ни совѣсть.

Но для всѣхъ другихъ честь и достоинство человѣка должны быть священными и, какъ бы это ни было выгодно для временныхъ политическихъ цѣлей, ни одно грязное пятно не должно быть брошено безъ основанія, тѣмъ болѣе, пятно—трудно смываемое.

Дмитрій Богровъ.

Дмитрій Григорьевичъ Богровъ *) родился 29 января 1887 г. и былъ сыномъ кіевскаго присяжнаго повѣреннаго, богатаго домовладѣльца и крупнаго благотворителя Григорія Григорьевича Богрова, и внукомъ извѣстнаго публициста по еврейскимъ вопросамъ, автора „Записокъ Еврея", которыя пользовалась особеннымъ успѣхомъ.

Домъ Богровыхъ занималъ видное положеніе въ Кіевѣ и имѣлъ обширныя знакомства въ разныхъ сферахъ. Адвокатская практика, благотворительность, дворянскій клубъ — вотъ поле, на которомъ выростали и умножались эти знакомства.

Въ числѣ знакомыхъ Богровыхъ была и такая фигура, какъ бывшій шефъ кіевской жандармеріи, ген. Новицкій.

Въ этой средѣ приходилось, разумѣется, вращаться и Дмитрію Богрову.

Высокій, худощавый, блѣдный, съ бритымъ лицомъ, съ откинутыми назадъ волосами, изысканно одѣтый, элегантный, воспитанный, съ большой выдержкой и отличными манерами,

*) Въ бумагахъ, свидѣтельствующихъ личность Дмитрія Богрова, онъ не значится Мордкой Богровымъ. Это имя — изобрѣтеніе гг. Трусевичей и Ко.

Дмитрій Богровъ производилъ впечатлѣніе человѣка свѣтскаго до мозга костей.

Вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ, вездѣ онъ выдавался знаніями, начитанностью, талантливостью натуры.

Его общество было пріятно не только людямъ его возраста и темперамента, но и пожилымъ, посѣдѣвшимъ отъ опыта жизни, которыхъ всегда подкупала вибрирующая, волнующая искренность въ голосѣ Богрова и нравились его всегда дѣльныя замѣчанія и остроумныя реплики, удачные литературные примѣры и цитаты, всегда жизнерадостное настроеніе.

Богровъ былъ не просто умнымъ человѣкомъ.

Его умъ былъ дисциплинированный умъ, какъ и его характеръ былъ дисциплинированный характеръ.

Онъ умѣлъ анализировать вещи; умѣлъ разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ; умѣлъ систематически преслѣдовать тѣ задачи, которыя онъ ставилъ себѣ; умѣлъ смѣло и прямо смотрѣть въ глаза правдѣ.

Эта дисциплина характера, выдержанность натуры многихъ вводила въ недоразумѣніе.

Многіе въ его умѣніи молчать о томъ, о чемъ ему казалось слѣдуетъ молчать, видѣли неискренность, двойственность.

Онъ и самъ улавливалъ подобное отношеніе къ себѣ и на себѣ.

Онъ, между прочимъ, писалъ своему другу изъ Кіева:

„Вообще, въ жизни мы привыкли на каждомъ шагу лгать и повторяться. Эта столь удобная и полезная привычка имѣетъ свою непріятную

сторону—у насъ развивается страшная боязнь попасть впросакъ и дикое недовѣріе ко всѣмъ и ко всему."

Но у Богрова самого лжи не было.

Онъ могъ молчать, ибо не въ томъ же искренность, чтобы всѣмъ и каждому выкладывать душу свою.

Но когда онъ говорилъ о чемъ-либо, онъ былъ всегда искренень и не лгалъ.

Недоразумѣніе, впрочемъ, могло родиться.

Богровъ былъ революціоннымъ конспиративнымъ работникомъ.

Здѣсь эта двойственность — легальная и нелегальная жизнь—лежитъ на лицѣ.

„Онъ не принуждалъ себя относиться съ опасливымъ недовѣріемъ къ каждому новому человѣку, а просто не могъ бы понять, какъ можно вѣрить первому встрѣчному. Онъ не видѣлъ, что всѣ его отношенія съ людьми, начиная съ дворниковъ и швейцаровъ и кончая матерью и отцомъ, построены на боязни, на усердномъ желаніи скрыть тѣ подробности жизни, которыя единственно и занимали его, единственно и давали ей смыслъ. Но, если бы онъ это увидѣлъ, онъ не могъ бы жить иначе. Онъ сказалъ бы себѣ, что эта ложь праведна, ибо только строгою тайною охраняется партія..."

Эту характеристику Болотова въ романѣ Ропшина „То, чего не было" цѣликомъ можно отнести и къ Богрову.

Постоянная сосредоточенность, напряженность, осторожность, сугубая внимательность, все это отражается невольно.

Но нужно и здѣсь сказать, что въ Богровѣ и эти признаки, большей частью, стушевывались передъ его свѣтскостью и веселостью.

Признавалъ Богровъ и то, что бываютъ и помимо конспиративной работы такія обсто-

ятельства, когда ложь необходима, когда она, по пословицѣ, „во спасеніе бываетъ".

Но и для этихъ моментовъ жизни, какъ и для длительнаго періода систематической дѣятельности въ качествѣ подпольнаго дѣятеля — ложь не перестаетъ для него быть тягостной, въ особенности для него, рыцарское благородство котораго подтверждаютъ всѣ его знавшіе.

Душевное благородство — неотъемлемая черта Богрова.

Можетъ быть, потому, что оно рѣдкое и едва ли не самое цѣнное качество настоящаго человѣка.

Онъ до глубины души ненавидѣлъ насиліе и допускалъ его только въ отношеніи насильниковъ.

Когда онъ видѣлъ передъ собой какое-нибудь насиліе, у него загорались глаза, и онъ хватался за браунингъ, который постоянно носилъ съ собой.

Очень характерное происшествіе случилось съ нимъ въ лѣто его послѣдняго года жизни. Знаменитыя „jupes-culottes" дошли и до Кіева и тамъ завоевали сердца двухъ храбрыхъ дамъ, но храбрость ихъ стала быстро таять, какъ только эти модницы появились на улицѣ. Около нихъ образовалась порядочная толпа пошлыхъ обывателей, которые стали преслѣдовать ихъ и издѣваться надъ ними. Это отвратительное зрѣлище возмутило благородную душу Богрова, проходившаго случайно мимо. Но, когда онъ замѣтилъ среди толпы *студента*, онъ вышелъ изъ себя и подъ воротами одного изъ домовъ, куда загнали несчастныхъ женщинъ, блѣдный, возбужденный, ударилъ студента по лицу. Тутъ же, подозвавъ городового, Богровъ объявилъ ему о своемъ по-

ступкѣ и далъ визитную карточку для привлеченія къ суду.

Вообще же къ мирнымъ обывателямъ Богровъ относился тепло, какъ бы прощая имъ всѣ недостатки.

Патентованными насильниками онъ считалъ только прямыхъ враговъ своихъ: имущихъ власть, давящій гнетъ которыхъ въ первый разъ онъ самъ пережилъ и перечувствовалъ еще при поступленіи своемъ въ гимназію, когда онъ вынужденъ былъ конкуррировать со своимъ любимымъ товарищемъ и, при равныхъ шансахъ, какъ сынъ присяжнаго повѣреннаго, долженъ былъ занять единственную еврейскую вакансію.

Къ товарищамъ своимъ Богровъ относился любовно.

Никогда противъ нихъ онъ не проявлялъ активной злобы.

На всѣ ихъ промахи, на поступки ихъ, которые шли въ разрѣзъ съ принципами, которые прямо нарушали понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, о чести, честности, онъ отвѣчалъ... юморомъ и словами мягкой насмѣшки.

Въ серьезныхъ случаяхъ самъ уходилъ отъ такихъ.

Не всѣ товарищи, однако, понимали Богрова и въ ироническихъ ноткахъ или юморѣ, обращенныхъ по адресу тѣхъ или иныхъ товарищей, видѣли иногда неуваженіе или даже презрѣніе ко всѣмъ.

Это ихъ отталкивало отъ Богрова.

Но, несомнѣнно, такое впечатлѣніе было ошибочное.

Самъ Богровъ чувствовалъ, что его не всѣ понимаютъ и очень этимъ огорчался.

„У меня никогда не бывало — пишетъ онъ отъ 18 іюля 1909 года изъ Кіева — враговъ личныхъ, чувствовавшихъ ко мнѣ непріязнь

среди тѣхъ людей, которыхъ я уважаю и которымъ симпатизирую. Не говорю, конечно, о жульѣ, которымъ я такъ или иначе становился поперекъ дороги. И вотъ мои хорошія отношенія съ товарищами прерывались и часто замѣнялись враждой и всякими обвиненіями тогда, когда обстоятельства насъ заставляли разставаться и поддерживать дѣловыя (другихъ у меня не было) отношенія путемъ переписки. Почему — не знаю. Во всякомъ случаѣ не потому, что я мѣнялъ свои убѣжденія и т. п., а скорѣе потому, что у многихъ убѣжденія не такъ сливаются съ жизнью".

Богровъ отличался нѣжностью, душевной чуткостью, отзывчивостью и добротой.

Въ дѣтствѣ, разсказываютъ, когда его фрейленъ нужно было уѣхать изъ Кіева къ себѣ домой и Богровъ узналъ, что она поѣдетъ въ третьемъ классѣ, онъ тотчасъ же побѣжалъ къ отцу въ кабинетъ получить все накопленное имъ отъ карманныхъ денегъ для передачи фрейленъ, такъ какъ онъ не хочетъ, чтобы *его* фрейленъ ѣхала въ третьемъ классѣ.

Изъ одного письма мы узнаемъ и о другомъ случаѣ благородной чуткости, относящемся уже къ позднѣйшему періоду его жизни — къ осени 1909 года.

Къ этому времени ему опостылѣлъ Кіевъ, гдѣ онъ столкнулся съ рядомъ личныхъ непріятностей. Онъ хотѣлъ бросить его, но этому мѣшали университетскіе экзамены. Отложить ихъ на май и уѣхать куда-нибудь онъ не хотѣлъ, ибо тогда пришлось бы, пишетъ Богровъ, лишить кого либо изъ отцовскихъ пенсіонеровъ (расходы на которыхъ достигали 450 рублей въ мѣсяцъ) ихъ содержанія. Больше указанной суммы отецъ, по мнѣнію Дмитрія, расходовать въ то время не

могъ, и потому, не желая повредить рѣшительно никому и зная, какъ трудно было бы отцу отказаться отъ помощи кому бы то ни было, — онъ остается въ Кіевѣ кончать университетъ немедленно.

Къ тонкой духовной организаціи, къ душевной мягкости, къ отсутствію какой бы то было рисовки, благодаря полной атрофіи чувства тщеславія, располагавшимъ къ Богрову всѣхъ и дѣлавшимъ его душою всякаго общества, необходимо еще добавить: огромную инициативу и находчивость.

Разсказываютъ слу̀чай, когда во время избіенія въ литературно-артистическомъ обществѣ публики, собравшейся на рефератъ Водовозова, онъ чуть ли не одинъ остался въ залѣ, гдѣ неистовствовали городовые, защищаясь деревянной палкой отъ шашекъ, которыми палка и была перерублена пополамъ.

Вся публика ринулась изъ зала, а Богровъ не растерялся.

Онъ самъ разсказывалъ, что это былъ первый опытъ самообладанія.

Дѣйствительно, передъ лицомъ непосредственной опасности онъ не терялся: у него являлась поразительная выдержка.

И замѣчательно, это качество сочеталось у него съ большой экспансивностью натуры.

Разсказываютъ о другомъ поступкѣ Богрова, характеризующемъ его находчивость.

Было организовано одно небольшое революціонное предпріятіе, о которомъ зналъ и Богровъ. Самъ онъ не принималъ активнаго участія, но слѣдилъ за ходомъ дѣла. Дѣло не обошлось благополучно, и полиція, напавъ на слѣдъ, уже готова была вступить въ перестрѣлку и накрыть всѣхъ, какъ вдругъ изъ собравшейся толпы выскочилъ Богровъ съ

браунингомъ въ рукахъ и закричалъ: „Сюда... Тутъ лу[illegible]ие ихъ накрыть".

Въ су[illegible]атохѣ полиція бросилась за нимъ, надѣясь [illegible]ъ самомъ дѣлѣ такимъ образомъ отрѣзать [illegible]тступленіе, но Богровъ по дорогѣ скрылся, [illegible]ставивъ полицію... въ дуракахъ.

Долго, [illegible]оворятъ, потомъ полиція и „ищейки" разспра[illegible]вали о „высокомъ молодомъ человѣкѣ", л[illegible]вко надувшемъ ихъ, но его и слѣдъ простыл[illegible]...

Къ собственной жизни Богровъ относился настольк[illegible] же легко, насколько бережно обходился [illegible]ъ жизнью другого.

Своя [illegible]изнь, говаривалъ онъ, не стоитъ того, что[illegible]ы ее тянуть.

И пот[illegible]му свою жизнь онъ сознательно прожигалъ.

Зато, когда къ нему обращался товарищъ-рабочій за рублемъ на жизнь, когда у самого Богрова его не было, онъ обѣгалъ всѣхъ знакомыхъ, чтобы достать нужное.

Когда Богровъ отдавался любимому дѣлу, онъ отд[illegible]вался беззавѣтно, всей душой, не щадя ни [illegible]силъ, ни здоровья, ни карьеры, ни своего о[illegible]щественнаго положенія, ни самой жизни.

Богров[illegible] былъ рѣдкимъ человѣкомъ не только для жанд[illegible]рмскаго полковника Иванова, бесѣдовавшаг[illegible] съ нимъ незадолго до казни.

Каждый изъ знавшихъ Богрова могъ, если и не повторить цѣликомъ слова полковника: „это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ. Это удивительный человѣк[illegible]", то, во всякомъ случаѣ, подписаться подъ его послѣднимъ опредѣленіемъ.

Да, — „это былъ удивительный человѣкъ".

Изъ письма товарища Богрова о Богровѣ *).

„...1907 годъ былъ, пожалуй, самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ послѣдовавшихъ за революціонной вспышкой 1905 года. Нахлынувшая реакція давила своей желѣзной рукой все живое, мыслящее, вырвавшееся изъ рамокъ покорности вѣковому деспотизму русской государственности. Полицейская охрана съ неутомимой энергіей разрушала всѣ полулегальныя и нелегальныя организаціи, выказывавшія хоть маленькіе признаки жизни. Чрезвычайные законы, военные суды висѣлицей, тюрьмой, ссылкой съ каждымъ днемъ уносили изъ нашихъ рядовъ близкихъ, дорогихъ людей и этимъ ослабляли силы сопротивленія, разстраивали революціонные кадры. Но въ душѣ каждаго изъ насъ теплилась надежда остановить потоки реакціи, увидѣть лучшіе дни... Сквозь дымку печали свѣтились радужныя надежды, трепетала энергія. Каждому изъ насъ приходилось работать и жить вдвойнѣ... И въ этой скрытой тяжелой борьбѣ сказывалась

*) Письмо это поступило въ наши руки уже послѣ того, какъ вся брошюра была составлена. Авторъ письма — одинъ изъ привлеченныхъ по дѣлу Германа Сандомірскаго и другихъ, по которому предполагалась провокація со стороны Богрова. Письмо написано авторомъ недавно, и авторъ отлично освѣдомленъ о послѣднихъ событіяхъ въ жизни Богрова. — А. М.

вся сила тѣхъ, кто вѣрилъ въ лучшее будущее, и интенсивность и могучая жизненность той идеи, которую царизмъ пытался задушить насильно. Анархистскія организаціи въ Кіевѣ не избѣгли общей участи. Изъ нѣсколькихъ, существовавшихъ доселѣ, параллельныхъ организацій уцѣлѣли жалкіе остатки, которые не въ силахъ были оказывать даже сопротивленія. Вопросъ объ объединеніи выступалъ на первый планъ въ самой жгучей формѣ, но невѣроятная нужда въ матеріальныхъ средствахъ губила лучшія дѣла и не давала возможности привести въ исполненіе завѣтныя мечты многихъ, такъ какъ объединиться можно было только на почвѣ планомѣрной работы, совмѣстныхъ выступленій, а для подготовки ихъ и нужны то были средства.

Въ іюлѣ 1907 г. мнѣ была поручена организація одного дѣла. Нужны были товарищи, испытанные въ партійныхъ выступленіяхъ, а ряды ихъ были очень рѣдки. Мои затрудненія были извѣстны многимъ товарищамъ, и каждый изъ нихъ приходилъ по силѣ возможности на помощь. Время приближалось, а я еще ничего подготовить не могъ. Обстоятельства того же дѣла вынудили меня покинуть на однѣ сутки Кіевъ. Вернувшись изъ поѣздки, я ни къ кому изъ своихъ товарищей не зашелъ дѣлиться результатами поѣздки, а направился въ свою квартиру. Дома мнѣ сообщили, что меня кто-то ждетъ, и я поторопился пройти въ свою комнату.

Навстрѣчу мнѣ поднялся высокій, худощавый, молодой человѣкъ, съ лицомъ, напоминающимъ аскета, въ приличномъ костюмѣ.

— „Дмитрій“.

— „Л—въ“.

Руки наши, какъ то само собой, не разнимались, и пристальные взгляды, съ едва замѣтными улыбками довольства, говорили: — „такъ это онъ“. — „Такъ это ты“...

Дмитрій зналъ меня давно, но еще ранѣе и лучше узналъ я Дмитрія. Но, какъ часто бываетъ въ нашей полной самыхъ разнообразныхъ перипетій жизни, мнѣ не пришлось ни разу встрѣтиться съ нимъ, довольно часто встрѣчаясь въ то же время съ людьми, совершенно не нужными, не интересными. Еще въ 1906 году мнѣ приходилось слышать весьма теплые, прочувствованные отзывы о немъ, какъ о человѣкѣ и работникѣ, отъ его коллегъ по университету и партійныхъ товарищей.

Неожиданная встрѣча, да еще при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ — произвела на меня особенно сильное впечатлѣніе...

„Мнѣ сказали о томъ-то и я хочу быть Вамъ полезнымъ“ — сказалъ Дмитрій безъ всякихъ вступленій.

Вкратцѣ я изложилъ ему суть дѣла и условился на счетъ шифра въ сообщеніяхъ. Меня очаровало то, что онъ не задалъ ни одного лишняго вопроса, не потребовалъ ни одной излишней подробности, и спокойно, вдумчиво выслушалъ меня и — спустя минуты двѣ-три — сказалъ:

„Я готовъ“.

Съ чувствомъ благодарности и довѣрія я пожалъ ему руку...

„Я вижу, Вы устали — ухожу“ — добавилъ онъ, и мы разстались.

Въ его лицѣ, наружности, манерахъ и тонѣ разговора ничего не было такого, что говорило бы: „анархистъ“, „эсдэкъ“, „эсэръ“, что

часто можно наблюдать въ кричащей наружности нѣкоторыхъ лицъ изъ нашихъ партійныхъ круговъ.

Спокойный, съ вдумчивымъ глубокимъ взглядомъ, свѣтлымъ, подернутымъ тѣнью печали лицомъ, онъ приковывалъ ваше вниманіе и внушалъ глубокое довѣріе.

Такія лица, встрѣтившись однажды, никогда не забываются.

Оговариваюсь... Мои впечатлѣнія могутъ быть нѣсколько сильнѣе обыкновенныхъ, такъ какъ я уже былъ предрасположенъ къ Дмитрію. Но здѣсь излагаются субъективныя чувства, а потому онѣ у мѣста.

Вскорѣ я уѣхалъ изъ Кіева. Въ назначенный день, за нѣсколько часовъ до своего возвращенія, я послалъ извѣщеніе, какъ это было нами условлено.

Каково же было мое удивленіе, когда на вокзалѣ я не встрѣтилъ ни самаго Дмитрія и никого другого, кто явился бы вмѣсто него...

Первой моей мыслью было: „Дмитрій арестованъ“...

Дѣлать было нечего,... я отправился домой.

Въ моей квартирѣ ждалъ меня — Дмитрій.

Это очень было похоже на него. Чтобы не торчать зря на вокзалѣ, когда дѣло было уже потеряно — онъ предпочелъ дождаться возвращенія въ квартирѣ.

Дмитрій объяснилъ мнѣ, что на нашу голову свалилось еще одно несчастье — арестованы во время моей отлучки два товарища съ оружіемъ.

Оба мы были подавлены.

Дмитрій сидѣлъ на диванѣ полу-развалясь,

нервно теребилъ шляпу и очень сосредоточенно думалъ... Производилъ онъ впечатлѣніе человѣка измученнаго, безпомощнаго... Казалось, насъ угнетала и живо чувствовалась одна мысль: „все потеряно“...

Въ этотъ разъ Дмитрій дольше засидѣлся, но едва ли мы обмѣнялись большимъ количествомъ словъ, чѣмъ въ первый разъ. Дмитрій освѣдомился, каково мое положеніе въ смыслѣ охранной слѣжки. Я отвѣтилъ что частыя поѣздки пока сбиваютъ ихъ съ толку.

Прощаясь, онъ сказалъ: „Будемъ вмѣстѣ работать, пока и насъ не уведутъ на покой“...

Встрѣча была послѣдней...

29 августа 1907 г. я былъ арестованъ. Въ этомъ арестѣ рѣшительно никто не виноватъ — онъ былъ случайнымъ.

Бѣжавъ изъ участка, я нашелъ дѣла на волѣ болѣе блестящими, чѣмъ онѣ были до моего ареста.

Въ Кіевъ пріѣхали новые товарищи, появилась литература. Вопросъ объ объединеніи снова выплылъ на поверхность, и на общихъ собраніяхъ, о которыхъ упоминаетъ Колосовъ *), былъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ теоретическихъ и тактическихъ вопросовъ. Всѣ энергично принялись за работу. Былъ намѣченъ цѣлый рядъ выступленій, о которыхъ я не могу распространяться.

Дмитрій принималъ во всемъ этомъ самое дѣятельное участіе, и польза отъ этого была велика, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ самыхъ старыхъ кіевскихъ работниковъ, уцѣлѣвшій послѣ разгрома.

---

*) См. далѣе: „Двѣ смерти — двѣ загадки“, стр. 91.

Само собою разумѣется, что я, какъ бѣжавшій, не могъ принимать участіе въ собраніяхъ, а, слѣдовательно, встрѣчаться съ Дмитріемъ, но сносился съ товарищами, слѣдилъ за ходомъ дѣлъ.

Все это, а также кое-что изъ намѣченнаго впереди, задержало меня въ Кіевѣ, что, быть можетъ, и ускорило мой вторичный арестъ"...

Переходя затѣмъ къ тому, что автору письма приходилось слышать о Богровѣ отъ другихъ товарищей, онъ продолжаетъ:

„...Восхищенія его стойкостью, умомъ, тактичностью и находчивостью въ опасныхъ случаяхъ было больше, чѣмъ недовольства его недостатками, свойственными всякому человѣку.

Прежде всего Дмитрія характеризовали какъ умѣлаго и смѣлаго боевика и хорошаго, приковывающаго вниманіе, организатора.

Говорилъ онъ вообще мало и говорилъ всегда дѣло.

Онъ былъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ слова не расходятся съ дѣломъ. Дѣленіе труда въ партійныхъ выступленіяхъ не было свойственно ему практически.

Глубоко и умѣло разбираясь въ теоретическихъ вопросахъ, онъ ловко владѣлъ и оружіемъ.

Ни его образованіе, ни его соціальное положеніе не выдавали его, какъ „барскаго сынка", занимающагося революціей „отъ скуки".

Въ обыденной жизни всегда простъ и обходителенъ, онъ былъ душой рабочей среды и ловко съ ними уживался, какъ съ „равными".

Правда, замкнутость его натуры требовала отъ него частенько „быть въ себѣ самомъ",

но за то минуты „вдохновенія“ — были очаровательны.

За свою недолгую жизнь ему неоднократно приходилось участвовать въ террористическихъ выступленіяхъ, гдѣ онъ не выказывалъ страха, а проявлялъ такую же глубину ума и тактики, какъ въ обычной организаторской работѣ...

„Замѣчательно то, что въ числѣ неудовольствій по адресу Дмитрія — противъ тѣхъ его чертъ характера, въ какихъ я и многіе другіе находили одно изъ лучшихъ достоинствъ человѣка вообще и революціонера въ особенности — указывалась замкнутость его натуры, свидѣтельствующая о богатствѣ внутренняго міра, и конспиративность, говорящая объ опытности и серьезномъ отношеніи къ дѣлу...“

Двѣ смерти — двѣ загадки.

*(Отрывокъ *).*

„Образъ другого сильнѣе и рѣзче запечатлѣлся въ моей памяти,—быть можетъ, оттого, что впечатлѣнія воли обыкновенно ярче и выпуклѣе позднѣйшихъ, тюремныхъ впечатлѣній **). Съ первыхъ же дней знакомства съ Дмитріемъ вы убѣждались въ томъ, что это натура сложная, богатая, но замкнутая... Дать его образъ не такъ легко, какъ образъ Мортимера. Меня побудило взяться за перо все то, что пишется о немъ теперь въ газетахъ. Въ этихъ сообщеніяхъ много неточнаго...

„Былъ ясный сентябрьскій день 1907 г. — одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ, подернутыхъ легкой дымкой тумана, дней, которыми такъ богата южная осень. Въ условленномъ мѣстѣ, въ одной изъ нишъ университетскаго корридора, въ Кіевѣ, меня ждалъ Дмитрій, — высокій худощавый, стройный молодой человѣкъ, съ лицомъ безъ растительности, если не

---

*) Изъ помѣщенной въ одномъ изъ сибирскихъ тюремныхъ журналовъ „Тюремная Мысль“ статьи Ан. Колосова „Двѣ смерти — двѣ загадки (Мортимеръ и Богровъ).

**) Авторъ зналъ Богрова „на волѣ и никогда не видѣлъ въ тюрьмѣ“. Съ Мортимеромъ онъ „познакомился въ тюрьмѣ, но никогда не зналъ его на волѣ“ — слова, взятыя въ кавычки, собственныя слова автора.

считать едва пробивавшихся усиковъ, съ умными, карими глазами, вдумчиво смотрѣвшими на окружающее сквозь стекла пенснэ въ черепаховой оправѣ. На немъ была щегольская тужурка, узкія форменныя рейтузы; свѣжій, высокій воротничекъ былъ обтянутъ форменнымъ чернымъ галстухомъ. Съ перваго взгляда его можно было принять за „бѣлоподкладочника",—академиста или „кадета"—два новыхъ типа, усиливавшихъ реакцію. Мы оба слышали другъ о другѣ, но до сихъ поръ намъ не приходилось работать вмѣстѣ.

„Съ первыхъ же словъ Дмитрій заговорилъ о состояніи дѣлъ въ Кіевѣ. Группа а.-к. съ 1906 г. не могла оправиться отъ казней, арестовъ, высылокъ, обрушившихся на нее въ такомъ изобиліи. Если имѣлись кой-какія силы, онѣ были разбросаны, не организованы. Изъ разныхъ городовъ доносились извѣстія о томъ, что подъ знаменемъ анархизма-коммунизма выступаютъ темные элементы, ничего общаго ни съ анархизмомъ, ни съ коммунизмомъ не имѣющіе. Бороться съ этимъ явленіемъ отдѣльнымъ личностямъ невозможно. По мнѣнію Дмитрія, нужно было бы объединиться въ Кіевѣ въ одну сильную группу, которая, прежде всего, отмежевалась бы отъ всѣхъ сомнительныхъ элементовъ и затѣмъ, рядомъ планомѣрныхъ выступленій, широкой агитаціонной и пропагандистской работой, заявила бы о себѣ, какъ объ организаціи людей, по праву присвоившихъ себѣ имя анархистовъ-коммунистовъ. Я только что пріѣхалъ въ Кіевъ и мнѣ отрадно было узнать отъ Дмитрія, что кружковая работа не прекращалась даже въ самыя тяжелыя для группы времена. Кружки каретниковъ, булочниковъ и др. были разгромлены, но отдѣльныя лица продолжали работу.

Мы обмѣнялись всѣмъ, что знали о состояніи работы въ Россіи вообще, въ кіевской и ближайшихъ губерніяхъ въ частности. Разговоръ перешелъ на анархистскую литературу. Взгляды Дмитрія ближе всего подходили къ „Бунтарю“ и „Буревѣстнику“. Мы обмѣнялись еще всѣми, имѣвшимися у насъ въ Кіевѣ связями и назначили время перваго собранія новой группы. Дмитрій показалъ мнѣ гектографическій листокъ вновь образовавшейся харьковской группы а.-к. и предложилъ выпустить такой же листокъ и намъ. Въ живомъ безпорядочномъ разговорѣ, въ которомъ намъ обоимъ хотѣлось излить всѣ думы и переживанія, накопившіяся за время „разгрома“, прошло 2—3 часа. Мимо насъ проносились оживленныя группы студентовъ, обсуждавшихъ университетскія дѣла (времена были для университета бурныя), открывались и захлопывались съ шумомъ двери аудиторій, гдѣ въ тотъ день состоялось нѣсколько курсовыхъ сходокъ. Въ корридорѣ становилось многолюдно и шумно. Вдругъ сквозь дымку тумана проглянуло яркое солнце и озолотило верхушки деревьевъ въ саду. Мы рѣшили пройти въ садъ. Деревья роняли уже пожелтѣвшія листья, и аллеи сада были усыпаны ими. Въ первое свиданіе я разстался съ нимъ на скамьѣ университетскаго сада, ободренный и успокоенный. Дмитрій произвелъ на меня впечатлѣніе энергичнаго, преданнаго дѣлу работника. Разговоръ почти не выходилъ изъ рамокъ тѣхъ вопросовъ, которые въ то время волновали большинство русскихъ анархистовъ. Дмитрій говорилъ живо, увлекательно, временами пересыпая свою рѣчь блестками юмора, но не покидалъ дѣлового тона и меньше всего производилъ впечатлѣніе фразера. „Съ такимъ не пропадешь“, —

радостно думалъ я. Прошелъ мѣсяцъ, два. Къ намъ прибывали люди изъ разныхъ городовъ, получалась литература и проч. Раньше чѣмъ приступить къ практической работѣ, кіевская группа организовала нѣсколько собраній, на которыхъ были обсуждены теоретическія разногласія и намѣчены общіе тактическіе принципы. Взгляды большинства группы опредѣлились сразу: группа отнеслась отрицательно къ экспропріаціямъ, совершаемымъ въ личную пользу, вынесла резолюцію по вопросу объ экономическомъ и антибуржуазномъ террорѣ и т. д. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности „по независящимъ обстоятельствамъ“ огласить всѣ резолюціи группы, въ частности, по вопросу о террорѣ, въ редактированіи которыхъ принималъ близкое участіе и Дмитрій (резолюціи эти послѣ нашего ареста хранились у него и не попали въ руки жандармеріи; по крайней мѣрѣ, намъ онѣ предъявлены не были). Онѣ изобличали бы лживость послѣднихъ газетныхъ сообщеній и, м. б., кое-какихъ выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нихъ *).

„...Совмѣстное дѣло сблизило насъ. Я часто бывалъ у Дмитрія. Въ ту зиму онъ жилъ у своего отца на барской квартирѣ, въ собственномъ домѣ, по Бибиковскому бульвару. На вопросъ: „Дома ли Дмитрій Григорьевичъ?“ — горничная проводила васъ въ его комнату. „Буржуазная“ обстановка, обиліе книгъ на полкахъ, приспособленія для гимнастики — сразу бросались въ глаза. Покончивъ съ „дѣ-

*) Общій характеръ принятыхъ рѣшеній на указываемыхъ авторомъ собраніяхъ обрисованъ самимъ Богровымъ въ его корреспонденціи, напечатанной въ „Анархистѣ“ и приводимой нами цѣликомъ на слѣдующихъ страницахъ. (Прим. А. М.).

ломъ", обсудивъ всѣ нетерпящіе отлагательства вопросы, мы переходили къ другимъ темамъ. Мы были однокурсниками, но затѣянныя нами совмѣстныя занятія по юридическимъ наукамъ не клеились — не хватало времени. Соціологія и вообще соціальныя науки больше всего интересовали Дмитрія. Онъ былъ начитанъ, и уровень его знаній былъ выше средняго уровня нашего студенчества. Часто завязывались у насъ оживленныя бесѣды по вопросамъ текущей литературы. Дмитрій былъ недурной знатокъ искусства. Къ студенческимъ дѣламъ онъ относился индифферентно и часто бранилъ меня за то, что я удѣляю часть своего времени имъ. Въ виду производившихся тогда массовыхъ арестовъ среди студенчества, онъ считалъ выступленіе на студенческихъ сходкахъ „не конспиративнымъ" для человѣка, работающаго въ группѣ. Самъ онъ былъ очень конспиративенъ; объ этомъ говорили его внѣшній образъ жизни, манера одѣваться и т. д. Помню, онъ категорически *предостерегалъ* меня и еще одного товарища отъ шага, давшаго впослѣдствіи нашимъ судьямъ прямыя улики противъ насъ. Но подъ этой внѣшностью „академиста" крылся юноша, который участвовалъ въ цѣломъ рядѣ смѣлыхъ выступленій. Дмитрія особенно занималъ вопросъ объ устройствѣ побѣга*) нѣкоторымъ

*) Въ газетахъ послѣ событія 1-го сентября 1911 г. появились сообщенія и намеки о не безъ его участія неудавшихся подготовленіяхъ къ побѣгу анархистовъ, сидѣвшихъ въ Кіевской тюрьмѣ: Юстина Жука и Эдгара Хорна. Напримѣръ, относительно Юстина Жука въ „Русскомъ Словѣ" отъ 28 или 27 сентября 1911 г. было напечатано слѣдующее:

„Такъ выяснено, что Дмитрій Богровъ принималъ видное участіе въ подготовленіи побѣга анархиста Юстина

товарищамъ изъ Лукьяновской тюрьмы. Но отсутствіе денежныхъ средствъ служило препятствіемъ для осуществленія его плановъ. И, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, я долженъ ложью, лицемѣріемъ, ломаньемъ со стороны Дмитрія считать тѣ муки, тѣ горькія сѣтованія, которыя вызывали у его энергичной натуры это вѣчное сознаніе его безсилія и невозможности помочь товарищамъ?...

„15 декабря нарядъ полиціи и чиновъ охраны произвелъ блокаду студенческой столовой. Лица, предъявившіе исправные документы, были выпущены, подозрительные задерживались и препровождались въ ближайшій участокъ. Въ газетахъ писалось: „Полиціи стало извѣстно, что студенческая столовая за послѣднее время стала пріютомъ для многихъ лицъ, бѣжавшихъ изъ Сибири и т. д.“. Я былъ тамъ, но мнѣ удалось ускользнуть отъ „бдительнаго ока“, но увы, — не надолго. Въ условленномъ мѣстѣ меня ждалъ Дмитрій. Онъ зналъ объ „осадѣ“ столовой, — и пожурилъ меня за мою неосторожность. Весь этотъ день, — послѣдній, проведенный мною на во-

---

Жука, за которымъ числилось немало крупныхъ набѣговъ и грабежей.

„Юстинъ Жукъ былъ преданъ кіевскому военному суду.

„Товарищи Ю. Жука старались всячески спасти его. Побѣгъ рѣшено было устроить ему во время суда.

„Планъ былъ таковъ.

„Жукъ во время перерыва войдетъ въ дворовую уборную. Здѣсь будетъ заранѣе положенъ узелокъ съ одеждой и особой машинкой для снятія кандаловъ. На случай, если Жука въ моментъ удаленія замѣтятъ конвойные, на улицѣ были поставлены дежурные анархисты съ бомбами. Бомбы были, впрочемъ, начинены такъ, чтобы произвести только ошеломляющій грохотъ.

„Все было готово...

„И вотъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда анархисты

лѣ, — я не разставался съ Дмитріемъ. Намъ пришлось побывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидаться кое съ кѣмъ. Въ ту ночь мы поздно бродили по опустѣвшимъ улицамъ Кіева; разговоръ нашъ поминутно мѣнялъ направленіе, — пока мы не остановились на

ждали выхода „Жука", оказалось, что охранное отдѣленіе отдало приказъ, чтобы конвойные ни подъ какимъ видомъ не водили Жука во дворъ.

„Уборную же предписано было забить досками наглухо... Анархистамъ стало ясно, что кто-то ихъ предалъ охранному отдѣленію, но кто — не знали.

„Богрова, во всякомъ случаѣ, тогда не подозрѣвали".

Намъ это сообщеніе „Русскаго Слова" представляется слишкомъ сомнительнымъ по слѣдующей причинѣ.

Во-первыхъ, авторъ статьи помѣщаемой нами въ извлеченіи, говоритъ о предположеніяхъ Богрова *конца 1907 г.*, а судъ надъ Юстиномъ Жукомъ (выданнымъ полиціи провокаторомъ-крестьяниномъ села Ковилихи, Черкасскаго уѣзда, Фомой Фоменко, (кличка Филька) состоялся *въ маѣ 1909 г.* — 17 мая 1909 г. онъ былъ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни, которая въ началѣ іюня была замѣнена вѣчной каторгой (см. «Almanach Anarchiste» № 1 — Парижъ, 1909).

Во-вторыхъ, Богровъ только въ началѣ мая 1909 года возвратился въ Кіевъ изъ Парижа и никакого участія ни въ какихъ революціонныхъ предпріятіяхъ съ этого времени не принималъ.

Относительно Эдгара Хорна напечатано тамъ же слѣдующее:

„Выяснено, что Дмитрій Богровъ принималъ очень дѣятельное участіе и въ подготовленіи побѣга анархиста Эдгара Хорна.

„Въ свое время одно дѣло Эдгара Хорна, передавшаго піанистый кали своей сосѣдкѣ по камерѣ Маріи Присяжнюкъ, осужденной на смерть, обошло всю печать.

„По этому дѣлу судъ оправдалъ Хорна.

„По мысли Богрова, Эдгаръ Хорнъ долженъ былъ совершить побѣгъ, когда его поведутъ въ военный судъ изъ тюрьмы.

„Для этого нужно было вызвать Хорна въ судъ якобы для просмотра дѣла.

„Богровъ взялся переговорить съ писарями военнаго суда и вызвать оттуда Хорна по телефону.

излюбленной, волновавшей въ то время умы русской молодежи, темѣ: „О правѣ революціонера на личное счастье“. Дмитрій высказывался за неуклонное подчиненіе личной жизни требованіямъ, выдвигаемымъ революціоннымъ идеаломъ. Типъ анархиста, нарисованный имъ, носилъ на себѣ черты аскетизма.

„Мы разстались во второмъ часу ночи...

„На допросѣ жандармскій подполковникъ сказалъ мнѣ: „15 декабря 1907 г. вы вышли изъ дома № 15, по такой то улицѣ, въ сопровожденіи еще 3-хъ лицъ. Двое изъ нихъ намъ извѣстны. Третій, былъ высокій, молодой человѣкъ, интеллигентный на видъ, не обнаруженный слѣдствіемъ. Вы, конечно, не

„На Фундуклеевской улицѣ были разставлены анархисты. Каждый долженъ былъ находиться въ условленномъ мѣстѣ.

„Охранное отдѣленіе ихъ тутъ же на улицѣ арестовало.

„Былъ арестованъ около театра Бергонье и Дмитрій Богровъ.

„Вслѣдъ за арестомъ Богрова была разгромлена вся организація анархистовъ въ Кіевѣ. Всего было арестовано 10 человѣкъ. Большая часть ихъ теперь на каторгѣ.

„О Дмитріи Богровѣ говорили, что положеніе его очень серьезно, и, вѣроятно, онъ будетъ осужденъ.

„Каково же было ихъ изумленіе, когда Дмитрій Богровъ былъ вскорѣ послѣ допроса освобожденъ...

„Среди оставшихся въ тюрьмѣ анархистовъ тогда же возникло подозрѣніе, не выдалъ ли ихъ „Митька-Буржуй“.

По поводу этого случая мы должны сказать, что очевидно и не объ немъ идетъ рѣчь въ статьѣ автора. Эдгаръ Хорнъ, онъ же Шмельте, одинъ изъ арестованныхъ почти одновременно съ самимъ авторомъ статьи, и слѣдовательно до своего ареста авторъ не могъ вести бесѣдъ съ Богровымъ объ этомъ случаѣ.

Самъ же этотъ случай намъ представляется также сомнительнымъ, какъ и первый.

Почему — мы уже объясняли это выше въ главѣ „Богровъ-„провокаторъ“. Здѣсь, въ этомъ сообщеніи очевидная смѣсь фактовъ и слуховъ, различныхъ по времени, мѣсту и обстановкѣ. (Прим. наше. А. М.).

назовете его, но если бы имя его стало извѣстно намъ, это ускорило бы слѣдствіе...“

. . . . . .

VIII.

„Когда весной 1909 г., послѣ суда, я былъ опять переведенъ изъ крѣпости въ тюрьму, о Дмитріѣ шли нехорошіе слухи. Шли толки о растратѣ партійныхъ денегъ, произведенной имъ, о провокаціи. Обвиненія исходили изъ лагеря максималистовъ, съ которыми у Дмитрія въ Воронежѣ, въ Борисоглѣбскѣ были совмѣстныя предпріятія. Но обвиненія были такъ смутны, такъ неясны, сбивчивы, что вѣрилось имъ съ трудомъ — помимо того, что въ моихъ глазахъ Дмитрій былъ выше этихъ подозрѣній. Одновременно съ Дмитріемъ, максималисты обвиняли и другихъ лицъ изъ своей среды, обвиняли Z., сидѣвшаго въ Кіевѣ; одинъ изъ обвинителей, описывая въ пространныхъ письмахъ всѣ грѣхи Дмитрія, вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращалъ съ нимъ поддерживать прежнихъ дѣловыхъ отношеній, ходили слухи, что Дмитрій предъявляетъ, въ свою очередь, тяжкія обвиненія своимъ обвинителямъ и самъ требуетъ суда *). Все это вмѣстѣ взятое, подрываетъ довѣріе къ различнымъ росказнямъ и къ обвиненію. Лѣтомъ 1908 г. Дмитрій былъ арестованъ **), но послѣ

*) Здѣсь маленькая неточность. Къ тому времени, о которомъ пишетъ авторъ, судъ уже состоялся и Богровъ былъ реабилитированъ. Уже въ январѣ 1909 года Богровъ привезъ резолюцію суда въ Парижъ и потому послѣдующее упоминаніе автора о предположенномъ парижскомъ судѣ, вѣроятно, относится къ 1908 году, а не къ 1909. (Прим. наше. А. М.).

**) Это не точно. Богровъ былъ арестованъ не лѣтомъ, а 10 сентября 1908 г., какъ мы уже упоминали раньше. (Прим. наше. А. М.).

непродолжительнаго сидѣнія въ участкѣ — освобожденъ. Противниками Дмитрія это обстоятельство истолковывалось, какъ доказательство его сношеній съ охр. отд. Я лично этому факту большого значенія не придавалъ, мнѣ (да и многимъ кіевскимъ анархистамъ) извѣстенъ случай, когда одинъ изъ близкихъ родственниковъ Богрова, будучи арестованъ съ несомнѣнными уликами „принадлежности“ къ анарх.-ком., благодаря обильнымъ связямъ его родныхъ въ „высшихъ сферахъ“ Кіева, вмѣсто каторги отдѣлался полутора годами сидѣнія въ крѣпости. Безнаказанность Дмитрія я склоненъ былъ приписывать хлопотамъ и связямъ его родныхъ; все таки я почувствовалъ значительное облегченіе, когда узналъ, что въ Парижѣ назначенъ товарищескій судъ для разбора его дѣла. Ко мнѣ обратились съ запросомъ по поводу поведенія Богрова въ группѣ, и я отвѣтилъ, что, по моему глубокому убѣжденію, честность Дмитрія выше подозрѣній. По дѣлу же Воронежскихъ максималистовъ всѣ свѣдѣнія были почерпнуты мною изъ вторыхъ рукъ, — и пересказывать ихъ я считалъ безполезнымъ *). Обвинителей было слишкомъ много... Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ — и до меня дошелъ слухъ, что Дмитрій былъ судомъ реабилитированъ. Насколько этотъ слухъ былъ вѣренъ — я не знаю. Установить съ нимъ сношенія изъ тюрьмы было тѣмъ болѣе трудно, что за послѣднее время онъ чуждался общенія съ „публикой **)“.

. . . . . .

*) Въ Парижѣ суда не было. Къ автору статьи обращался за разъясненіями и свѣдѣніями одинъ товарищъ по своей личной иниціативѣ. (Прим. наше. А. М.).

**) См. примѣч. наше (А. М.) на стр. 5.

Изъ воспоминаній товарища К. о Богровѣ.

„...Видѣть его мнѣ пришлось не болѣе трехъ разъ. Въ первый разъ увидѣлъ и познакомился я съ нимъ на массовкѣ въ Дарницкомъ лѣсу, гдѣ собралось насъ около 300 чел. Онъ пришелъ туда самымъ послѣднимъ и послѣ нѣсколькихъ холодныхъ привѣтствій съ товарищами далеко отошелъ отъ всѣхъ и производилъ впечатлѣніе невиннаго, случайнаго слушателя. Всѣ расположились маленькими и большими группами... Во время рѣчей ораторовъ группы и группки эти, по обыкновенію, шопотомъ обмѣнивались мыслями, впечатлѣніями, улыбками и, вообще, держали себя свободно, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ. Онъ же былъ одинокъ и далекъ отъ всякихъ группъ и показался мнѣ нелюдимымъ и не общительнымъ. Говорило много ораторовъ, въ томъ числѣ — А. и В. Лицо Дмитрія немного оживилось и, какъ мнѣ показалось, онъ особенно обратилъ вниманіе на рѣчь А. Во время его рѣчи, онъ неоднократно вынималъ свою записную книжку, заносилъ какія-то замѣтки, закрывалъ ее съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ снова вынуть, чертить... Послѣ того, какъ кончилъ говорить А., Дмитрій какъ-то странно улыбнулся, посмотрѣлъ на него, на В., потомъ обвелъ всѣхъ

глазами и снова принялъ свое прежнее положеніе. Рѣчи продолжались... А. смѣнили другіе ораторы, потомъ стали выступать оппоненты со стороны с.-д. и, въ концѣ концовъ, выступилъ онъ, Дмитрій. Говорилъ онъ не громко, но отчетливо, ясно, понятно, отрубая слово за словомъ. Рѣчью своею онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, котораго принуждаютъ говорить, человѣка больного, физически истощеннаго. Я не берусь объяснять это впечатлѣніе, такъ какъ мнѣ пришлось слышать его только одинъ разъ. Можетъ быть, это—его манера такъ говорить, а можетъ быть онъ говорилъ такъ потому, что въ лицѣ оппонента онъ не видѣлъ сильнаго противника, котораго и разбилъ въ пухъ и прахъ двумя-тремя словами. Кончить ему своей рѣчи не пришлось... Въ тотъ самый моментъ, когда онъ хотѣлъ перейти къ заключенію своей рѣчи, кто-то крикнулъ: „полиція!“ — и всѣ разбѣжались въ разныя стороны лѣса. На мѣстѣ массовки остались только вооруженные, которыхъ было мало — 2-3 чел. Одни утверждали, что тревога была ложная, другіе увѣряли, что видѣли полицію... Все же тогда было арестовано нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ А., какая-то дѣвица и С. Они просидѣли въ Слободскомъ участкѣ нѣсколько часовъ, а затѣмъ ихъ освободили.

„Второй разъ дѣло было у меня на квартирѣ. Въ Кіевъ пріѣхалъ D. Въ первый день своего пріѣзда онъ посѣтилъ мою квартиру и сказалъ, что ему нужно видѣть по очень важному дѣлу Дмитрія. Спросилъ меня, можно-ли устроить это свиданіе въ моей квартирѣ? Я отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ немедля послалъ за нимъ брата Е. Прождалъ онъ, не выходя изъ квартиры, цѣлый часъ. Когда пріі-

ѣхалъ Дмитрій, они бесѣдовали долго и оживленно; по всему было видно, что говорили они объ очень важномъ дѣлѣ. Когда Дмитрій уходилъ, лицо его было очень оживленно.

„Еще разъ я видѣлъ его у В., но тамъ говорить мнѣ не пришлось съ нимъ, такъ какъ онъ сейчасъ же ушелъ. Отъ В. я узналъ, что цѣлью его посѣщенія была типографія, оборудованіе которой, было возложено на меня и F.

„Вотъ все, что я лично знаю о Дмитріи Богровѣ.

„Отъ другихъ лицъ я знаю о немъ тоже мало.

„Говорили о немъ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, хорошемъ работникѣ, хорошемъ боевикѣ и талантливомъ организаторѣ и т. п.“...

Богровъ — до 25 августа 1911 г.

Начало сознательной жизни Богрова должно быть отнесено ко времени 1901—02 г.г., когда гимназистомъ пятаго класса — Богровъ воспитывался въ 1-ой кіевской гимназіи — онъ сближается съ наиболѣе развитыми товарищами, подъ вліяніемъ которыхъ вступаетъ въ организацію средне-учебныхъ заведеній, посѣщаетъ самообразовательные кружки, знакомится съ нелегальной литературой, участвуетъ въ практической дѣятельности (агитаціи, пропагандѣ, руководствѣ забастовками) Въ гимназіи же опредѣляются его политическія воззрѣнія. Онъ рѣшительно отдаетъ свои симпатіи соціалистамъ-революціонерамъ и тогда уже оказываетъ имъ разнаго рода услуги.

Подполье научаетъ его искусству конспираціи. Приходится скрывать свою дѣятельность отъ жандармовъ и родителей, которыхъ онъ очень любилъ и жалѣлъ. Родители — интеллигентные обыватели, чуждые политикѣ. И не разъ деньги, дававшіеся Богрову на завтраки и на карманные расходы, шли въ кассы организацій, о чемъ въ семьѣ никто не зналъ. Совершенно случайно родители узнали о его неблагонадежности, чему, впрочемъ, вѣры не придали. Во время поѣздки за границу у него жандармы произвели обыскъ, хотя ничего не нашли.

Въ маѣ 1905 года Дмитрій Богровъ окончилъ съ отличіемъ гимназію и осенью поступилъ въ кіевскій университетъ вполнѣ сформировавшимся соціалистомъ-революціонеромъ.

Студенческое движеніе интересовало его мало, въ университетъ онъ являлся только экзаменоваться. Во время забастовокъ собирался не одинъ разъ выступать, но лишь разъ удалось говорить: въ другое время болѣзнь и отлучка не дали ему этой возможности. На студенчество онъ смотрѣлъ только, какъ на арену для агитаціи.

Однако въ виду безпокойнаго времени, въ октябрѣ 1905 года, родители увезли его въ Мюнхенъ, гдѣ, поселившись съ братомъ, онъ отдался цѣликомъ чтенію книгъ. Здѣсь онъ съ интересомъ изучалъ и практику рабочаго движенія.

Когда начались погромы, онъ телеграфно умолялъ родителей, дать ему возможность получить отдѣльный паспортъ, такъ какъ „онъ не можетъ оставаться сложа руки за границей, когда въ Россіи избиваютъ людей". Эта возможность, однако, ему дана не была.

Въ апрѣлѣ 1906 года Богровъ отправляется въ Парижъ. Въ іюнѣ въ Висбаденъ и «Les Avants», гдѣ живетъ съ родителями, а затѣмъ въ августѣ того же года всѣ вмѣстѣ пріѣзжаютъ въ Кіевъ и съ этого времени Богровъ снова за с.-р-ской работой. Но не надолго, такъ какъ въ сентябрѣ 1906 года уѣзжаетъ опять въ Мюнхенъ, гдѣ учится съ братомъ въ университетѣ Во время этой заграничной поѣздки онъ знакомится съ анархо-синдикализмомъ и въ концѣ ноября этого же года возвращается въ Кіевъ уже поколебленнымъ въ своихъ с.р-скихъ убѣжденіяхъ. Онъ скоро переходитъ къ максималистамъ и съ начала

1907 года къ анархистамъ; анархистомъ онъ остается до самыхъ послѣднихъ своихъ дней. Осенью 1907 года, переутомившись, Богровъ серьезно заболѣлъ, но черезъ три недѣли оправился и взялся опять за работу. Дѣятельность его скоро замѣчается охранкой, и въ ноябрѣ она дѣлаетъ у него обыскъ, но ничего, обнаруживающаго причастность Богрова къ революціонной работѣ, не находитъ. Несмотря на это за нимъ началась отчаянная слѣжка; казалось вотъ вотъ его возьмутъ. Товарищи совѣтовали ему уѣзжать. И рождествомъ 1907 года онъ уѣхалъ въ Баку. Въ февралѣ 1908 года онъ вернулся въ Кіевъ и черезъ нѣкоторое время принялся вновь за работу, буквально не покладая рукъ.

Выше въ воспоминаніяхъ товарищей Богрова говорилось уже, что онъ былъ очень дѣятельнымъ, активнымъ анархистомъ. Свидѣтельствуетъ о томъ же въ „Будущемъ“, № 2, 1911 г. и редакторъ „Чернаго Знамени“, боевого органа анархистовъ-коммунистовъ. И по его словамъ, Богровъ былъ участникомъ многихъ выступленій кіевской анархистской группы.

Изъ личныхъ бесѣдъ съ Богровымъ онъ помнитъ одну, когда Богровъ развивалъ передъ нимъ желательный планъ постановки работы въ Россіи. Планъ этотъ заключался въ томъ, что Кіевъ долженъ былъ играть роль штабъ-квартиры, конспиративнымъ центромъ съ лабораторіями, съ руководящимъ коллективомъ и органомъ, откуда дѣятельность анархистовъ „черно-знаменцевъ“ должна была разлиться по всей Россіи; въ самомъ же Кіевѣ не должно было происходить никакихъ выступленій террористическаго характера.

Здѣсь мы должны подчеркнуть, что эта бесѣда относится къ сентябрю 1908 года, чтобы

ни у кого не родилось сомнѣнія въ точности содержанія бесѣды. Ибо въ 1907 году Богровъ еще не былъ ни сторонникомъ, ни иниціаторомъ излагаемаго плана. Въ 1907 году иниціаторами этого плана были другія лица, а не Богровъ. Богровъ въ 1907 году выдвигалъ во главу угла боевую работу именно въ Кіевѣ. И всѣ утвержденія газетъ, относящіяся къ этому періоду, что Богровъ совѣтовалъ воздерживаться отъ террористическихъ выступленій въ Кіевѣ, съ цѣлью якобы оградить Кулябко отъ различныхъ непріятностей и обезпечить себѣ „спокойную службу“ — ложны. Въ этихъ же газетахъ, на другой день послѣ ликвидаціи кіевской группы сообщалось, что въ числѣ первыхъ террористическихъ актовъ, задуманныхъ и подготовлявшихся членами группы, значилось и убійство начальника охр. отд. въ Кіевѣ Кулябко. „Если вспомнить — пишетъ самый видный участникъ процесса этой группы — какого рода работа выпадала на его плечи, — трудно думать, чтобы такого рода дѣятельность могла обезпечить ему „спокойную службу“. Кромѣ того, если ужъ непремѣнно нужно выискивать основанія для тенденціознаго объясненія приверженности Богрова къ тому или иному плану, то ихъ легче было бы найти какъ разъ въ планахъ 1907 г., ибо какую же цѣну имѣлъ бы Богровъ для Кулябко, если бы въ томъ районѣ, гдѣ проходитъ ихъ служба была „тишь да гладь, да Божья благодать“. На чемъ строилъ бы карьеру Кулябко и чѣмъ выслуживался бы Богровъ? Вѣдь когда Кулябко указываетъ на цѣнность своего „сотрудника“, онъ вытаскиваетъ цѣлый ворохъ выдачъ, предательствъ и ликвидацій— пусть это все „небылица въ лицахъ“, но Кулябко знаетъ, что безъ нихъ ему не повѣрятъ.

Богровъ, по словамъ Кулябко, принадлежалъ всецѣло ему, а не департаменту полиціи, только въ 1910 году онъ будто бы далъ Богрову рекомендацію къ фонъ-Коттену. Слѣдовательно, если бы дѣятельность анархическихъ организацій развивалась бы по всей Россіи, кромѣ Кіева, то вся слава Шерлоковъ перешла бы къ начальникамъ другихъ охранныхъ отдѣленій, а не къ Кулябко.

Одно изъ всей газетной болтовни ясно, что Богровъ руководствовался не газетными тенденціозными объясненіями, не соображеніями огражденія своего и Кулябко спокойствія, а исключительно соображеніями характера революціоннаго. Богровъ не служилъ въ охранѣ, онъ служилъ революціи. Въ 1907 году объективная обстановка революціонной борьбы, по мнѣнію Богрова, требовала одного плана, а въ 1908 году — другого. Планъ 1908 года, какъ это признаютъ товарищи Богрова по анархизму, диктовался самымъ ходомъ вещей. Кіевъ фактически былъ центромъ, штабъ-квартирой, куда стекались анархисты отовсюду для полученія явокъ, справокъ и пр.

Тѣмъ не менѣе плану въ его цѣломъ осуществиться не удалось.

Какова же была работа кіевской группы въ дѣйствительности, насколько Богровъ былъ въ нэй освѣдомленъ и былъ въ ней самъ участникомъ, видно изъ напечатанной имъ самимъ корреспонденціи въ № 3 газеты „Анархистъ“. И такъ какъ Богровъ признавался главарями анархистовъ однимъ изъ виднѣйшихъ и серьезнѣйшихъ работниковъ кіевской группы надо полагать, что изложенные въ этой корреспонденціи принципы, на которыхъ зиждилась кіевская работа, были приняты не безъ его вліянія.

Въ отношеніи взглядовъ кіевскихъ анархистовъ на экспропріаціи, можно смѣло сказать, что точка зрѣнія на нихъ Богрова, послѣ упорной борьбы съ мнѣніями другихъ товарищей, въ концѣ концовъ побѣдила. И такія явленія, какъ грабежъ у трамвайныхъ пассажировъ двухъ рублей 50 коп., которые тутъ же тратятся на извозчика, съ бѣшенной силой увозящаго экспропріаторовъ, болѣе не повторялась, какъ не повторялась и индивидуальная дѣлежка экспропріированныхъ денегъ.

„Въ настоящей замѣткѣ, писалъ Богровъ въ своей корреспонденціи, я намѣренъ выяснить тѣ принципы и основныя положенія, которымъ стремились слѣдовать работавшіе товарищи въ Кіевѣ, освѣтить внутренній процессъ организаціи кіевскихъ а.-к., не останавливаясь на положеніи мѣстной хроники движенія, не перечисляя временныя неуспѣхи и систематическія неудачи, которыя выпадали на нашу долю.

„Практика революціонной работы выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Среди нихъ первое мѣсто занялъ вопросъ объ отношеніи къ экспропріаціямъ. Кіевъ не представлялъ исключенія изъ другихъ южныхъ городовъ. Въ немъ также оперировали группы экспропріаторовъ, употреблявшіе деньги на наличныя нужды своихъ членовъ и прикрывавшіеся именемъ анархизма. Даже въ средѣ болѣе или менѣе идейной, изъ которой впослѣдствіи вышли энергичные работники, развился чрезвычайно духъ „компромисса“.

„Совершавшіе экспропріацію выговаривали на свои личныя нужды извѣстный процентъ съ экспропріированныхъ денегъ и т. д.

„Анархисты - Коммунисты Кіева, категори-

чески отвергли всякое содѣйствіе къ улучшенію матеріальнаго положенія товарищей, путемъ денежныхъ экспропріацій на томъ основаніи, что такая экспропріація есть ничто иное, какъ переходъ денегъ отъ одного собственника къ другому и что она не имѣетъ никакого революціоннаго значенія.

„Всѣ члены Кіевской группы заранѣе отказались отъ пользованія экспропріированными деньгами на личныя нужды, предназначая ихъ исключительно въ распоряженіе группы для продолженія и расширенія дѣятельности.

„Затѣмъ Кіевской группѣ пришлось остановиться на анализѣ тѣхъ основаній, которыя побуждали отдѣльныя группы рабочихъ, обыкновенно въ моментъ обостренія экономической борьбы, обращаться къ ней (къ группѣ) съ просьбой объ изъятіи того или иного представителя или доблестнаго защитника капитала. Разсмотрѣвъ подробно этотъ вопросъ, группа пришла къ тому выводу, что такія обращенія за „услугами“ (иногда даже ради личной мести) носятъ исключительно утилитарный характеръ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ террористическихъ выступленій слѣдовало увольненіе рабочихъ, закрытіе предпріятій и пр., та же самая масса, въ которой отзывчивые товарищи готовы были видѣть друзей анархизма, немедленно обращались въ его враговъ, что наконецъ нѣкоторые акты такого экономическаго террора не являются такими террористическими выступленіями, которые наиболѣе разрушающе дѣйствуютъ на современный строй и наиболѣе развиваютъ соціально-революціонное движеніе, — на основаніи всего этого группа рѣшила принимать участіе лишь въ такихъ актахъ экономическаго террора, которые не идутъ въ разрѣзъ съ за-

дачами анархическаго движенія и его тактическими пріемами.

„По вопросу объ отношеніи къ профессіональному движенію, группа приняла способъ воздѣйствія на него извнѣ, не входя въ его профессіональные союзы членами, на томъ основаніи, что борьба за лучшія условія продажи трудовой силы лежитъ вполнѣ въ сферѣ современнаго буржуазнаго общества, что она не является революціонно-насильственной борьбой рабочаго класса, направленной на уничтоженіе власти и капитала. Наконецъ въ вопросѣ о терроръ Кіевская группа отказалась отъ классификаціи его на „мотивный“ и „безмотивный“, считая, что всякій актъ классоваго революціоннаго протеста достаточно мотивируется всѣмъ укладомъ современной буржуазной жизни.

„Поэтому при выполненіи того или иного террористическаго акта, направляемаго противъ класса эксплоататоровъ, — представителей власти и капитала — приходится его разсматривать только лишь съ точки зрѣнія *классовой* цѣлесообразности въ *данный моментъ*.

„Въ февралѣ состоялся процессъ въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ по дѣлу о кіевской группѣ ан.-ком., были приговорены: Исаакъ Дубинскій и Наумъ Тышъ къ 15 годамъ каторги, Германъ Сандомірскій къ 8-ми годамъ каторги, Ульяна Кравецъ, Берта Скловская и Хана Будянская къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы, Эдгаръ Хорнъ (онъ же Эндель Шмельте) къ 5 годамъ 8 мѣсяцамъ каторги, Петръ Лятковскій къ 2 годамъ тюрьмы. Ксенія Терновецъ была оправдана.

„Ульяна Кравецъ, Берта Скловская и Хана Будянская сейчасъ же послѣ приговора были

освобождены, вслѣдствіи зачета предварительнаго заключенія".

Тому же редактору „Чернаго Знамени", когда онъ съ 5 го по 10 ое сентября 1908 года былъ въ Кіевѣ на нелегальномъ положеніи, самъ Богровъ передавалъ, что онъ, Богровъ, доставилъ максималистамъ изъ Борисоглѣбска транспортъ оружія и этой доставкой поднялъ ихъ боевой духъ. Богровъ предлагалъ своему собесѣднику поѣхать въ Борисоглѣбскъ „для болѣе солиднаго и теоретическаго обоснованія анархическихъ принциповъ, такъ какъ тамъ, по его словамъ, создалась благодарная почва для работы". И именно къ этому времени относился и отчетъ Богрова, собственноручно писанный имъ въ январѣ 1909 года, о деньгахъ, полученныхъ имъ отъ борисоглѣбскихъ максималистовъ за оказанныя имъ услуги*).

---

*) Отчетъ этотъ былъ напечатанъ въ „Бунтарѣ", № 4, а сопроводительное письмо въ „Б. душемъ", № 3, отъ 5 сент 1911 г. Мы приводимъ здѣсь и письмо, и отчетъ цѣликомъ:

18 янв.

Товарищи! Посылаю вамъ отчетъ въ деньгахъ, полученныхъ кіевской группой А.-К. отъ максималистовъ г. Борисоглѣбска. Деньги эти были намъ переданы вслѣдствіе нѣкоторыхъ услугъ, которыя мы оказали сид-щимъ въ кіевской тюрьмѣ максималистамъ и вслѣдствіе почти полнаго единенія на почвѣ практической работы.

Съ момента полученія этихъ денегъ въ іюлѣ 1908 г. онѣ находились въ моихъ рукахъ; такъ какъ вся техническая часть работы была централизована, то для провѣрки отчета необходимо навести справки, главнымъ образомъ, у тов., который въ настоящее время находится въ Уманской тюрьмѣ и связь съ которымъ можно получить черезъ Кіевскій Красный Крестъ. Такъ, только ему извѣстенъ расходъ на лабораторіи, по подготовленію побѣга, по взятымъ имъ по отъѣздѣ изъ Кіева деньгамъ.

Расходы по Борисоглѣбскому транспорту могутъ быть провѣрены черезъ сидящихъ въ кіевской тюрьмѣ максима-

Богровъ за этотъ періодъ — съ весны 1908 года до осени — работалъ усиленно. Переутомившись, онъ хватался за голову, жалуясь на разсѣянность, на слабую работу памяти. Товарищи убѣждали его дѣлать передышки, но тщетно. Съ видомъ загнаннаго волка онъ продолжалъ работать, со дня на день откладывая отъѣздъ „на поправку".

Въ это время и случись бѣда. Ночью, на площади передъ городскимъ театромъ его арестовали, а въ квартирѣ былъ произведенъ Кулябкой обыскъ, не давшій никакихъ результа-

---

листовъ изъ Борисоглѣбска, у „Митрія", который отвозилъ транспортъ, у Яши или Абрама (одинъ изъ нихъ присутствовалъ при передачѣ транспорта).

Отправка 2-хъ браунинговъ въ Тамбовъ, стоившая дорого вслѣдствіе экстренности (по телеграммѣ въ воскресенье) извѣстна Розѣ 2-ой, которая ихъ отвозила. Также и три поѣздки можно провѣрить черезъ тѣхъ же двухъ лицъ. Относительно денегъ, полученныхъ товарищами на жизнь, лучше всего получить справки у каждаго изъ нихъ лично, но въ виду того, что я не могу указать, гдѣ кто изъ товарищей находится, предлагаю слѣдующій способъ провѣрки. Деньги на дорогу Федѣ и Евстафію, а также 19 руб. на пріобрѣтеніе паспорта переданы имъ черезъ Розу 2-ю и с.-д. Женю. Послѣдняя же знаетъ о деньгахъ, которыя давались Федѣ, хотя точная сумма ей вѣроятно неизвѣстна.

Единственно не подлежащій провѣркѣ пунктъ отчета это „мелкіе расходы" въ суммѣ 27 руб. Дѣло въ томъ, что во время пребыванія въ Кіевѣ изъ-за конспиративныхъ условій нельзя было вести записи расходовъ. Благодаря этому въ отчетѣ не фигурируютъ расходы менѣе 1—2 руб. Припомнить ихъ я не въ состояніи и поэтому создалъ рубрику мелкихъ расходовъ, раздѣливъ ее приблизительно пополамъ между обѣими частями отчета.

Вы, конечно, сами понимаете, товарищи, что отчетъ этотъ въ томъ видѣ, какъ я его Вамъ посылаю, является ключемъ къ открытію всей кіевской работы и всѣхъ лицъ, находившихся съ нами въ сношеніяхъ, ибо большинство изъ нихъ извѣстно подъ кличками отчета и въ охр. отд. Поэтому о напечатаніи его не можетъ быть и рѣчи. Огра-

товъ. Это было въ ночь на 10 сентября 1908 года (замѣчательная игра судьбы: катастрофа 1911 года произошла въ томъ же мѣсяцѣ, въ томъ же часу и въ томъ же мѣстѣ). Въ участкѣ онъ просидѣлъ около трехъ недѣль и въ концѣ сентября былъ освобожденъ послѣ усиленныхъ хлопотъ отца передъ высшей администраціей.

Отецъ и самъ не подозрѣвалъ, что дѣло обстояло серьезнѣе, чѣмъ ему представлялось. Вначалѣ, когда отецъ просилъ объясненій причинъ ареста сына у бывшаго кіевскаго ви-

---

ничьтесь замѣткой, что отъ одного изъ кіевскихъ товарищей полученъ подробный отчетъ въ 2080 руб., израсходованныхъ съ іюля до октября 1908 года. Р. пишетъ мнѣ, что нашъ 4 № вскорѣ выйдетъ; если слѣдующій номеръ „Буревѣстника“ выйдетъ раньше, чѣмъ нашъ, то пошлите въ „Буревѣстникъ“ для напечатанія замѣтки, что полученъ отчетъ. Это для меня и для всѣхъ кіевлянъ очень важно.

Не откладывайте въ долгій ящикъ провѣркй моего отчета, ибо она потомъ осложнится.

Съ товар. привѣтомъ, раньше Дмитрій, теперь *Григорій*.

Отчетъ кіевской группы въ полученныхъ въ іюлѣ 1908 г. отъ борисоглѣбскихъ максималистовъ деньгахъ.

Услуги максималистамъ:

11 браун. въ Борисоглѣбскъ — 330 р.; 850 патр. — 76 р. 50 к.; 100 патр. Нагана — 12 р.; 11 обойм. — 11 р.; 2 браунинга въ Тамбовъ — 70 р; 100 патр. — 10 р.; 2 обоймы — 2 р.; Транспортъ — 10 р.; Т-ф-ю, передъ отъѣздомъ — 100 руб.; Ему же въ Кіевѣ — 6 р.; Передачи въ тюрьму — 110 р.; Поѣздка въ Борисоглѣбскъ и Тамбовъ — 95 р.; Сношенія съ тюрьмой — 28 р.; Мелкіе расходы (телеграммы, почта, извозчики) — 12 р.; Ціан. калій въ Б—къ — 1 р.; Я. за квартиру М—я — 5 р.; Подготовленіе побѣга — 145 р.; — Всего 1023 р. 50 к.

Расходы Кіевской группы А.-К.:

Лабораторія — 235 р.; 4 браунинга 107 р. 50 к.; Патроны, 100 шт. — 9 р.; 3 обоймы — 3 р.; Мимеографъ (поѣздка въ Васильковъ) — 10 р.; Паспорта — 18 р.; Книги — 4 р.; Аптечный складъ — 5 р.; Долги (за лѣто) — 45 р.; Квартиры (за августъ и сентябрь) — 35 р.; Для

це-губернатора Чихачева, послѣдній, ссылаясь на отзывъ охраннаго отд. о Богровѣ, сообщилъ ему, что Дмитрій считается важнымъ преступникомъ. Но затѣмъ, когда отецъ обратился непосредственно въ охр. отд., ему заявили, что въ рукахъ охраны нѣтъ никакихъ уликъ противъ его сына кромѣ агентурныхъ свѣдѣній, и что Дмитрій будетъ вскорѣ освобожденъ.

Богровъ боялся какого-то своего письма, написаннаго его почеркомъ, но страхи его не оправдались: письма этого въ рукахъ охранки не оказалось, и она могла только заявить губернатору на его новый запросъ, что относительно Богрова она располагаетъ однѣми только агентурными свѣдѣніями.

Однако, послѣ своего освобожденія, Богровъ все время боялся показываться на людныхъ мѣстахъ, въ особенности на вокзалахъ. Его безпокоила мысль, не держитъ ли его охранка „для разводки“ и у него не было увѣренности, что его не возьмутъ снова. Онъ замѣтилъ, что слѣжка за его домомъ продолжается.

Вскорѣ положеніе Богрова еще болѣе осложнилось. Освобожденіе его вызываетъ противъ

С. Ш. — 10 р.; Пр—вой — 27 р.; Участокъ — 18 р.; С. (бѣж. изъ ссылки) — 11 р.; Якову (изъ Р.) на дорогу — 8 р.; Ф—ѣ, съ іюля до половины сент. — 35 р.; Е—ій (авг. до серед. сент.) 20 р.; Р—а, съ іюля до серед. сент. — 25 р.; Отъѣздъ Ф. — 20 р.; Пріѣздъ Ев—ія — 10 р.; Его отъѣздъ — 20 р.; Р—ль — 4 р.; Р. пер. въ участокъ — 5 р.; В—ѣ — 5 р.; Аб—у — 3 р.; Аб—у въ участокъ 5 р.; З—у — 3 р.; Н—ѣ — 3 р.; Н—ю серед. іюля до конц. сент. — 35 р.; Н—ю при отъѣздѣ — 206 р.; Ему же въ тюрьму въ У. — 30 р.; І. Кіевскому — 7 р. 50 к.; Надзирателю — 13 р.; Въ долгъ А—ру и В—ѣ — 15 р.; Мелочи (съ іюля до серед. сент.) — 15 р.; Передача въ тюрьму Е—ка — 2 р. — Итого 1057 р. Всего по 2 группамъ — 2080 р. 50 к.

него со стороны нѣкоторыхъ товарищей, находившихся въ тюрьмѣ, усиленныя подозрѣнія въ... провокаторствѣ. Богрова это страшно тяготитъ. При одномъ свиданіи съ редакторомъ „Чернаго Знамени“, онъ жалуется ему на молву о прикосновенности его къ охранѣ. И хотя, по правиламъ конспираціи, освобожденный долженъ скорѣе удирать изъ мѣста, гдѣ былъ арестованъ, Богровъ откладываетъ свой отъѣздъ до того времени, пока товарищи не снимутъ съ него подозрѣнія, которыя и разсѣиваются послѣ взаимныхъ объясненій. Въ тюрьмѣ состоялся товарищескій судъ, совершенно оправдавшій Богрова отъ всякихъ подозрѣній и признавшій слухи о немъ вздорными. Резолюція суда была передана Богрову.

Вскорѣ, въ октябрѣ того же года Богровъ уѣхалъ за границу по паспорту, полученному помимо охраннаго отдѣленія, съ разрѣшенія вице-губернатора Чихачева. Богровъ напраправился сперва въ Меранъ, съ матерью, для поправленія здоровья, къ этому времени разстроившемуся окончательно, а затѣмъ поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ готовился къ университетскимъ экзаменамъ и на ряду съ этимъ не забывалъ революціоннаго дѣла. Послѣднее заставляло его жить по-долгу въ Львовѣ, о чемъ родители ничего не знаютъ. Послѣдняя его поѣздка въ Львовъ датируется съ 4-го по 20-ое декабря 1909 года. Два раза онъ наѣзжалъ и въ Россію.

Въ январѣ 1909 г. Богровъ изъ Лейпцига уѣзжаетъ въ Парижъ и проводитъ здѣсь остатокъ зимы. Цѣлью его поѣздки сюда является отчасти желаніе окончательной ликвидаціи взведенныхъ на него въ Кіевѣ подозрѣній. Онъ привезъ съ собой резолюцію суда съ намѣреніемъ напечать ее въ одномъ изъ анар-

хисткихъ органовъ. Однако послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ съ видными анархистскими работниками и редакторомъ „Анархиста", бывшими въ то время въ Парижѣ, рѣшено было эту резолюцію не печатать, такъ какъ по ихъ мнѣнію, это была бы не ликвидація, а раздуваніе въ сущности ничтожнаго дѣла. Товарищи убѣдили Богрова, что о его дѣлѣ знаетъ только десятокъ лицъ и тѣ считаютъ его дѣло настолько пустяшнымъ, что не придаютъ ему ровно никакого значенія, а если бы онъ настоялъ на напечатаніи резолюціи, то о дѣлѣ узнали бы всѣ и тогда, какъ бы исторія не была ликвидирована, какой нибудь скверный осадокъ все-таки остался бы, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. На этомъ и было покончено.

Въ Парижѣ, Богровъ, кромѣ разговоровъ по своему дѣлу, имѣлъ очень частыя бесѣды съ товарищами и на другія темы. Въ разговорѣ съ редакторомъ одной изъ анархистскихъ газетъ, онъ, между прочимъ, затронулъ вопросъ и о террорѣ. И тогда онъ признавалъ необходимость центральнаго террора, и на замѣчаніе редактора, что какъ бы къ террору не относиться, у анархистовъ нѣтъ для центральныхъ актовъ подходящихъ людей (Богрова онъ считалъ подходящимъ, но другихъ такихъ почти никого не зналъ), Богровъ отвѣтилъ, что все-таки убить Николая или Столыпина нужно.

Весной того же года — въ началѣ мая — Богровъ возвращается въ Кіевъ и продолжаетъ готовиться къ экзаменамъ. Съ товарищами боится встрѣчаться, такъ какъ въ то время свирѣпствуетъ неимовѣрная провокація и провалы. Онъ узнаетъ, что среди кіевскихъ бывшихъ его товарищей страшная деморализація,

ни на кого нельзя положиться, группы разгромлены и ихъ пришлось бы снова собирать.

Съ этого времени онъ уходитъ отъ партійной дѣятельности и живетъ обывательской жизнью обыкновеннаго молодого человѣка его положенія. Онъ не чурается и чуждыхъ ему сферъ, наоборотъ, интересуется людьми и жизнью, стоящими слишкомъ далеко и отъ его настоящаго и отъ его идейныхъ взглядовъ. Вотъ почему Богрова можно было встрѣтить въ часы досуга и въ такихъ зачумленныхъ для каждаго порядочнаго человѣка мѣстахъ, какъ союзническіе клубы: „Коммерческій", „Охотничій", „Домовладѣльческій".

Здѣсь онъ встрѣчалъ, быть можетъ, и тѣхъ, кого одурачилъ 1-го сентября, и тѣхъ, кто взялъ на память по куску веревки въ ночь на 12 сентября. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныхъ мѣстахъ онъ не проявлялъ ни своихъ симпатій, ни убѣжденій: онъ шелъ наблюдать и развлекаться. Но вся эта безсодержательная жизнь и своего и посторонняго круга не могла его, само собою разумѣется, удовлетворять, и когда первый интересъ къ ней пропалъ, онъ уже сталъ тяготиться ею.

24 іюня, въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, онъ, между прочимъ, говоритъ объ этой полосѣ его жизни. „Я не понимаю, какъ я такъ долго могъ жить въ чуждой мнѣ сферѣ. Въ этомъ отношеніи мое несчастье именно въ томъ, что я слишкомъ приспособляюсь ко всякой обстановкѣ. Это хорошо и удобно, когда есть своя особенная, отдѣльная для всѣхъ закрытая жизнь, но это развращаетъ тогда, когда живешь безъ жизни".

Въ сентябрѣ Богровъ держитъ предварительные экзамены и готовится къ окончательнымъ. Жизнь для него въ Кіевѣ становится

все тяжелѣе и тяжелѣе, осложняясь личными непріятностями.

„Я не могу тебѣ описать — пишетъ онъ своему другу 5 октября — всѣхъ непріятностей, которыя меня доводили одно время до бѣшенства: да и вообще, что за охота жить со связанными руками, для меня это не жизнь. Правда, уѣхать изъ Кіева я могъ бы еще мѣсяцъ тому назадъ и даже за границу, но во-первыхъ, это было бы сопряжено съ отложеніемъ экзаменовъ на май 1910 года и слѣдовательно разрывъ съ Кіевомъ опять отложится...“ Затѣмъ Богровъ пишетъ о второй причинѣ невозможности уѣхать изъ Кіева, о которой мы упоминали уже раньше (нежеланіе лишать содержанія ни одного изъ пенсіонеровъ отца). Поэтому, пишетъ онъ далѣе, „я отказался отъ мысли о поѣздкѣ. Теперь для меня, слѣдовательно, осталось одно — кончить во что бы то ни стало въ декабрѣ и этимъ развязать себѣ руки...“

О планахъ Богрова на будущее (какъ далеки они были отъ тѣхъ, которые потрясли 1 сентября 1911 года всю Россію!) онъ говоритъ тому же лицу въ письмѣ отъ 8 декабря.

„... Ты спрашиваешь, что слышно у меня, что я думаю дѣлать по окончаніи и т. п. Теперь я болѣе или менѣе увѣренъ, что благополучно пройду экзамены и къ концу февраля буду свободнымъ гражданиномъ, имѣющимъ повсемѣстное право жительства. Вопросъ куда приткнуться. Вопросъ конечно не изъ легко разрѣшимыхъ. Очевидно, что легче всего устроиться гдѣ-нибудь въ глуши, но не въ какомъ-нибудь болотѣ Евр. Россіи, а въ столицѣ Сибири... Но затрудненія возникаютъ въ слѣдующемъ отношеніи. Разъ ѣдешь въ такую чертову даль, то надо тамъ и самостоятельно

стать на ноги; между тѣмъ университетъ выпускаетъ меня безъ всякихъ практическихъ свѣдѣній и я первое время буду довольно безполезнымъ членомъ адвокатскаго сословія. Интересно пріѣхать туда уже готовымъ юристомъ. Возможно, что я на будущій годъ именно съ этой цѣлью поѣду въ Москву, тамъ у меня есть юридическіе родственники, а уже потомъ устремлюсь на Востокъ. Вотъ какъ вырисовывается моя біографія...“

Въ февралѣ 1910 года Богровъ кончаетъ университетъ, а въ апрѣлѣ этого же года, покончивъ съ воинской повинностью, отъ которой онъ по близорукости былъ освобожденъ, и приписавшись 3 апрѣля къ присяжному повѣренному Крупнову помощникомъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ, такъ какъ здѣсь знакомый его отца черезъ послѣдняго предлагаетъ Богрову мѣсто въ обществѣ для борьбы съ фальсификаціей пищевыхъ продуктовъ. Кромѣ того, въ Петербургѣ положеніе адвоката-еврея благопріятнѣе, нежели въ Кіевѣ или даже въ Москвѣ.

Здѣсь онъ превращается въ трудящагося чиновника. Прекрасно владѣя французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ языками, онъ, помимо обязанностей службы, занимается переводомъ иностраннаго законодательства на русскій языкъ (трудъ, который былъ имъ представленъ факультету и за который онъ былъ награжденъ кандидатскимъ дипломомъ первой степени). Но главное его занятіе не переводы и не служба, а просиживаніе часами въ судѣ. Вотъ письмо, какъ разъ трактующее о его занятіяхъ въ Петербургѣ и о будущихъ перспективахъ.

„Разстался я съ Кіевомъ, пишетъ онъ, безъ всякаго сожалѣнія, немедленно послѣ оконча-

нія экзаменовъ и освобожденія отъ воинской повинности. Теперь наконецъ у меня развязаны руки, хотя долженъ сознаться онѣ довольно нелѣпо болтаются по обѣ стороны моего организма. Думаю заниматься уголовными дѣлами. Попечительное правительство все равно не дастъ свидѣтельства на право веденія гражданскихъ дѣлъ. Интересъ у меня именно къ криминалистической дѣятельности громадный. Въ послѣднее время я ежедневно по нѣсколько часовъ высиживаю въ судѣ въ качествѣ слушателя. Но хотя и были возможности, не рѣшался еще выступать въ отвѣтственной роли защитника..."

Къ службѣ своей Богровъ относился иронически, не считая ни ее, ни самое общество, въ которомъ онъ служилъ, серьезными. Но все таки это былъ заработокъ и, кромѣ того, служба давала ему возможность имѣть дѣло съ высшими представителями „сильныхъ міра сего", а это его интересовало какъ возможность встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Передъ Богровымъ проходили, какъ въ калейдоскопѣ, графы Бобринскіе, Коковцевы, Столыпины, не подозрѣвавшіе, что молодой изящный секретарь ихъ бюрократическаго комитета — ихъ злѣйшій и убѣжденнѣйшій врагъ.

Помимо названныхъ занятій, въ стремленіи своемъ какъ можно скорѣе прочно встать на собственныя ноги, къ серединѣ періода его петербургскаго пребыванія онъ сталъ строить и различные коммерческіе проекты.

„... Довольно прочно я засѣлъ въ Петербургѣ — пишетъ онъ объ этомъ времени. — Работаю очень много. Влѣзъ въ милліоны самыхъ разнообразныхъ комбинацій, которыя пока очень слабо питаютъ меня, но когда-нибудь это будетъ „что нибудь въ особенно-

сти". Имѣю въ день только 2-3 часа, когда мнѣ никто не дуритъ голову, и я совершенно одинокъ, это часы моего адвокатскаго пріема..."

Вообще же на досугахъ Богровъ проводилъ время въ игрѣ въ карты, посѣщалъ театры, скачки и увеселительныя мѣста и т. п., любилъ проводить время и въ обществѣ женщинъ. Впрочемъ никто изъ его петербургскихъ друзей не можетъ удостовѣрить, чтобы его развлеченія походили на разгулъ, ни даже на широкое кутежничество. Правда, бывало временами онъ увлекался карточной игрой и проигрывался настолько, что ему приходилось иногда прибѣгать къ кредитнымъ комбинаціямъ. Но вообще получаемаго на службѣ содержанія и присылаемыхъ родителями 75 р. въ мѣсяцъ ему совершенно достаточно было на свою личную жизнь.

Всѣмъ, кто интересовался причиной его отреченія отъ политики, онъ давалъ отвѣты, что его это перестало интересовать. Правда, случайно ему пришлось разъ-другой оказать кому-то какую-то услугу въ области политики, но значеніе всего этого ничтожно.

Петербургская жизнь, однако, скоро утомляетъ его, и безъ того хрупкаго человѣка, склоннаго къ туберкулезу. По совѣту своего брата Владиміра и по настоянію родителей онъ возвращается 22 ноября въ Кіевъ, проживъ въ Петербургѣ около восьми мѣсяцевъ, съ маленькимъ перерывомъ въ іюнѣ, когда онъ на двѣ недѣли отлучился въ Москву.

„Петербургъ порядочно подкузьмилъ мое здоровье — пишетъ онъ 1 декабря изъ Кіева. Почему не знаю. А такъ какъ какія-нибудь боли въ спинѣ или разстройство желудка прежде всего отражаются на психикѣ, то я сталъ от-

чаяннымъ неврастенникомъ. Слава Богу, впрочемъ, что у меня остался еще цѣлый запасъ фразъ, которыя можно сказать въ томъ или другомъ случаѣ жизни, и потому моя репутація „веселаго малаго“, „хохмача“ еще не окончательно подорвана. Въ общемъ же все мнѣ порядочно надоѣло и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дѣло...“

Все его пребываніе въ Кіевѣ проходитъ подъ тяжестью этого угнетеннаго настроенія, которое чѣмъ дальше, тѣмъ больше томитъ его.

„Нѣтъ никакого интереса къ жизни. Ничего, кромѣ безконечнаго ряда котлетъ, которыя мнѣ предстоитъ скушать въ жизни. И то, если моя практика это позволитъ. Тоскливо, скучно, а главное одиноко...“, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 13 декабря.

22 декабря онъ бросаетъ Кіевъ и отправляется за границу. Проводитъ всю зиму въ Ниццѣ, куда пріѣзжаютъ и родители; очень много читаетъ, работаетъ и учится; въ свободное время играетъ въ карты и пр., посѣщаетъ Монте-Карло. Его настроеніе немного разсѣивается.

Но вотъ однажды онъ проигрываетъ очень крупную для него сумму въ 4000 фр. Этотъ проигрышъ не только сильно подрываетъ его матеріальное положеніе, но и угнетаетъ и заставляетъ снова и снова оглянуться вокругъ себя и заняться болѣе глубокимъ анализомъ своей жизни. Какъ онъ ни любилъ жизнь, но онъ все таки чувствовалъ въ ней послѣ оставленія анархистской работы, такой пробѣлъ, который онъ ничѣмъ заполнить не могъ и который теперь остро напомнилъ о себѣ, связавшись съ общимъ вопросомъ о смыслѣ жизни. Но никому о своихъ внутреннихъ пе-

реживаніяхъ, о своемъ самочувствіи, онъ не говоритъ и внѣшне не показываетъ ничѣмъ, что въ немъ происходитъ борьба. Онъ только вскользь замѣчаетъ, встрѣчавшему его въ Ниццѣ товарищу, что его тяготитъ обстановка здѣшней жизни, что онъ съ удовольствіемъ бы ее оставилъ, если бы ему не надо было ее поддерживать, главнымъ образомъ, изъ-за положенія родителей.

Въ такомъ подавленномъ состояніи онъ возвращается съ родителями въ февралѣ 1911 г. въ Кіевъ. Родители настояли на томъ, чтобы онъ и оставался въ Кіевѣ. Здѣсь онъ ведетъ такой же образъ жизни, какъ и въ Ниццѣ, но, кромѣ всего, занимается еще кропотливымъ адвокатскимъ трудомъ; повидимому, очень тяготится своимъ безправіемъ, однако, креститься не хочетъ „принципіально", по его же словамъ. Угнетенное состояніе этимъ усиливается, но главное, что терзаетъ его душу — это все та же неудовлетворенность жизнью.

22 іюня 1911 г. Богровъ уѣзжаетъ съ родителями на дачу подъ Кременчугъ, въ „Потоки" (6—8 час. отъ Кіева), гдѣ проводитъ время до 5 августа, когда вмѣстѣ съ родителями же возвращается въ Кіевъ.

Дачный воздухъ не успокоилъ Богрова. Онъ также угнетенъ, также недоволенъ своимъ положеніемъ. Вакханалія торжественныхъ приготовленій, происходившихъ въ Кіевѣ передъ пріѣздомъ „высокихъ" гостей, которая могла возмутить не только живущаго постояннымъ внутреннимъ протестомъ противъ давящей индивидуальность и индивидуальные интересы государственной организаціи и противъ принесенія въ жертву всѣхъ и вся представителямъ государственнаго насилія — его заклятымъ врагамъ, но и всякаго честнаго человѣ-

ка, на глазахъ котораго разыгрывается отвратительная картина стараній кіевской опричнины, — эта вакханалія раздуваетъ въ Богровѣ тлѣющую ненависть, къ которой онъ послѣдніе два года старался не прислушиваться.

Два года Богровъ былъ не у тѣхъ любимыхъ и казавшихся ему единственно важными дѣлъ. Два года онъ старался уйти отъ „смысла своей жизни“, старался по горло быть занятымъ и заинтересоваться чѣмъ-нибудь другимъ. Но сердце его было постоянно далеко отъ внѣшней жизни, и мысль постоянно и упорно возвращалась къ прежнему.

И вотъ теперь, когда кулябкинскій кабинетъ „слова и дѣла“ работаетъ во всю, когда его агенты шныряютъ вездѣ и хватаютъ за шиворотъ кого попало и прячутъ въ застѣнокъ; высылаютъ всѣхъ, кто только по наружности покажется подозрительнымъ, — однимъ словомъ, когда терроризуется цѣлый цвѣтущій городъ только для того, чтобы дать возможность „высокимъ“ гостямъ совершить увеселительную, тріумфальную поѣздку, когда на этомъ черно-бѣломъ террорѣ мразь охраннаго отдѣленія строитъ свое благополучіе и достигаетъ тѣхъ ступеней, когда и для встрѣчи ихъ особъ будутъ совершаться тѣ же гнусности— Богровъ загорается вновь и у него рождается желаніе испортить врагамъ ихъ праздникъ, испытать тотъ мигъ побѣды, который въ жизни человѣка долженъ быть хотя бы одинъ разъ, посмѣяться крупнымъ мефистофельскимъ смѣхомъ. Не злостью — ненавистью поднималась душа Богрова и жила ею, въ то время какъ мысль разрѣшала другіе вопросы, всегда связанные съ террористическимъ актомъ.

Внутреннія переживанія, внутренняя жизнь

шла своимъ чередомъ, а наружно Богровъ оставался все тѣмъ же выдержаннымъ, владѣющимъ собою свѣтскимъ человѣкомъ. Никто не замѣчалъ, чтобы онъ вновь заинтересовался прежними интересами, хотя въ бесѣдахъ съ прежними друзьями онъ не одинъ разъ заявлялъ, что вѣритъ теперь въ выполнимость однихъ только индивидуальныхъ актовъ. Но никто не могъ подозрѣвать, что въ умѣ Богрова зрѣетъ *сейчасъ* какой-нибудь чрезвычайный планъ. Никому даже изъ ближайшихъ родныхъ онъ не даетъ ни малѣйшаго повода къ безпокойству.

12 августа родители его уѣзжаютъ за границу и только материнское сердце учуяло въ сынѣ что то смутно-безпокойное, неопредѣленно-гнетущее.

— Митя, такъ ничего не случится? Могу я ѣхать спокойно?

— Да что это тебѣ, мама, все кажется. Конечно можешь.

Родители уѣхали. 17 августа уѣхалъ въ Петербургъ и старшій братъ Богрова, Владиміръ.

18 августа отецъ получилъ отъ Дмитрія длинное дѣловое письмо, детали котораго могли только укрѣпить его въ увѣренности, что дома все благополучно.

„Дорогой папа, — пишетъ Богровъ. — Вчера домъ опустѣлъ. Уѣхали Володя и Вѣра. Впрочемъ за послѣдніе дни я такъ забѣгался, что почти ихъ не видалъ. У меня есть комбинація, по поводу которой я хотѣлъ тебѣ даже телеграфировать, но потомъ предпочелъ написать. Дѣло въ слѣдующемъ. Черезъ близко знакомаго газетнаго сотрудника М. я познакомился съ нѣкоторыми инженерами Гор. Думы. Одинъ изъ нихъ берется устроить большой заказъ на водомѣры на 12.500 руб., но при этомъ, конечно, требуетъ куртажъ въ размѣрѣ 400 рублей.

При этихъ условіяхъ на долю мою и моего компаньона остается по 900 рублей заработка. Какъ на зло Ш. нѣтъ

въ Кіевѣ. Риска въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакого, но требуется деньги передать въ третьи руки. Право выбора лица предоставлено мнѣ съ согласія, конечно, инженера. Я предлагаю сдѣлать слѣдующее: 400 р. передать NN. (кромѣ того, что онъ вообще безусловно порядочный человѣкъ, онъ держитъ деньги на текущемъ счету. N и такимъ образомъ безъ него получить ихъ не можетъ). М. выдаетъ мнѣ росписку, по которой обязуется черезъ 6 недѣль вернуть деньги мнѣ, или же, если въ теченіе этихъ 6 недѣль заказъ будетъ сдѣланъ городомъ по опредѣленнымъ въ прейскурантѣ цѣнамъ, выдать ихъ инженеру. Если заказъ будетъ сдѣланъ на меньшую сумму, то куртажъ уменьшается пропорціонально. Денегъ я не хочу передавать Л., ибо нужно избѣгать огласки. Я надѣюсь, что ты, папа, согласишься на это и повѣришь моей опытности. По этому дѣлу отвѣть телеграфно.

Непріятный сюрпризъ произошелъ на слѣдующій день послѣ твоего отъѣзда — принесли повѣстку по дѣлу П. Засѣданіе назначено на 19 сентября. Я повѣстки пока не принялъ, а отправился въ судъ, но, увы, отложить дѣло никакъ нельзя. Думаю, что лучше всего будетъ написать П. о присылкѣ другой довѣренности, или же, если считать это удобнымъ, напиши К. можетъ быть онъ согласится довѣрить твою подпись на передовѣріе.

Дома все въ порядкѣ. Р. внесъ деньги въ Общ. Вз. Кред., извинялся за опозданіе и выражалъ полную готовность внести за слѣдующій срокъ на мѣсяцъ раньше. Ф. тоже перебрались. Страшно нудятъ со всякой мелочью. Успокой маму насчетъ билетовъ. Отъ дѣдушки было письмо и переводъ т. Машѣ 300 р.

Новостей больше никакихъ.

Цѣлую крѣпко. Митя.

P. S. Цѣлая исторія изъ за ванны у Р. М-мъ Р. настаиваетъ на бѣлой эмалированной ваннѣ. О поставленной же слышать не хочетъ, боясь заразы, такъ какъ ванна отъ П. Идіотка страшная. Можно ли ей предложить поставить свободную мѣдную ванну?

На самомъ же дѣлѣ Богровъ работалъ надъ своимъ замысломъ и къ 25 августа послѣдній уже созрѣлъ.

Приближался моментъ его реализаціи.

Съ 25 августа до убійства Столыпина.

25 августа Богровъ зашелъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ и просилъ оказать ему помощь въ предстоящемъ завтра побѣгѣ. Откуда, по какому случаю, онъ не объяснилъ. Дома у себя онъ уничтожилъ все, что могло бы какъ нибудь и кому нибудь повредить. Однимъ словомъ, дѣлалъ какіе-то особыя приготовленія, но на вопросы близкихъ отвѣчалъ, что ему предстоитъ какое-то сложное дѣло, и онъ теперь занятъ его подготовкой.

26 августа Богровъ пришелъ къ тѣмъ же знакомымъ и, написавъ три письма: одно — родителямъ, два другія — въ газеты, просилъ ихъ передать по назначенію. Затѣмъ, подготовивъ все на случай неудачи замышляемаго и захвативъ съ собой браунингъ съ цѣлью убить Кулябко, если бы тотъ сразу не повѣрилъ ему и отнесся недовѣрчиво къ его разсказу, явился въ кіевское охранное отдѣленіе. Здѣсь, не заставъ Кулябко, онъ сообщилъ завѣдующему наружнымъ наблюденіемъ Самсону Демидюку, что во время торжествъ готовится террористическій актъ, организаторами котораго являются революціонеры Лазаревъ и извѣстный ему только по имени „Николай Яковлевичъ“.

Придавая этому заявленію Богрова серьезное значеніе, Демидюкъ доложилъ Кулябко о

разсказѣ Богрова. Кулябко по телефону попросилъ Богрова къ себѣ. Въ этотъ же день къ Кулябко были приглашены на обѣдъ ст. сов. Веригинъ, полк. Пискуновъ и Сенько-Поповскій. Во время обѣда, приблизительно въ 5 часовъ дня, Богровъ пришелъ къ Кулябко, который вышелъ въ кабинетъ, и, выслушавъ отъ него вкратцѣ заявленіе относительно вышеописанныхъ плановъ террористовъ, предложилъ Богрову изложить планы письменно, пока онъ Кулябко закончитъ обѣдъ.

Считая сообщенія Богрова исключительно важными, Кулябко призналъ необходимымъ участіе начальства въ разработкѣ поступившихъ данныхъ и рѣшилъ привлечь Веригина и Спиридовича къ обсужденію доклада Богрова. Вернувшись въ столовую, онъ пригласилъ ихъ послѣ обѣда выслушать, какъ онъ выразился, „интереснаго субъекта“. Кулябко предупредилъ Веригина и Спиридовича, что явившійся „сотрудникъ“ работалъ у него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, давалъ всегда точныя свѣдѣнія и помогъ раскрыть цѣлый рядъ организацій и анархистскихъ предпріятій.

Когда Спиридовичъ и Веригинъ вошли въ кабинетъ, Кулябко познакомилъ ихъ съ Богровымъ, который вручилъ Кулябкѣ записку, содержаніе которой сводилось къ слѣдующему:

„Весною 1910 года въ Петербургъ пріѣхала одна женщина съ письмами отъ центральнаго комитета Партіи соціалистовъ революціонеровъ для присяжнаго повѣреннаго Кальмановича, бывшаго эмигранта Егора Лазарева и члена Государственной Думы Булата. Въ передачѣ этихъ писемъ принялъ участіе и Богровъ, установивъ, такимъ образомъ, связь съ Лазаревымъ, при чемъ обо всемъ этомъ освѣдомилъ начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія фонъ-Коттена. Вскорѣ съ Богровымъ познакомился яви-

вшійся отъ имени Лазарева неизвѣстный, назвавшійся „Николаемъ Яковлевичемъ“. Узнавъ изъ происходившей затѣмъ между ними переписки, что противоправительственные взгляды Богрова, высказанные при первомъ ихъ свиданіи, не измѣнились, „Николай Яковлевичъ“ неожиданно въ концѣ іюля пріѣхалъ къ Богрову въ дачную мѣстность „Потоки“, близъ Кременчуга, и вступилъ съ ними въ переговоры о томъ, можно ли имѣть въ Кіевѣ квартиру для трехъ человѣкъ. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, „Николай Яковлевичъ“ разспросилъ о способахъ сообщенія съ Кіевомъ и одобрилъ предложенный Богровымъ планъ пріѣзда на моторной лодкѣ; въ тотъ же день „Николай Яковлевичъ“ выбылъ обратно въ Кременчугъ и обѣщалъ въ скоромъ времени „дать о себѣ знать“.

Передавъ означенную записку подполковнику Кулябко, Богровъ пояснилъ, что, прочтя въ газетахъ, будто революціонеры намѣреваются возобновить террористическія дѣйствія противъ статсъ-секретаря Столыпина при поддержкѣ финляндцевъ, и узнавъ по слухамъ, что въ тотъ же день, 26 августа, въ кіевскомъ охранномъ отдѣленіи застрѣлился какой-то арестованный, онъ, Богровъ, счелъ долгомъ сообщить изложенныя въ его запискѣ данныя охранному отдѣленію, въ предположеніи, не имѣютъ ли таковыя связи съ газетными указаніями и упомянутымъ самоубійствомъ. Раньше онъ не приходилъ къ Кулябко, потому что не хотѣлъ являться къ нему съ „пустыми руками“ до полученія извѣстій отъ „Николая Яковлевича“.

Веригинъ и Спиридовичъ заинтересовались запиской и словами Богрова и засыпали его разспросами. Богровъ велъ себя весьма непринужденно и сталъ добавлять указанное новыми свѣдѣніями. Такъ онъ заявилъ, что, по объясненію „Николая Яковлевича“, боевая группа намѣревается произвести террористическій актъ въ концѣ кіевскихъ торжествъ,

когда охрана должна ослабѣть. Затѣмъ Богровъ заявилъ, что революціонеры имѣютъ связи среди чиновъ департамента полиціи, петербургскаго охраннаго отдѣленія и столичной полиціи. Онъ сообщилъ, что въ переговорахъ съ „Николай Яковлевичемъ“, въ „Потокахъ“, онъ предупредилъ его о нежеланіи своемъ быть пѣшкой въ рукахъ террористовъ, согласившись оказать имъ содѣйствіе только при условіи освѣдомленности о всѣхъ ихъ планахъ. „Николай Яковлевичъ“ обѣщалъ пріѣхать въ Кіевъ и посвятить его въ дѣло.

Затѣмъ Богровъ обратился къ Кулябко за совѣтомъ относительно дальнѣйшаго его образа дѣйствія.

Въ виду этого началось обсужденіе заявленія Богрова, причемъ полковникъ Спиридовичъ возсталъ противъ использованія моторной лодки, прибытіе которой трудно усмотрѣть, и настаивалъ, чтобы революціонеры направились къ Кіеву черезъ одну изъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій, гдѣ ихъ легко можно будетъ взять въ наблюденіе, какъ это уже было осуществлено имъ, Спиридовичемъ, при задержаніи извѣстнаго террориста Гершуни. Относительно квартиры Богровъ пояснилъ, что онъ уже предупредилъ „Николая Яковлевича“ о возможности помѣстить заговорщиковъ въ квартирѣ одной знакомой, находившейся въ то время за границей. Онъ могъ бы предложить имъ и свою собственную квартиру, но на это едва-ли согласится его отецъ.

Какъ Кулябко, такъ и Спиридовичъ и Веригинъ отнеслись къ разсказу Богрова съ полнымъ довѣріемъ, несмотря на то, что Богровъ отказался подписать свою записку. Кулябко тогда же, показывая лежавшіе на его

письменномъ столѣ билеты въ мѣста высочайшихъ посѣщеній, предложилъ Богрову получить ихъ, но Богровъ отвѣтилъ отказомъ, очевидно не желая возбуждать какихъ-либо подозрѣній немедленнымъ согласіемъ.

Послѣ совѣщанія рѣшено было поручить Богрову дальнѣйшее наблюденіе и командировать въ его распоряженіе старшаго сыщика Демидюка.

Богровъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ успѣхомъ; пришелъ домой въ радужномъ настроеніи и объявилъ домашнимъ, что ему выдался удивительный день. Сейчасъ ему улыбнулось такое дѣло, что если оно и дальше пойдетъ также хорошо, то въ результатѣ онъ осчастливитъ весь міръ, всѣмъ будетъ хорошо.

Конечно, домашнимъ и въ голову не могъ придти даже какой-нибудь намекъ на истинно совершавшееся.

Изъ дома Богровъ опять направился къ своимъ знакомымъ и попросилъ всѣ заготовленныя имъ письма обратно, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что онъ устроился иначе и эти письма больше не нужны. Два письма — въ газеты — были уже отправлены по назначенію и ихъ пришлось вытребовать обратно. Къ счастью онѣ оказались не распечатанными. Письма Богровъ тутъ же разорвалъ.

Не взирая на „крайнюю важность“ доставленныхъ Богровымъ свѣдѣній, Веригинъ, Спиридовичъ и Кулябко не рѣшились доложить о нихъ немедленно генералу Курлову, ввиду его болѣзни, и условились сдѣлать это на слѣдующій день. 27 августа былъ сдѣланъ подробный докладъ Курлову. Подполковникъ Кулябко аттестовалъ Богрова, какъ человѣка, заслужившаго полнѣйшее довѣріе и оказавшаго

услуги розыску; однако, тутъ же замѣтилъ, что Богровъ уже полтора года въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ не состоялъ. Съ своей стороны, генералъ Курловъ выразилъ удовольствіе, что агентура обнаружила замыслы террористической группы; полковникъ же Спиридовичъ остановилъ вниманіе генерала Курлова на томъ, что этотъ успѣхъ надлежитъ отнести не только къ счастью, но и къ наличности такого хорошаго сотрудника, какъ Богровъ. Курловъ пришелъ въ восторгъ отъ рисовавшихся ему перспективъ захватить террористовъ передъ самымъ совершеніемъ задуманнаго ими покушенія.

Эта увлекательная мысль такъ захватила всѣхъ лицъ, посвященныхъ въ разсказъ Богрова, что ни у кого изъ нихъ не возникало даже малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности сообщеннаго Богровымъ, и весь разсказъ послѣдняго принимался на вѣру, безъ критики и анализа, хотя при первомъ же внимательномъ разсмотрѣніи разсказа можно было обнаружить въ немъ такіе дефекты, что достовѣрность всего сообщенія должна была бы волей-неволей подорваться.

Несомнѣнно, на психологію Кулябко подѣйствовало не мало разныхъ обстоятельствъ.

Какъ на самомъ дѣлѣ не повѣрить въ точность информацій человѣка, прошлая революціонная дѣятельность котораго, навѣрное извѣстная Кулябко, обезпечивала эту точность въ глазахъ послѣдняго.

Какъ не повѣрить человѣку, котораго притворная искренность, притворная перемѣна убѣжденій, притворная безпомощность — такъ подкупаетъ.

Какъ не повѣрить человѣку, который былъ въ высшей степени уменъ и умѣлъ распола-

гать къ себѣ, умѣлъ захватывать своими бесѣдами, разговорами и поведеніемъ.

Какъ не повѣрить человѣку, общественное и соціальное положеніе котораго, какъ и родителей его и родственниковъ, независимость этого положенія, матеріальная обезпеченность, отнюдь не толкаютъ въ объятья такого непопулярнаго учрежденія, какъ охрана.

Какъ не повѣрить человѣку, *добровольно* пришедшему въ это учрежденіе и не съ готовымъ планомъ, а со своими сомнѣніями искать совѣта.

Какъ, наконецъ, не повѣрить человѣку, который комбинируетъ свой разсказъ изъ правдоподобныхъ именъ и фактовъ.

Вѣдь что послужило канвой для мистификаціи охранниковъ?

Прежде всего пріѣздъ дамы въ Петербургъ съ письмомъ. Такой фактъ на самомъ дѣлѣ былъ, и письмо дѣйствительно предназначалось для передачи не мифическому, но реальному лицу, носившему революціонную кличку „Николай Яковлевичъ“. Письмо должно было быть передано черезъ одно изъ упомянутыхъ въ разсказѣ лицъ: Кальмановича, Лазарева или Булата. Лазарева въ Петербургѣ не было, Булата тоже, а Кальмановичъ исполнить это порученіе наотрѣзъ отказался. Отказался онъ и тогда, когда эта дама обратилась за содѣйствіемъ къ Богрову и послѣдній лично просилъ о томъ же Кальмановича. Въ концѣ концовъ Богровъ самъ устроилъ передачу письма „Николаю Яковлевичу“.

Богровъ выхватилъ имена и факты, какіе лѣзли ему въ голову. Само собою разумѣется, „Николая Яковлевича“ въ 1911 году и въ поминѣ не было. Быть можетъ, этотъ „Николай Яковлевичъ“ уже десятую кличку перемѣнилъ

съ весны 1910 года. Само собою разумѣется, у реальнаго „Николая Яковлевича“ и въ мысляхъ не было никакихъ террористическихъ побужденій. Тѣмъ болѣе у Лазарева, который въ разсказѣ Богрова значился вторымъ организаторомъ покушенія. И если бы въ головахъ охранниковъ не блеснули радостныя надежды на повышенія, если бы Богровъ не билъ ихъ такъ сильно психологическимъ обухомъ по головѣ и они относились бы болѣе спокойно къ богровскому повѣствованію, они могли бы сейчасъ же замѣтить, что Лазаревъ совершенно неподходящая фигура для террористическихъ замысловъ.

Съ другой стороны, при надлежащемъ вниманіи къ разсказу Богрова, не могло не возникнуть вопроса, почему же Богровъ,—котораго Кулябко 26 августа 1911 года *впервые* представлялъ Веригину и Спиридовичу, а 27 августа, на слѣдующій день, и Курлову, какъ своего давнишняго сотрудника, съ которымъ у него сохранились хорошія отношенія,—получивъ еще въ концѣ іюля совершенно опредѣленныя указанія на готовившійся террористическій актъ и будучи непосредственно связанъ съ участниками заговора, не счелъ нужнымъ заявить немедленно подполковнику Кулябко, а сдѣлалъ это лишь подъ вліяніемъ какихъ то неясныхъ намековъ въ прессѣ и самоубійства Муравьева въ охранномъ отдѣленіи. Ссылка Богрова на то, что онъ не хотѣлъ приходить къ Кулябко съ „пустыми руками“ — дѣтская ссылка, если признать фактъ „сотрудничества“ Богрова съ охраной. „Сотруднику“ полагается докладывать по начальству о всякихъ свѣдѣніяхъ, какъ бы незначительны они не были — его за это не осудятъ, бояться недовѣрія ему нечего. И почему съ „пустыми ру-

ками" къ петербургскому охранному отдѣленію придти можно, а по мѣсту службы своей — въ кіевское охранное отдѣленіе — не стоитъ?

Совсѣмъ другое дѣло, если разсказы Кулябко о „цѣнныхъ услугахъ розыску", оказанныхъ Богровымъ — басня, хвастовство передъ начальствомъ въ чаяніи будущихъ благъ.

Тогда Богрову необходимо придти съ „кучей" свѣдѣній, чтобы сомнѣній въ его искренности не являлось, чтобы не рискнуть „провалиться" во вражьемъ станѣ, гдѣ предпріятіе можетъ удасться только тогда, когда онъ заставитъ „фактами" себѣ повѣрить. И наиболѣе правдоподобнымъ для Богрова казалось перепутать реальное съ мифическимъ такимъ образомъ, чтобы, не вредя реальному, все, въ общемъ ансамблѣ, импонировало охранникамъ. Богровъ выбралъ реальныя имена Кальмановича и Лазарева именно потому, что для его цѣлей они казались ему наиболѣе подходящими и вліятельными на психологію Кулябко. Адвокатура почти вся, за исключеніемъ „ультра-правой", взята администраціей подъ подозрѣніе, и видная фигура Кальмановича, понятно тоже была на счету, и по Кіеву небезызвѣстна Кулябкѣ. Но Богрову, имѣвшему возможность бывать у Кальмановича и въ качествѣ родственника, и въ качествѣ молодого пом. прис. повѣр., желавшаго заниматься у него въ стажѣ, видно было, что отъ упоминанія имъ его имени, Кальмановичъ пострадать не можетъ, а между тѣмъ какъ обстановка онъ для него подходящъ. Также и Лазаревъ, который также извѣстенъ Кулябко, какъ и Кальмановичъ, и даже больше, такъ какъ помимо знакомства съ исторіей освободительнаго движенія для Кулябки, вѣроятно, не безполезно прошло и

пребываніе его, за два года передъ 1 имъ сентября 1911 года въ одной съ Лазаревымъ дачной мѣстности за границей; физіономія Лазарева говоритъ Кулябкѣ конечно больше, чѣмъ Кальмановича. Лазаревъ для Кулябки, какъ и для самаго департамента полиціи, опредѣленный человѣкъ, хотя при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу и Кулябко пришелъ бы къ заключенію, что для террористическихъ актовъ Лазаревъ все-таки не фигура. Богровъ упомянулъ именно Лазарева, а не кого другого, вѣроятно по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, ему, можетъ быть, приходилось съ Лазаревымъ встрѣчаться у Кальмановича и эти два имени, по ассоціаціи, всегда у него связывались; во вторыхъ, онъ зналъ, что Лазаревъ за предѣлами досягаемости и взять на недѣлю-полторы его имя напрокатъ ему казалось позволительнымъ, ибо онъ безусловно надѣялся на полное разъясненіе 1-го сентября 1911 г.; въ-третьихъ, можетъ быть ему было извѣстно, что про Лазарева Кулябко больше знаетъ, чѣмъ про кого другого; въ-четвертыхъ, быть можетъ въ головѣ Богрова родились въ пользу Лазарева тѣ соображенія, что послѣдній не очень задолго до 1 сентября былъ административно высланъ изъ Петербурга, сперва въ Сибирь, а потомъ съ этапа былъ препровожденъ за границу срокомъ на 4 года и, такимъ образомъ, упоминая имя Лазарева, Богровъ какъ бы косвенно утверждалъ власти въ основательности ихъ подозрѣній по отношенію къ Лазареву, какъ лицу, „опасному для общественнаго и политическаго спокойствія“; можетъ быть были и другія причины.

Что подобное мелкое оказательство услугъ революціонерамъ, какъ передача писемъ и т. п., дѣлается со стороны даже безобиднаго обыва-

теля, а не только опозиціонно настроеннаго, въ большинствѣ случаевъ и не знающаго, что имѣетъ дѣло съ революціонерами, для охраны это не секретъ, и потому Богровъ сразу же упоминаніемъ Кальмановича и Лазарева и таинственнаго „Николая Яковлевича“ уловилъ необходимую ему психологическую кнопку.

Онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ.

Кулябко психологически сразу расположился довѣріемъ къ нему и къ его разсказу; но жадный до наградъ и повышеній, въ предвкушеніи будущей блестящей карьеры, онъ не хотѣлъ случайно успѣть, ему нужно было выказать свои потенціальныя способности къ отыскиванію цѣнныхъ агентовъ и отсюда представленіе Богрова Веригину, Спиридовичу и Курлову, до тѣхъ поръ не знавшимъ ни самаго Богрова, ни его „сотрудничества“, какъ оказавшаго важныя услуги дѣлу кіевскаго сыска и раньше*). Кулябко повѣрилъ самъ въ Богрова и явной ложью *не въ присутствіи* Богрова заставилъ повѣрить въ него и другихъ.

Начальство вполнѣ довѣрилось Кулябко и даже не остановилось на томъ обстоятельствѣ, что Богровъ уже, по словамъ Кулябко, около полутора лѣтъ внѣ сношеній съ охраннымъ отд. и могъ рѣшительно измѣнить свой образъ мыслей и отношеніе къ интересамъ розыска, и не потрудилось и этого обстоятельства поставить рядомъ съ вопросомъ о нѣкоторой запоздалости заявленія Богрова.

Весь разсказъ могъ подорваться и простой провѣркой замѣчанія Богрова, что о „фактахъ“,

---

*) Въ заключительномъ словѣ докладчика по дѣлу Курлова и К⁰., въ засѣданіи 1-го деп. Гос. Сов., упоминалось, что Спиридовичъ зналъ объ оказанныхъ Богровымъ услугахъ охранѣ, *со словъ Кулябко.*

имѣвшихъ мѣсто весной 1910 года, онъ будто бы заявилъ начальнику спб. охр. отд. фонъ-Коттену. Въ этой части Богровъ сдѣлалъ несомнѣнную неосторожность. Но такихъ неосторожностей во всемъ дѣлѣ, по признанію самаго Богрова, было достаточно чтобы провалиться въ глазахъ внимательнаго человѣка. Однако, смѣлость города беретъ. Разсчитывая все на психологическій эффектъ, Богровъ разсчиталъ, очевидно, что если довѣріе ему не будетъ оказано, то дѣло его должно съ самаго начала потерпѣть фіаско. А если будетъ и охрана расположится къ нему, то все можно будетъ гладко объяснить я замазать.

О провѣркѣ записки никто не подумалъ. Мы сомнѣваемся, чтобы петербургское охр. отд. когда-нибудь видѣло Богрова. Мы увѣрены, что никакой переписки между „Ник. Як." и Богровымъ не велось. Надо быть дѣйствительно съ отбитыми мозгами и совершенно слѣпымъ, чтобы забыть, что у россійскихъ гражданъ нѣтъ возможности пріобрѣтать прочную увѣренность въ тѣхъ или иныхъ противоправительственныхъ взглядахъ того или иного обывателя, путемъ переписки; что никто изъ россійскихъ гражданъ, а тѣмъ болѣе революціонеръ и конспиративный работникъ не рискнетъ откровенно повѣрить свое политическое credo бумагѣ, а того, кто сдѣлаетъ это, назовутъ дуракомъ и дѣла съ нимъ имѣть не будутъ. Смѣшно становится только подумать, что такихъ „орловъ" охраны, какъ Курловъ, Спиридовичъ, Кулябко, Веригинъ, можно было провести на такой очевидной наивности, какъ то, что этотъ злополучный „Николай Яковлевичъ" — надо бы думать по серьезности затѣвавшагося предпріятія опытный революціонеръ — могъ, познакомившись

съ политическими взглядами Богрова, главнымъ образомъ, черезъ письма, сразу же, съ мѣста въ карьеръ, предложить такое дѣло, какъ участіе въ террористическомъ актѣ.

Но смѣшно или не смѣшно, а Богрову повѣрили. Подкупленные его умѣлымъ поведеніемъ, увлеченные перспективой блестящаго успѣха, они не провѣряли Богрова ни мыслью, ни дѣломъ. Они не думали о пресѣченіи и предупрежденіи преступленія, они не печалились вѣстями Богрова. Восторгъ, радость и удовольствіе сіяли на ихъ лицахъ. Слишкомъ заманчивъ былъ будущій тріумфъ: пусть преступленіе назрѣваетъ; чѣмъ ближе оно будетъ къ концу, тѣмъ эффектнѣе и выгоднѣе ликвидація.

На совѣщаніи у ген. Курлова былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Проектъ о предоставленіи террористамъ квартиры жены одного изъ бывшихъ служащихъ охраннаго отдѣленія былъ отвергнутъ Курловымъ. Было рѣшено командировать жандармскаго ротмистра Муева съ отрядомъ филеровъ для негласнаго розыска въ Кременчугъ и запросить начальника пет. охр. отд. о лицахъ, упоминаемыхъ въ заявленіи Богрова. За самымъ Богровымъ наблюденія не устанавливалось. Богровъ убѣдился въ этомъ самъ, очень тщательно наблюдая за собою. Очевидно, охрана не хотѣла наблюденіемъ провалить Богрова въ глазахъ революціонеровъ. Впрочемъ, это объясненіе охранниковъ, вѣрнѣе же, довѣріе къ этому *добровольно явившемуся человѣку*, было настолько велико, что надобности въ наблюденіи не представлялось.

Въ тотъ же день, вечеромъ, ротмистръ Муевъ получилъ приказаніе отправиться въ Кременчугъ для наблюденія за появленіемъ „Ни-

колая Яковлевича" въ городѣ и въ дачной мѣстности „Потоки". Примѣты „Ник. Яковл." были описаны Муеву въ столь общихъ выраженіяхъ, что по прибытіи въ Кременчугъ онъ былъ вынужденъ по телеграфу просить о сообщеніи ему дополнительныхъ свѣдѣній. Кулябко оставилъ эту депешу безъ отвѣта. Точно также телеграммы Кулябко, адресованныя начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія, были составлены наспѣхъ. Въ нихъ были помѣщены только краткіе запросы о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискѣ Богрова, и отъ имени Курлова поручалось учредить за ними наблюденіе. При этомъ не указывался ни источникъ полученія этихъ агентурныхъ свѣдѣній, ни то, что рѣчь идетъ о серьезнѣйшемъ террористическомъ актѣ.

Фактъ довольно характерный въ дѣятельности охранныхъ отдѣленій. Каждое изъ нихъ мнитъ себя отдѣльнымъ государствомъ и старается по возможности обходиться безъ взаимодѣйствія, чтобы славу успѣховъ не раздѣлять. Богровъ заявляетъ Кулябко и К°, что обо всемъ, что было 1910 году, онъ сообщилъ тотчасъ же начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія и надо бы полагать, что это послѣднее, исполняя свои обязанности, первымъ долгомъ наблюдаетъ за упомянутыми въ богровской запискѣ лицами. Но кіевскіе охранники не только не провѣряютъ это заявленіе, но совершенно его игнорируютъ и посылаютъ телеграмму съ порученіемъ учредить наблюденіе, какъ будто они являлись единственными обладателями сообщенной имъ тайны. Чего бы кажется проще, запросить фонъ-Коттена, былъ ли у него Богровъ въ апрѣлѣ 1910 года съ докладомъ или нѣтъ. Вѣдь, по словамъ Кулябко, у Богрова было рекоменда-

тельное письмо къ фонъ-Коттену и, стало быть, можно бы предположить, что Кулябко, разставаясь съ Богровымъ и передавая его фонъ-Коттену, не склоненъ былъ присваивать Богрова исключительно себѣ. А если, по словамъ записки Богрова, послѣдній даже и былъ у фонъ-Коттена и былъ принятъ въ сотрудники петербургскаго охраннаго отдѣленія, то чего бы дѣйствительно проще упомянутаго запроса?

И еще вопросъ.

Почему бы, кажется, для вящаго увѣренія Курлова, Спиридовича и Веригина, не упомянуть Кулябко съ самаго начала, какъ только Богровъ вышелъ на сцену, что Богровъ не только его давнишній сотрудникъ, но что онъ его рекомендовалъ и фонъ-Коттену?

Почему бы?

Да потому, что фонъ-Коттенъ *встрѣчается первый разъ* только въ запискѣ Богрова, которую онъ передалъ Кулябко *въ присутствіи* Спиридовича и Веригина, а рекомендація имъ Богрова Кулябкой происходила *въ отсутствіе Богрова.* Потому, что басня о рекомендательномъ письмѣ и о принятіи фонъ-Коттеномъ Богрова въ „сотрудники", очевидно, явилась потомъ, спеціально для ревизіи Трусевича.

Я позволю себѣ утверждать, что показанія фонъ-Коттена, данныя сенатору Трусевичу о томъ, что онъ догадался, что заключавшіяся въ депешахъ данныя, исходятъ отъ Богрова, такъ какъ послѣдній докладывалъ ему о тѣхъ же обстоятельствахъ лѣтомъ 1910 г., — являются показаніями для выручки своего несчастнаго собрата, которому непростительна была бы такая грубая оплошность.

Помимо всего, даты — весна, въ запискѣ Богрова, и лѣто, въ показаніяхъ фонъ-Котте-

на — не совпадаютъ. А также показанія фонъ-Коттена подрываются еще тѣмъ, что, указывая на фактъ посѣщенія его Богровымъ въ іюнѣ 1910 года съ предложеніемъ охранныхъ услугъ и на фактъ принятія Богрова въ сотрудники, фонъ-Коттенъ признается, что Богровъ все-таки услугъ не оказываетъ, а черезъ мѣсяцъ уѣзжаетъ за границу и порываетъ съ петербургской охраной всякія связи, тогда какъ, во-первыхъ, по словамъ докладной записки Богрова, послѣдній будто бы освѣдомилъ тотчасъ же фонъ-Коттена о Кальмановичѣ, Лазаревѣ, „Николаѣ Яковлевичѣ“ и пр. и, значитъ, оказалъ услугу, а, во-вторыхъ, никуда, въ дѣйствительности, кромѣ двухнедѣльной отлучки въ Москву въ іюлѣ же мѣсяцѣ 1910 г., Богровъ, за его петербургскій періодъ жизни, съ апрѣля 1910 г. по 22 ноября того же года, не уѣзжалъ.

Фонъ-Коттенъ, какъ и самъ Кулябко, могли бы лучше всей ихъ болтовни, въ доказательство службы Богрова въ охранѣ, доставить ревизіи рекомендательное письмо Кулябко, которое онъ будто бы выдалъ Богрову для столичнаго охраннаго отдѣленія.

Но, конечно, письма этого не было и нѣтъ, а заготовить его спеціально для ревизіи они, очевидно, не догадались.

И еще странное обстоятельство. Если допустить басню Богрова о своевременномъ заявленіи имъ фонъ-Коттену о фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ лѣто или весну 1910 г., безразлично, то какимъ образомъ петербургское охранное отдѣленіе, съ которымъ Богровъ больше не имѣетъ сношеній, оставило и его самого въ покоѣ, да и о сообщенномъ дѣлѣ забываетъ на цѣлый годъ съ лишнимъ. А самъ Богровъ, этотъ важный „сотрудникъ“,

оказавшій „цѣнныя услуги“ охранѣ, сообщивъ, забылъ обо всемъ и до 26 августа 1911 г., не подавалъ о себѣ никакихъ признаковъ жизни. Только самоубійство Муравьева, да октябристско-націоналистическія выдумки о союзѣ с.-р. съ финляндскими террористами разбудили его, и онъ скорѣе побѣжалъ къ Кулябко.

Далѣе, зачѣмъ бы Богрову, не обыкновенному шпіону, а оказавшему важныя услуги охранѣ, сообщать только нѣсколько фамилій, и безъ того извѣстныхъ охранѣ лицъ и самую обыденную исторію передачи письма, а затѣмъ, не интересуясь дальнѣйшимъ, отойти въ сторону. Если Богровъ при личныхъ объясненіяхъ съ Кулябко оправдывался въ запозданіи съ заявленіемъ объ извѣстныхъ ему фактахъ тѣмъ, что считалъ, что сумма ихъ въ іюлѣ 1911 г. равнялась „пустымъ рукамъ“, то тѣмъ болѣе руки были пусты въ апрѣлѣ 1910 г., когда не было ни газетныхъ басенъ, ни самоубійства Муравьева. Это противорѣчіе еще болѣе убѣждаетъ въ ложности замѣчанія Богрова въ докладной запискѣ, что о фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ апрѣлѣ 1910 г., онъ заявилъ фонъ-Коттену. Если же допустить, что и тогда у Богрова были какія-нибудь важныя соображенія въ пользу заявленія фонъ-Коттену о самыхъ мелкихъ и обыденныхъ вещахъ, то мы должны предположить, что это важное, эти серьезныя соображенія были предположенія о готовящемся террористическомъ актѣ. Но эти наши предположенія—нелѣпость, ибо это не могъ быть актъ, подготовляемый для кіевскихъ торжествъ, такъ какъ въ апрѣлѣ 1910 г. не было еще и мысли о самихъ кіевскихъ торжествахъ, это не могъ быть и никакой другой актъ, такъ какъ о такихъ вещахъ никакая охрана, будь она самая разглу-

пая, не забудетъ не только на годъ, но и на одинъ день, и сотрудника, принесшаго объ этомъ извѣстія, не оставитъ въ покоѣ.

Въ отвѣтъ на телеграмму Кулябки въ петербургское охранное отдѣленіе фонъ-Коттенъ отправилъ по телеграфу, а частью почтой, свѣдѣнія справочнаго характера, въ которыхъ не упомянулъ ничего о Богровѣ, и не высказалъ своего мнѣнія о немъ, такъ какъ объяснялъ Коттенъ Трусевичу—считалъ, что Кулябко съ нимъ, Коттеномъ, „конспирируетъ".

Любопытно здѣсь отмѣтить слѣдующее: каковы бы ни были свѣдѣнія справочнаго характера, отправленныя фонъ-Коттеномъ, послѣдній не могъ не сообщить того факта, что по отношенію къ Лазареву наблюденія поставлено быть не можетъ, ибо къ этому времени Лазарева въ Петербургѣ не было, а находился онъ въ Швейцаріи. Не могло не быть извѣстнымъ фонъ-Коттену, что Лазаревъ, будучи арестованъ съ 1 на 2 декабря 1910 г., просидѣлъ въ тюрьмѣ до февраля 1911 г., а затѣмъ былъ сосланъ на 4 года въ Сибирь и, пробывъ 5 недѣль на этапѣ, былъ возвращенъ съ него для высылки за границу на тотъ же сибирскій срокъ. Если всѣхъ этихъ свѣдѣній фонъ-Коттенъ не сообщилъ Кулябко, не сообщилъ также, что и Лазарева въ Петербургѣ нѣтъ, то, стало быть, и фонъ-Коттенъ „конспирировалъ" отъ Кулябко и К°, обиженный лаконичностью телеграммы! Если же все это было сообщено Кулябко и К°, то послѣднему, какъ знавшему постоянное мѣстопребываніе Лазарева за границей, стоило только въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ обратиться къ заграничной охранной агентурѣ, установить тамъ за Лазаревымъ наблюденіе, какъ мифъ отъ организаціи Лазаревымъ покушенія

разсѣялся бы, яко дымъ, ибо Лазаревъ послѣ высылки его за границу не отлучался изъ Швейцаріи никуда.

Всѣ нелѣпости натаскиваются одна на другую только съ очевидной цѣлью доказать давнишнюю цѣнную службу Богрова и тѣмъ, во-первыхъ, оправдаться въ довѣріи, которое было оказано Богрову, во-вторыхъ, оправдаться отъ обвиненія, предъявленнаго извѣстными вліятельными кругами къ Курлову и К°, въ соучастіи въ преступленіи Богрова.

29 августа Богровъ пишетъ отцу письмо, которое, какъ и прежнее, ничѣмъ не выдаетъ его и не даетъ ни одного намека, что въ жизни сына совершается что-то особенное.

„Кіевъ, понедѣльникъ.

Дорогой папа!

Пишу это письмо въ разгаръ торжествъ. Такъ какъ они совпали съ тремя днями праздниковъ, то дѣловая жизнь совершенно замерла. Богдановъ *) пріѣхалъ позавчера, но къ нему нельзя пробраться, ибо у меня нѣтъ билета на торжества, а квартира его у Софійскаго собора. Билеты застраховалъ. Отъ Якубовскаго деньги получилъ. Единственная возня съ Л. Полъ сдѣланъ нехорошо, протекаетъ, и ему его приходится передѣлывать. Билеты уже застрахованы по 7 р. 50 к.

Цѣлую. Митя.

Да и вообще за всѣ эти дни для всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ онъ остается прежнимъ Богровымъ, не измѣняетъ обычнаго образа жизни. Также въ опредѣленные часы ежедневно работаетъ у своего патрона, адвоката Гольденвейзера, также хлопочетъ около какихъ-то коммерческихъ дѣлъ, также въ часы досуга играетъ въ карты и пр. Только потомъ, уже послѣ 1 сентября, встрѣчавшіеся

*) Кіевскій присяжный повѣренный. Примѣчаніе наше. А. М.

съ Богровымъ въ эти дни стали припоминать, что онъ былъ не совсѣмъ обычно взволнованъ, такъ сказать. въ приподнятомъ настроеніи, но тогда это никого не удивляло, ибо вообще Богровъ былъ всегда веселъ, шутилъ, смѣялся.

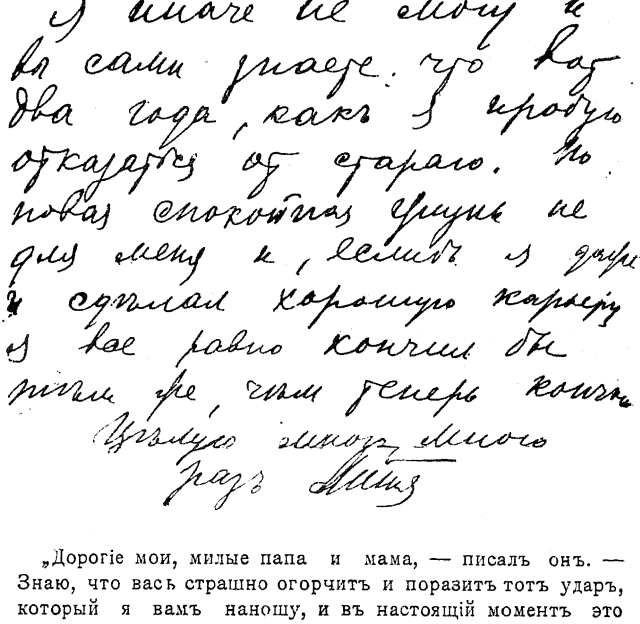
До 31 августа Богровъ никакихъ новыхъ извѣстій въ охрану не давалъ, и никто изъ охраны не обращался къ нему за новостями. Охрана была увѣрена, что, если бы были факты, заслуживающіе вниманія, Богровъ немедленно сообщилъ бы ихъ. Всѣ полагаются на Богрова, что онъ предупредитъ, когда нужно, деликатничаютъ съ нимъ не въ примѣръ прочимъ „сотрудникамъ“, не требуютъ отъ него докладовъ, не устанавливаютъ даже правильныхъ сношеній, какъ это было бы въ случаѣ, если бы Богровъ былъ въ служебныхъ отношеніяхъ къ Кулябко, но ждутъ терпѣливо... вѣдь Богровъ пришелъ *добровольно*.

31 августа Богровъ по телефону сообщилъ Кулябко, что „Ник. Яковлевичъ“ пріѣхалъ въ Кіевъ. Затѣмъ Богровъ обратился къ Кулябко съ просьбой дать ему билетъ на празднество, устраиваемое кіевскимъ городскимъ самоуправленіемъ въ саду Купеческаго Собранія, такъ какъ „Николай Яковлевичъ“ поручилъ ему разузнать, кто охраняетъ Столыпина и какъ можно къ нему подойти. Кулябко тотчасъ же выразилъ свое согласіе и черезъ посыльнаго отправилъ Богрову билетъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ Богровъ присутствовалъ на праздникѣ въ саду и въ карманѣ у него находился „браунингъ“.

За часъ до ухода въ Купеческое Собраніе Богровъ написалъ родителямъ письмо, которое показываетъ, съ какой твердостью и самообладаніемъ онъ выполнялъ задуманное дѣло.

Помощникъ
Присяжнаго Повѣреннаго
Дмитрій Григорьевичъ
БОГРОВЪ
Кіевъ, Бибиковскій Бульв. 4
Телеф. 609

Дорогіе мои, милые
папа и мама!
Знаю, что вас страшно
огорчит и поразит тот
удар, который я вам
наношу, и в послѣдній
моментъ что единственное
что меня убиваетъ. Но я
знаю вас не только за са-
мых лучших людей, которых
я встрѣчал в жизни, но и
за людей которые вас мо-
гут понять и простить.
Простите же и вы, сами
я совершаю поступок проти-
вный вашим убѣжденіям



„Дорогіе мои, милые папа и мама, — писалъ онъ. — Знаю, что васъ страшно огорчитъ и поразитъ тотъ ударъ, который я вамъ наношу, и въ настоящій моментъ это единственное, что меня убиваетъ Но я знаю васъ не только за самыхъ лучшихъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ жизни, но и за людей, которые все могутъ понять и простить.

„Простите же и меня, если я совершаю поступокъ, противный вашимъ убѣжденіямъ.

„Я иначе не могу, и вы сами знаете, что вотъ 2 года, какъ я пробую отказаться отъ стараго.

„Но новая спокойная жизнь не для меня и если бы я даже и сдѣлалъ хорошую карьеру, я все равно кончилъ бы тѣмъ же, чѣмъ теперь кончаю.

„Цѣлую много, много разъ. Митя“.

Это письмо теперь совершенно понятно, но, не случись событія 1 сентября, оно бы легко могло быть отнесено и къ менѣе важному

происшествію въ жизни Богрова. Письмо онъ оставилъ на храненіе у одного изъ своихъ знакомыхъ.

Однако, въ Купеческомъ саду онъ долго выбиралъ моментъ, чтобы выполнить актъ, но такого момента не представилось. Онъ могъ бы легко убить царя, отъ котораго, по словамъ Богрова, онъ былъ буквально въ двухъ шагахъ, но, очевидно, такое убійство не входило въ планъ Богрова — можетъ быть, потому, что Богровъ былъ еврей, а, можетъ быть, и потому—и это скорѣе всего—что вопросъ о цареубійствѣ вообще для него, какъ политическаго дѣятеля, былъ еще не совсѣмъ рѣшеннымъ.

Ночью по окончаніи гулянія, Богровъ явился въ охранное отдѣленіе и сталъ добиваться свиданія съ Кулябко. Онъ переслалъ ему записку со слѣдующимъ дословнымъ сообщеніемъ:

„У Аленскаго (кличка Богрова—прим. А. М.) въ квартирѣ ночуетъ сегодня пріѣхавшій изъ Кременчуга „Николай Яковлевичъ", про котораго я сообщалъ. У него въ багажѣ два браунинга. Говорятъ, что пріѣхалъ не одинъ, а съ дѣвицей „Ниной Александровной" *), которая поселилась на неизвѣстной квартирѣ, но будетъ у Аленскаго завтра между 12—1 ч. дня. Впечатлѣніе такое, что готовится покушеніе на Столыпина и Кассо. Высказываются противъ покушенія на Государя изъ опасенія еврейскаго погрома въ Кіевѣ. Думаю, что у дѣвицы „Нины Александровны" имѣется бомба. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Николай Яковлевичъ" заявилъ, что благополучный исходъ ихъ дѣла несомнѣненъ, намекая на таинственныхъ высокопоставленныхъ покровителей. Аленскій обѣщалъ во всемъ полное содѣйствіе. Жду инструкцій".

---

*) Между прочимъ, эта „Нина Александровна" такой же мифъ, какъ „Ник. Як.", но имя заимствовано Богровымъ у реальнаго лица, знакомаго Богрову, но никакого рѣшительно отношенія къ революціонной дѣятельности не имѣющаго. — Прим. наше. А. М.

Богровъ былъ приглашенъ Кулябкой на квартиру и здѣсь повторилъ всѣ данныя, изложенныя въ запискѣ, прибавивъ, что онъ заявилъ террористамъ, что не выполнилъ тѣхъ цѣлей, съ которыми онъ былъ въ Купеческомъ Саду изъ-за темноты. Затѣмъ Богровъ обратился къ Кулябко съ просьбой выдать ему билетъ на спектакль. Свою просьбу Богровъ мотивировалъ, кромѣ тѣхъ соображеній, которыя онъ представлялъ передъ гуляньемъ въ Купеческомъ саду, еще тѣмъ, что въ театрѣ могутъ находиться единомышленники террористовъ, которые, какъ его предупредилъ „Николай Яковлевичъ", могутъ провѣрить присутствіе Богрова на представленіи. Кулябко былъ увѣренъ, что террористы могутъ имѣть связи въ кіевскомъ обществѣ и могутъ пройти въ театръ, получивъ билетъ черезъ кіевское городское управленіе. Онъ обѣщалъ выдать билетъ и поручилъ Богрову составить для агентовъ охраны примѣты „Николая Яковлевича".

Богровъ выполнилъ порученіе Кулябко и представилъ ему слѣдующую записку съ примѣтами „Николай Яковлевича":

„Примѣты „Николая Яковлевича" — роста выше средняго, довольно плотный, лѣтъ 28—30, брюнетъ, небольшіе усы и подстриженная бородка, одѣтъ въ темный костюмъ, рыжеватое англійское пальто, котелокъ и темныя перчатки. Наблюденіе прошу поставить послѣ 8 часовъ утра, выйдетъ не раньше часа изъ дома. Между 12—1 ч. дня явится „Нина Александровна", примѣты неизвѣстны".

Сверху записки карандашемъ сдѣлана помѣтка: „На 1-е сентября 1911 г."

Первое сентября.

1-го сентября Богровъ чувствовалъ себя превосходно. Былъ веселъ, какъ всегда, и говорилъ домашнимъ о какихъ-то удающихся дѣлахъ. Вскользь, безъ всякаго подчеркиванія, замѣтилъ имъ, что „въ жизни человѣка бываетъ моментъ, для котораго онъ живетъ всю жизнь".

Кулябко же рано утромъ началъ свои доклады по поводу ночного свиданія съ Богровымъ. Въ 6 часовъ онъ по телефону увѣдомилъ генералъ-губернатора Ф. Ф. Трепова объ угрожавшей Столыпину опасности, а около 7-ми часовъ утра заѣхалъ къ Спиридовичу и сообщилъ ему о полученныхъ отъ Богрова свѣдѣніяхъ. Продолжая свои донесенія, Кулябко въ автомобилѣ со Спиридовичемъ поѣхалъ на встрѣчу генералу Трепову, уѣзжавшему на маневры. Треповъ вручилъ Кулябкѣ на улицѣ письмо Столыпину съ предупрежденіемъ объ опасности и просьбой не выходить изъ дома и приказалъ Кулябкѣ приложить къ этому письму ночной докладъ Богрова. Не исполнивъ въ послѣдней части распоряженіе генералъ-губернатора, Кулябко направился къ состоящему при Столыпинѣ штабсъ-капитану Есаулову и передалъ ему письмо Трепова, сообщивъ также сущность заявленій Богрова. Затѣмъ Кулябко проѣхалъ къ генералъ-губер-

наторскому дому и сдвинулъ кольцо охраны, находившейся у этого помѣщенія, послѣ чего вернулся въ охранное отдѣленіе и распорядился о назначеніи офицерскаго дежурства въ квартиру предсѣдателя Совѣта Министровъ. Къ 10 часамъ утра Кулябко явился въ Европейскую гостиницу для доклада генералу Курлову. Пройдя прежде всего къ Веригину, Кулябко показалъ ему подлинную записку Богрова и сообщилъ обо всемъ слышанномъ отъ послѣдняго. Затѣмъ, въ присутствіи Веригина, Кулябко подробно доложилъ товарищу министра о полученныхъ отъ Богрова данныхъ. Онъ сообщилъ также о томъ, что Богровъ былъ наканунѣ въ Купеческомъ саду для исполненія порученія „Ник. Як.“, относительно выясненія примѣтъ министровъ Столыпина и Кассо, что Богровъ ложно разсказалъ „Николай Яковлевичу“, будто не могъ разглядѣть въ толпѣ этихъ сановниковъ, и что „Ник. Як.“ потребовалъ отъ Богрова собрать означенныя свѣдѣнія 1-го сентября въ театрѣ. Затѣмъ Кулябко замѣтилъ, что окончательное рѣшеніе вопроса о допущеніи сотрудника въ на спектакль стоитъ въ зависимости отъ дальнѣйшаго образа дѣйствій террористовъ. Генералъ Курловъ не возражалъ, и болѣе дѣло не обсуждалось.

Приблизительно въ 11 часу утра Богровъ, по прежнему выдержанный и спокойный, явился въ Европейскую гостиницу и имѣлъ новое свиданіе съ Кулябко и Веригинымъ, которымъ сообщилъ, что предполагавшееся около 12-ти часовъ посѣщеніе его квартиры „Ниной Александровной“ отложено, и что встрѣча террористовъ должна состояться въ 8 час. вечера на углу Бибиковскаго бульвара и Владимирской улицы, у зданія 1-ой гимназіи. Да-

лѣе Богровъ сообщилъ Кулябко, что онъ можетъ быть поставленъ въ затруднительное положеніе, если его вовлекутъ въ террористическій актъ. Кулябко и Веригинъ отвѣтили Богрову, что онъ долженъ воздержаться отъ участія въ активныхъ выступленіяхъ. Тогда Богровъ вновь сталъ настаивать на томъ, что ему крайне необходимъ билетъ на парадное представленіе въ театрѣ, такъ какъ уклониться отъ активныхъ дѣйствій онъ можетъ только принявъ на себя роль какъ бы развѣдчика для террористовъ. Кулябко и Веригинъ, не возражая противъ выдачи Богрову билета въ театръ, спросили только Богрова, какъ онъ объяснитъ революціонерамъ фактъ полученія имъ билета. Но Богровъ разсѣялъ и эти сомнѣнія заявивъ, что сошлется на содѣйствіе кафешантанной пѣвицы „Регины“, имѣвшей вліятельныхъ покровителей. Это соображеніе вполнѣ успокоило Кулябко и Веригина, и они согласились дать Богрову означенный билетъ. Тогда Богровъ сталъ доказывать, что, въ виду возможнаго контроля за его дѣйствіями со стороны единомышленниковъ „Николая Яковлевича“ ему необходимо занять въ театрѣ такое мѣсто, чтобы быть у нихъ на виду. Веригинъ возразилъ, что въ первыхъ рядахъ дать билетъ нельзя, такъ какъ тамъ будутъ сидѣть только генералы и другія высокопоставленныя лица, а Кулябко предложилъ одно изъ креселъ въ дальнихъ рядахъ партера и обѣщалъ Богрову прислать билетъ, если планы революціонеровъ не измѣнятся въ теченіе дня.

На смотру, на ипподромѣ Кулябко, встрѣтившись съ полковникомъ Спиридовичемъ, переговорилъ съ нимъ о предстоящемъ свиданіи террористовъ на Бибиковскомъ бульварѣ и

сообщилъ, что руководство мѣрами розыска на мѣстѣ возложено на Демидюка.

По возвращеніи Кулябки съ ипподрома въ охранное отдѣленіе, туда позвонилъ Богровъ и сообщилъ, что планы „Николая Яковлевича“ не измѣнились. Въ то же время Богровъ просилъ прислать ему билетъ въ театръ.

Случайно, по ошибкѣ телефонной станціи, съ Богровымъ былъ соединенъ кромѣ охранки, еще одинъ знакомый Богрова — Певзнеръ — какъ разъ въ это время желавшій переговорить съ нимъ о чемъ то. Певзнеръ не слышалъ всего разговора съ охранкой и не зналъ, съ кѣмъ ведетъ Богровъ свой разговоръ, но часть его, гдѣ рѣчь шла о билетѣ, онъ разслышалъ; слышалъ также и благопріятный Богрову отвѣтъ. Нисколько не подозрѣвая Богрова рѣшительно ни въ чемъ, онъ сейчасъ же извинился передъ нимъ за случайно подслушанный разговоръ и спросилъ, если Богрову такъ легко достаются билеты въ театръ, то не можетъ ли онъ и ему достать. Богровъ, съ несвойственной ему рѣзкостью вообще, а къ данному лицу въ особенности, оборвалъ его такъ, что тотъ рѣшительно не понималъ, почему такъ грубо съ нимъ обошелся Богровъ. Богрову же казалось, что подслушанный разговоръ его понятъ вѣрно и можетъ повести къ осложненіямъ, если онъ станетъ медлить. Такимъ образомъ, Богровъ еще тверже пошелъ на встрѣчу судьбѣ.

Менѣе чѣмъ за полчаса до предполагавшагося выхода „Николая Яковлевича“ на бульваръ, Кулябко, вызвалъ Демидюка въ отдѣленіе и извѣстилъ его о сообщеніи Богрова.

Для пропуска Богрова въ театръ Кулябко воспользовался однимъ изъ билетовъ, полученныхъ имъ заранѣе отъ городского головы

на нужды охраны и находившихся временно у ротмистра Самохвалова, которому Кулябко указалъ, что билеты эти принадлежатъ полковнику Спиридовичу. Взявъ билетъ 18 ряда № 406, Кулябко вручилъ таковой Демидюку для передачи Богрову черезъ швейцара, якобы отъ имени „Регины". При этомъ Кулябко пояснилъ Демидюку, что самъ Богровъ на свиданіе съ террористами не пойдетъ, а будетъ въ театрѣ, чтобы такимъ образомъ отдѣлиться отъ революціонеровъ на случай ареста ихъ на Бибиковскомъ бульварѣ.

Затѣмъ, вслѣдствіе просьбы Богрова дать ему инструкціи относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій, Веригинъ и Кулябко приступили къ обсужденію всѣхъ возможныхъ положеній, въ которыя могъ быть поставленъ Богровъ, если бы его вовлекли въ активныя дѣйствія или возникла необходимость задержать террористовъ.

По уходѣ Богрова состоялось совѣщаніе Кулябко, Веригина и Спиридовича съ генераломъ Курловымъ. Они пришли къ заключенію, что свиданіе террористовъ на Бибиковскомъ бульварѣ можетъ или ограничиться только совѣщаніемъ, или окончиться выходомъ ихъ на линію высочайшаго проѣзда съ оружіемъ и метательнымъ снарядомъ. Рѣшено было въ первомъ случаѣ продолжать наблюденіе за террористами, а во второмъ — арестовать ихъ. О намѣреніи террористовъ совершить покушеніе въ тотъ же день Богровъ долженъ былъ дать сигналъ куреніемъ папиросы.

И въ этой стадіи предпріятія заколдованная охрана опять-таки не обратила вниманія на рядъ несообразностей въ богровской ми-

стификаціи, о которыхъ говоритъ въ своемъ докладѣ и сенаторъ Трусевичъ.

Сообщеніе Богрова о томъ, что за нимъ, по предупрежденію „Ник. Як.“, можетъ быть надзоръ въ театрѣ для провѣрки посѣщенія спектакля, до очевидности было невѣроятно, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы „Ник. Яков.“, освѣдомилъ Богрова о такой, направленной противъ него же, мѣрѣ и, посвящая Богрова во всѣ свои сокровенныя тайны вплоть до указанія нѣкоторыхъ изъ участниковъ заговора, въ то же время не вѣрилъ его обѣщанію быть въ театрѣ и даже прямо обнаружилъ свое недовѣріе.

Далѣе, послѣ сдѣланнаго Богровымъ въ „Потокахъ“ „Ник. Як.“ заявленія о невозможности воспользоваться кіевской квартирой Богрова для помѣщенія террористовъ должно было показаться непонятнымъ, почему „Ник. Яков.“, который долженъ былъ дѣйствовать съ крайней осторожностью, пріѣхалъ къ самому Богрову безъ всякихъ предварительныхъ съ нимъ сношеній и даже съ вещами и оружіемъ.

Затѣмъ, какой смыслъ былъ въ порученіи террористовъ Богрову собрать примѣты министровъ Столыпина и Кассо?

Развѣ подобныя справки лица, не участвующаго въ выполненіи акта, имѣютъ какую-нибудь цѣну? Да и выяснять примѣты П. А. Столыпина, въ виду ихъ общеизвѣстности, не было никакой надобности, тѣмъ болѣе, что самъ же Богровъ указывалъ на связи революціонеровъ съ чинами полиціи, отъ которыхъ означенныя примѣты могли быть легко получены съ полной достовѣрностью.

Не обращено было вниманія и на то, что, по сообщенію „Николая Яковлевича“ Богрову, все для покушенія было подготовлено, а между

тѣмъ для выполненія замысла Богрову поручалось еще узнавать наружность лицъ, противъ которыхъ направлялось покушеніе. Наконецъ, указаніе Богрова на прибытіе къ нему „Николая Яковлевича“ изъ Кременчуга свидѣтельствовала, что означенный террористъ былъ пропущенъ наблюденіями, учрежденными въ названномъ городѣ и у дома Богрова. Однако же и это обстоятельство не вызывало никакихъ вопросовъ и распоряженій.

Насколько было слѣпо довѣріе къ Богрову — можно еще судить и по тому, что ни Кулябко, ни другіе руководители охраны не потрудились даже навести черезъ швейцара или другихъ лицъ справки о томъ, дѣйствительно ли въ квартирѣ Богрова находится кто-нибудь и что тамъ въ дѣйствительности происходитъ. Между тѣмъ, въ теченіе того же 1 сентября въ квартирѣ Богрова навѣстилъ нѣсколько разъ горничную писецъ охраннаго отдѣленія Сабаевъ, который тогда же сообщилъ объ этомъ Демидюку, бывшему въ это время на наблюдательномъ посту около дома Богрова.

Въ показаніи на предварительномъ слѣдствіи Богровъ, описывая свои переговоры съ Веригинымъ и Кулябко въ Европейской гостиницѣ, говорилъ, что онъ самъ сознавалъ всю несостоятельность своихъ повѣствованій и понималъ, что его сношенія съ охраннымъ отдѣленіемъ по телефону, черезъ разсыльнаго и лично, и явка въ Европейскую гостиницу для свиданія съ жандармскимъ офицеромъ представляли собой пріемы сношеній, совершенно недопустимые для секретнаго „сотрудника“.

Однимъ словомъ, охрана имѣла въ своихъ рукахъ „всѣ нити“ заговора, и потому не особенно заботилась о чрезвычайныхъ мѣрахъ предосторожности.

Были приняты только нѣкоторыя мѣры предупредительнаго характера. Такъ, дворцовому коменданту, по настоянію полковника Спиридовича, было послано письмо, составленное Спиридовичемъ отъ имени ген. Курлова, съ краткимъ изложеніемъ перваго заявленія Богрова и послѣдующихъ его донесеній, съ указаніемъ на производимую разработку этой агентуры и на необходимость измѣненія маршрута при проѣздѣ высокихъ особъ. Ген. Курловъ по телефону, а затѣмъ и лично, сообщилъ П. А. Столыпину объ угрожавшей ему опасности. То же самое было сообщено черезъ посредство Веригина и директору департамента общихъ дѣлъ Вестману и министру народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо.

Оба министра, однако, не взирая на всѣ настоянія, не согласились отказаться отъ присутствованія на смотру „потѣшныхъ“ и въ театрѣ. Вслѣдствіе этого Курловъ возложилъ на Кулябко порученіе усилить охрану квартиръ министровъ и организовать ихъ переѣзды на смотръ и въ театръ въ особыхъ автомобиляхъ.

Не задолго до начала спектакля къ театру пріѣхалъ генералъ Курловъ и выбралъ особый малый подъѣздъ для входа статсъ-секретаря Столыпина. Въ то же время подполковникъ Кулябко распорядился, чтобы автомобиль предсѣдателя совѣта министровъ былъ направленъ къ главному подъѣзду театра.

Между тѣмъ Богровъ, обезпокоенный замедленіемъ въ доставленіи билета, вышелъ изъ дома и, встрѣтивъ Демидюка, получилъ отъ него билетъ.

Въ театръ Богровъ явился приблизительно минутъ за двадцать до начала представленія и сообщилъ Кулябко, что свиданіе на Биби-

ковскомъ бульварѣ не состоится и произойдетъ въ какой то частной квартирѣ, куда переѣдетъ и „Николай Яковлевичъ“.

Объ этомъ Кулябко тотчасъ же сообщилъ прибывшему со Столыпинымъ штабсъ-капитану Есаулову.

Опасаясь ухода „Николая Яковлевича“ изъ квартиры Богрова, Кулябко предложилъ послѣднему съѣздить домой подъ предлогомъ, что имъ забыты перчатки, и провѣрить, тамъ ли находится еще „Николай Яковлевичъ“.

По уходѣ Богрова Кулябко и Веригинъ, не разстававшіеся почти во все время первыхъ двухъ дѣйствій, отправились въ расположенную противъ театра кофейную Франсуа. По возвращеніи оттуда Кулябко увидѣлъ въ подъѣздѣ театра Богрова, котораго не пропускалъ жандармскій офицеръ, такъ какъ билетъ Богрова былъ уже безъ контрольнаго талона. Кулябко провелъ Богрова въ театръ и узналъ отъ него, что „Николай Яковлевичъ“ находится дома, но замѣтилъ наблюденіе филеровъ.

Затѣмъ Богровъ долго прохаживался по фойе, заходилъ нѣсколько разъ въ буфетную комнату, а когда начался спектакль, сѣлъ на свое мѣсто.

Мѣста въ театрѣ были распредѣлены такимъ образомъ: въ первомъ ряду креселъ у царской ложи сидѣли флагъ-капитанъ адмиралъ Ниловъ, дворцовый комендантъ генералъ Дедюлинъ и генералъ Курловъ; въ третьемъ ряду, въ лѣвомъ, ближайшемъ къ той же ложѣ, проходѣ были начальникъ дворцовой полиціи Герарди и полковникъ Спиридовичъ и далѣе, въ крайнихъ креслахъ девятаго ряда — подполковники Шеполь и Шебанъ.

Столыпинъ занялъ мѣсто въ первомъ ряду около того же лѣваго прохода. Никакого осо-

баго наряда для охраны какъ царской ложи, такъ и министровъ, не было.

По окончаніи перваго акта, Столыпинъ, узнавшій, очевидно, отъ штабсъ-капитана Есаулова, объ отмѣнѣ свиданія на Бибиковскомъ бульварѣ, поручилъ генералу Курлову разобраться въ означенномъ вопросѣ.

Разыскавъ подполковника Кулябко, генералъ Курловъ получилъ отъ него подтвержденіе этого обстоятельства, и узнавъ, что, безпокоясь за возможный уходъ „Николая Яковлевича“ изъ квартиры Богрова, Кулябко посылалъ сотрудника домой справиться, находится ли тамъ названный террористъ, и послѣдній оказался у Богрова, генералъ Курловъ снова выразилъ опасеніе, не повлечетъ ли „провала“ для Богрова такая явка его изъ театра домой, но Кулябко успокоилъ своего начальника, объяснивъ, что это выполнено Богровымъ подъ предлогомъ необходимости взять перчатки.

Послѣ второго акта Кулябко, мучимый опасеніемъ, что „Николай Яковлевичъ“ ускользнетъ отъ агентовъ охраны, предложилъ Богрову вновь поѣхать домой, а самъ отправился съ докладомъ объ этомъ генералу Курлову, находившемуся въ корридорѣ театра.

Богровъ, понимая, что теперь наступилъ рѣшительный моментъ дѣйствій, и убѣдившись, что за нимъ нѣтъ наблюденія, вынулъ изъ кармана „браунингъ“, прикрылъ его широкой театральной программой и направился къ П. А. Столыпину, стоявшему въ первомъ ряду и около котораго находились графъ Іосифъ Потоцкій, военный министръ Сухомлиновъ и нач. юго-зап. ж. дор. т. с. Немѣшаевъ.

Это приближеніе Богрова замѣтили многія лица, среди которыхъ, однако, не было никого,

кто бы наблюдалъ за Богровымъ. Расположенныя поблизости отъ него кресла были пусты, и Богровъ безпрепятственно подойдя къ Столыпину на два шага, произвелъ въ него два выстрѣла и ранилъ его въ руку и въ правый бокъ.

Одной изъ пуль былъ раненъ также, какъ извѣстно, находившійся въ оркестрѣ музыкантъ Берглеръ*).

Выстрѣлъ вызвалъ въ публикѣ страшную панику. Многіе бросились бѣжать. Однимъ изъ первыхъ бѣжалъ Веригинъ, приказавъ открыть для себя наружныя двери, которыя были заперты по распоряженію охраны. Впечатлѣніе было ошеломляющее. Всѣ были страшно поражены и не знали, что дѣлать. Первымъ пришелъ въ себя министръ императорскаго двора баронъ Фредериксъ и громко крикнулъ: „держите его“, указавъ на медленно и спокойно уходившаго Д. Богрова. Стоявшій у выхода ротмистръ петербургской полиціи схватилъ Богрова за руку, въ которой находился револьверъ. Въ это время опомнившаяся публика набросилась на Богрова и смяла его. Услышавъ шумъ, полковникъ Спиридовичъ вбѣжалъ въ залъ и замахнулся на избиваемаго, но, узнавъ въ немъ Богрова, воздержался отъ удара. Предположивъ, что покушеніе Богрова является только началомъ выполненія цѣлаго ряда террористическихъ актовъ, Спиридовичъ подбѣжалъ къ царской ложѣ и сталъ около нея съ саблей въ рукахъ.

---

*) Недавно въ газетахъ сообщалось, что ходатайство концертмейстера кіевской оперы Берглера, раненаго при убійствѣ Столыпина Богровымъ, объ оказаніи ему матеріальной помощи, удовлетворено. Состоялось распоряженіе о выдачѣ Берглеру 10.000 рублей.

Генералъ Курловъ и Кулябко въ моментъ покушенія находились въ корридорѣ, гдѣ Курловъ принималъ докладъ Кулябко объ отсылкѣ Богрова домой. Услышавъ выстрѣлы, они устремились въ партеръ, но проникнуть туда имъ не удалось, такъ какъ публика тѣснымъ кольцомъ окружила Богрова и избивала его.

Минуту спустя стало извѣстно, что стрѣлявшій — Богровъ.

Затѣмъ Курловъ и Кулябко перешли въ малый вестибюль, гдѣ Кулябко съ отчаяніемъ заявилъ Курлову, что ему остается только застрѣлиться. Успокоивъ его, генералъ Курловъ вышелъ на площадь и распорядился очистить какъ ее, такъ и Фундуклеевскую улицу отъ народа.

Раненаго Столыпина рѣшено было перевезти въ каретѣ скорой помощи въ лѣчебницу доктора Маковскаго.

Слѣдствіе.

Арестованный послѣ избіенія Богровъ былъ переведенъ въ помѣщеніе при театрѣ, куда прибыли чины прокурорскаго надзора. Первымъ явился судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ при кіевскомъ окружномъ судѣ В. И. Фененко, затѣмъ товарищъ прокурора Слѣпушкинъ, а черезъ нѣсколько времени прибылъ прокуроръ кіевской судебной палаты Чаплинскій.

Богровъ былъ обысканъ и при немъ нашли записку слѣдующаго содержанія:

„Николай Яковлевичъ“ очень взволнованъ. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ наблюдаетъ изъ окна черезъ бинокль и видитъ наблюденіе. Увѣренъ, что за нимъ поставлено наблюденіе скверно, слишкомъ откровенно. Я не проваленъ еще“.

Затѣмъ слѣдственныя власти приступили къ допросу.

Несмотря на полученныя тяжкія увѣчья, Богровъ, весь окровавленный и избитый, давалъ показанія спокойно, съ особымъ хладнокровіемъ. Онъ заявилъ, что всю исторію съ „Николаемъ Яковлевичемъ“ и „Ниной Александровной“ онъ выдумалъ.

Кромѣ Богрова, тутъ же было допрошено нѣсколько ближайшихъ свидѣтелей покушенія. Первымъ допрошенъ былъ графъ Іосифъ Потоцкій, бесѣдовавшій со Столыпинымъ во вре-

мя покушенія. Когда графа Потоцкаго спросили, узнаетъ ли онъ въ Богровѣ лицо, произведшее выстрѣлъ, тотъ заявилъ, что затрудняется положительно отвѣтить на вопросъ. Послѣ этого заявленія все вниманіе слѣдственныхъ властей было направлено на личный допросъ Богрова, который продолжался до 5 часовъ утра безпрерывно.

Въ отвѣтъ на упрекъ, что покушеніе было произведено имъ въ такой торжественный день и направлено на Столыпина, являвшагося гостемъ въ Кіевѣ, Богровъ заявилъ:

— Столыпинъ — министръ, и потому я смотрю на него какъ на лицо, находящееся при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, а не какъ на гостя. Я по взглядамъ убѣжденный анархистъ, — добавилъ Богровъ.

Кулябко и Курловъ дѣлали попытку отправить Богрова для допроса въ охранное отдѣленіе, — по словамъ генерала Курлова, эта мѣра, благодаря бесѣдѣ Богрова съ самимъ Кулябко, могла выяснить соучастниковъ Богрова, — но этому энергично воспротивился прокуроръ судебной палаты, и Богрова рѣшено было отправить въ кіевскую крѣпость.

Богрова вывели изъ театра и усадили въ экипажъ. Съ одной стороны сидѣлъ полиціймейстеръ полковникъ Скалонъ, съ другой — жандармскій полковникъ и впереди жандармъ съ револьверомъ, направленнымъ въ Богрова. Затѣмъ въ слѣдующихъ трехъ экипажахъ размѣстились жандармы, которые его провожали въ „Косой капониръ“, гдѣ Богрова заключили въ одиночную камеру.

На слѣдующій день генералъ Курловъ снова возбудилъ передъ судебными властями вопросъ о допущеніи подполковника Кулябко на свиданіе съ Богровымъ, но и эта попытка была

безуспѣшна. Судебныя власти не разрѣшили ему этого.

Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Столыпина было поручено судебному слѣдователю Фененко и жандармскому полковнику Иванову, подъ руководствомъ товарища прокурора Слѣпушкина.

Не безынтересными являются показанія, данныя слѣдствію Курловымъ, Спиридовичемъ, Веригинымъ и Кулябко о томъ, какимъ образомъ Богровъ оказался въ театрѣ, извлекаемыя нами изъ доклада Трусевича.

Въ объясненіяхъ своихъ, говоритъ сенаторъ Трусевичъ, на разслѣдованіи генералъ Курловъ, статскій совѣтникъ Веригинъ и полковникъ Спиридовичъ категорически отрицали всякую освѣдомленность свою о томъ, что Богровъ былъ допущенъ на гуляніе въ садъ Купеческаго Собранія и въ городской театръ. Спиридовичъ, кромѣ того, намекалъ, что во всемъ этомъ случаѣ отъ него что то умышленно скрывали, но опредѣленныхъ разъясненій не представилъ. Кулябко же утверждалъ противное, доказывая, что о посѣщеніи Богровымъ купеческаго сада и спектакля было извѣстно всѣмъ означеннымъ должностнымъ лицамъ. При оцѣнкѣ этого противорѣчія, продолжаетъ Трусевичъ, нельзя не отмѣтить, что каждое изъ приведенныхъ заявленій имѣетъ въ своемъ основаніи вполнѣ понятныя побужденія. Въ то время, когда подполковнику Кулябко, въ видахъ устраненія отвѣтственности, весьма важно сослаться на приказанія начальства, прочіе прикосновенные чины заинтересованы въ признаніи Кулябко дѣйствовавшимъ самовольно, безъ ихъ вѣдома и согласія. Затѣмъ, полк. Спиридовичъ въ своемъ показаніи пояснилъ, что послѣ 1 сентября въ

разговорѣ съ нимъ и Веригинымъ относительно посѣщенія Богровымъ сада Купеческаго. Собранія, генералъ Курловъ высказалъ, что объ этомъ обстоятельствѣ ему не было извѣстно, но Веригинъ замѣтилъ, что, какъ ему кажется, Кулябко докладывалъ генералу и объ этомъ. Отвѣтивъ отрицательно, ген. Курловъ перемѣнилъ тему бесѣды.

Богровъ же на первомъ допросѣ у судебнаго слѣдователя, въ ночь на 2-ое сентября, будучи внѣ всякой возможности снестись какимъ-либо образомъ съ Кулябкой, удостовѣрилъ, что снабженіе его билетомъ было рѣшено при участіи Веригина утромъ 1-го сентября. Равнымъ образомъ, подп. Кулябко въ ту же ночь на вопросы лица прокурорскаго надзора заявилъ, что Богровъ былъ на спектаклѣ съ вѣдома генерала Курлова, Веригина и Спиридовича.

Въ дальнѣйшемъ Кулябко добавилъ, что изъ докладовъ его генералу Курлову о двукратной посылкѣ Богрова изъ театра домой у товарища министра не могло оставаться сомнѣній, что Богровъ находился въ то время въ театрѣ. По утвержденію же ген. Курлова, онъ изъ разговора съ Кулябко въ театрѣ понялъ, что Богровъ не находился на спектаклѣ, а пріѣзжалъ туда для извѣщенія Кулябки о положеніи дѣла. Ссылка Кулябки на то, что Богровъ маскировалъ свои возвращенія домой необходимостью взять перчатки съ очевидностію доказывала генералу Курлову, что Богровъ занимаетъ мѣсто въ театрѣ. Наконецъ, съ полной несомнѣнностью установленъ фактъ, что Богровъ открыто находился въ томъ самомъ партерѣ зрительнаго зала, въ которомъ были Веригинъ и Спиридовичъ, изъ коихъ первый видѣлся съ нимъ утромъ, а Спиридо-

вичъ настолько хорошо помнилъ Богрова въ лицо, что узналъ его даже въ моментъ крайняго волненія, намѣреваясь нанести ему ударъ саблей. При указанныхъ условіяхъ представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Кулябко пропустилъ Богрова въ театръ, съ намѣреніемъ скрыть это распоряженіе отъ своихъ ближайшихъ друзей и генерала Курлова, освѣдомленнаго о всѣхъ мелочахъ розыска по этому дѣлу*).

Сейчасъ же послѣ покушенія, въ квартирѣ Богрова, по приказанію подп. Кулябко, былъ произведенъ обыскъ жандармскимъ ротмистромъ Самохваловымъ, при чемъ остервенѣлая полиція вела себя отчаянно грубо. Квартира была окружена цѣлымъ войскомъ. Восемьдесятъ чиновъ вошли внутрь и безнадежно искали мифическаго „Николая Яковлевича".

А въ ночь на 2 сентября Кулябко, съ одобренія ген. Курлова, приступилъ къ обыскамъ

---

*) Впослѣдствіи по всѣмъ этимъ противорѣчіямъ состоялось полное соглашеніе между обвиняемыми.

Какъ видно изъ преній, возникшихъ въ 1-омъ департаментѣ Гос. Сов. по окончаніи слѣдствія Шульгина, по вопросу о преданіи суду Курлова и К⁰, Кулябко отказался отъ своихъ первоначальныхъ показаній и взялъ всю вину на себя.

Процессъ этого соглашенія шелъ давно. Въ объясненіяхъ Курлова на докладъ Трусевича онъ сказался въ изложеніи взгляда Курлова на личную его отвѣтственность за 1-ое сентября.

— Меня обвиняютъ, говорилъ онъ, въ нарушеніи изданнаго департаментомъ полиціи циркуляра о недопущеніи „секретныхъ сотрудниковъ" для охраны „высокихъ особъ". Но, до меня этотъ циркуляръ относиться не можетъ. Я — товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, а департаментъ полиціи подчиненное мнѣ учрежденіе.

Выходило такъ, что Курловъ не виноватъ, ибо циркуляръ былъ писанъ не для него (см. ст. Ордынскаго „Хо-

и арестамъ по всему Кіеву. 78 человѣкъ было арестовано и среди нихъ чуть ли не всѣ родственники и знакомые Богрова. Арестовывались и обыскивались безъ разбора всѣ, кто случайно подвертывался подъ руки или чей адресъ случайно попадалъ на глаза охранникамъ. И по удостовѣренію Трусевича, и по существу самаго дѣла, конечно, весь этотъ разгулъ оказался безрезультатнымъ.

Безрезультатной оказалась и вся та кипучая медицинская дѣятельность, которая была проявлена въ леченіи Столыпина, поставить на ноги или, по крайней мѣрѣ, продлить агонію котораго составляло въ правящихъ кругахъ государственную задачу.

5 сентября П. А. Столыпинъ умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ ему Богровымъ.

зяева" въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 18 мая 1912 г.), и Кулябко не виноватъ, такъ какъ съ момента пріѣзда Курлова отвѣтственность перешла на него.

Нѣтъ виновныхъ.

Но дѣло на этомъ очевидно удержаться не могло и нужно было обвиняемымъ выбирать: Курловъ или Кулябко?

Рѣшили — Кулябко.

Тому — семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. А потомъ, ежели Курловъ выкрутится, онъ поможетъ своему пріятелю, вытащить какъ-нибудь и его изъ бѣды.

Въ результатѣ половина голосовъ въ Гос. Сов. оказалась на сторонѣ Курлова.

„Сторонники Курлова находятъ, писалось въ газетахъ, что вообще нельзя одновременно винить и Курлова и Кулябко. Если виноватъ послѣдній въ неисполненіи извѣстныхъ обязанностей, то Курловъ не при чемъ. Если виноватъ Курловъ, а Кулябко выполнялъ его приказанія, то нельзя обвинять Кулябко.

„Тутъ же во всемъ виноватъ Кулябко". (Рѣчь" — 12 декабря 1912 г.).

Судъ.

Судъ надъ Дмитріемъ Богровымъ происходилъ въ „Косомъ капонирѣ“ 9 сентября 1911 г.

Мрачное неуклюжее зданіе „Косого капонира“ находится въ крайнемъ правомъ углу Печерской крѣпости, надъ почти недоступнымъ обрывомъ.

Собачья тропа, стелющаяся по горѣ, съ одной стороны, съ другой — земляные валы столѣтней кладки.

Изъ глухихъ окошечекъ, замурованныхъ частыми рѣшетками — жуткая, дышащая ужасомъ перспектива легендарной Лысой горы, ставшей теперь мѣстомъ казни осужденныхъ военнымъ судомъ.

Зданіе одноэтажное, очень старое, но построено изъ хорошо обожженнаго желтаго кирпича.

Черезъ массивныя дубовыя ворота идетъ входъ въ узкій треугольникъ, составленный высокими посѣрѣвшими стѣнами корпуса.

Въ основаніи треугольника — небольшая дверь, прикрытая снаружи рѣшеткой.

За нею извилистый корридоръ, теряющійся во мракѣ. Здѣсь подвалы. Мрачные, кошмарные подвалы старинныхъ олеографій, съ сочащейся водой, крысами и плѣсенью. Говорятъ, что здѣсь—мѣсто карцера для провинившихся заключенныхъ.

Винтовая лѣстница ведетъ вверхъ во второй корридоръ, со сводчатымъ потолкомъ, глухими, точно провалившимися въ стѣны дверями, лишенными послѣдняго слова тюремной техники — автоматическихъ глазковъ и форточекъ.

Тяжелые замки висятъ на дверяхъ.

Въ углу, гдѣ корридоръ дѣлаетъ рѣзкій изгибъ, тянется вверхъ узенькая лѣстничка...

Въ темнотѣ вверху теряется двойная окованная желѣзомъ дверь.

Это — важнѣйшая секретная камера.

Въ ней содержался когда-то Асланов.

Въ ней содержался и Богровъ...

Засѣданіе суда происходило въ самой большой камерѣ второго корридора.

Сюда было доставлено 30 стульевъ и большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

За судейскимъ столомъ находились: генералъ Рейнгартенъ, полковникъ Акутинъ, подполковникъ Мѣщаниновъ, подполковникъ Кравченко и подполковникъ Маевскій.

Предсѣдательствовалъ генералъ Рейнгартенъ. Обвинялъ прокуроръ кіевскаго военнаго суда, генералъ Костенко. Секретаремъ былъ Лѣсниченко.

Защитника не было, — отъ защиты подсудимый категорически отказался.

Въ залъ суда были допущены исключительно представители высшей администраціи и судебной власти. Тутъ находились: министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ Ф. Ф. Треповъ, командующій войсками Н. І. Ивановъ, кіевскій губернаторъ А. Ф. Гирсъ, прокуроръ судебной палаты Чаплинскій и окружного суда Бран-

дорфъ, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ В. М. Фененко, разслѣдовавшій дѣло, комендантъ крѣпости Медеръ, губернскій предводитель дворянства Куракинъ, Алексѣевъ, Зальца и др. Всего около 20 человѣкъ.

Засѣданіе открылось въ 4 часа дня.

Подсудимый Богровъ былъ доставленъ въ судъ подъ конвоемъ.

На немъ та же фрачная пара, въ какой онъ былъ взятъ въ театрѣ.

Воротникъ, манжеты, галстухъ — сняты.

Обвинительный актъ написанъ на трехъ листахъ.

Чтеніе его заняло около получаса.

Свидѣтелей вызвано 12, изъ нихъ явилось только 7. Неявившіеся свидѣтели-сановники, очевидцы покушенія. Показанія неявившихся свидѣтелей не были прочитаны, за исключеніемъ одного.

Изъ неявившихся свидѣтелей допрошенъ былъ только начальникъ кіевскаго охраннаго отдѣленія подполковникъ Кулябко. Отъ допроса остальныхъ свидѣтелей прокуроръ отказался.

Богровъ подробно разсказалъ, какъ морочилъ руководителей охраны.

По просьбѣ Богрова, Кулябко во время его объясненій былъ оставленъ въ залѣ.

Много говорилось о томъ, какимъ путемъ былъ полученъ Богровымъ билетъ на парадный спектакль.

Засѣданіе продолжалось три часа.

Совѣщаніе длилось не болѣе 20 минутъ.

Резолюціей суда Богровъ, признанный виновнымъ по предъявленнымъ ему 102 (принад-

лежность къ революціонной партіи) и 279 (покушеніе на убійство) ст.ст., приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Кромѣ того, судъ вынесъ особое постановленіе, что разборомъ дѣла установлены данныя, достаточныя для возбужденія преслѣдованія противъ руководителей охраны.

Резолюція суда была выслушана Богровымъ совершенно спокойно.

Держался Богровъ спокойно и во все время суда, удивляя всѣхъ своей выдержкой и самообладаніемъ. Онъ произвелъ огромное впечатлѣніе на судей разсказомъ о своей жизни и объясненіями.

Послѣ объявленія резолюціи Богровъ обратился къ предсѣдателю съ просьбой дать ему поѣсть и жаловался, что кормятъ его отвратительно.

Предсѣдатель распорядился, чтобы просьба Богрова была удовлетворена.

Черезъ часъ послѣ приговора резолюція была объявлена въ окончательной формѣ.

Въ приговорѣ подробно изложены мотивы.

Приговоръ въ тотъ же вечеръ былъ отправленъ командующему войсками кіевскаго военнаго округа на утвержденіе.

Отъ подачи кассаціонной жалобы Богровъ отказался.

Приговоръ по его дѣлу былъ утвержденъ командующимъ войсками черезъ 24 часа послѣ его объявленія, а именно, въ 10 часовъ веч., и 10 сентября немедленно былъ направленъ къ исполненію.

Послѣ суда Богровъ отправилъ родителямъ слѣдующее письмо*):

*) Автографъ письма на стр. 176-177. *А. М.*

Дорогіе мама и папа!

Единственный моментъ, когда мнѣ становится тяжело, это при мысли о васъ, дорогіе мои. Я знаю, что васъ глубоко поразила неожиданность всего происшедшаго, знаю, что вы должны были растеряться подъ внезапностью обнаруженія дѣйствительныхъ и мнимыхъ тайнъ. Что обо мнѣ пишутъ, что дошло до свѣдѣнія вашего, я не знаю. Послѣдняя моя мечта была бы, чтобы у васъ, милые, осталось обо мнѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, можетъ быть и несчастномъ, но *честномъ*. Простите меня еще разъ, забудьте все дурное, что слышите, и примиритесь со своимъ горемъ, какъ я мирюсь со своей участью. Въ васъ я теряю самыхъ лучшихъ, самыхъ близкихъ мнѣ людей, и я радъ, что вы переживаете меня, а не я васъ. Цѣлую васъ много, много разъ. Цѣлую и всѣхъ дорогихъ близкихъ и у всѣхъ, у всѣхъ прошу прощенія.

Вашъ сынъ Митя.

10 сентября 1911 г.

Казнь.

Въ ночь на 12-е сентября, въ 4 ч. смертный приговоръ кіевскаго военно-окружного суда былъ приведенъ въ исполненіе.

Казнь предполагалось совершить еще въ субботу, но потомъ было рѣшено не отступать отъ обычая, не допускающаго казни наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней.

Палачомъ былъ одинъ изъ каторжанъ лукьяновской тюрьмы. Палачъ поставилъ условіемъ, что его немедленно послѣ казни переведутъ въ другую тюрьму, такъ какъ онъ боялся мести со стороны своихъ товарищей.

Казнь происходила подъ обрывомъ Лысогорскаго форта. Это — часть упраздненной кіевской крѣпости, находящаяся въ 4-хъ верстахъ отъ „Косого капонира", гдѣ содержался Богровъ.

Приготовленія къ казни начались еще въ воскресенье вечеромъ. На Лысой горѣ была сооружена висѣлица, вырыта яма. Вся мѣстность, прилегающая къ Лысогорскому форту, была тщательно обыскана полиціей, ротой пѣхоты и сотней казаковъ. Въ воскресенье, съ вечера, были разставлены кругомъ казаки, оцѣпившіе плотнымъ кольцомъ мѣсто казни.

Въ первомъ часу ночи въ Печерскій полицейскій участокъ прибыли: товарищъ прокурора, помощникъ секретаря суда, полицій-

Одно листъ бумаги выдать арестованному Гаврилову.

Караульная начальница

Штабъ-Ротмистръ

10 Сентября 1911 г.

Кассиръ Каземата

Дорогіе мама и папа! Единственной милостью, которую я осмѣливаюсь просить у васъ, дорогіе мои. Я знаю, что ваше сердце полно нѣжностью ко мнѣ, знаю, что вы думаете обо мнѣ постоянно, знаю, что вы отстрадываете и мои страданія. Но мнѣ лишь нужно, чтобы вы были бы спокойны и не думали, что моя участь была бы, что я у васъ, мама, вымолю объ моей милости, что о человѣкѣ можетъ быть и напрасно, но горячо. Вторую мою просьбу, забудьте все дурное что сказано и причинено со своей стороны, какъ я мирюсь со своей душой. У васъ я дорогіе самые лучшіе, самые близкіе мои люди и я рад, что вы перерываете мнѣ, а не я васъ. Цѣлую васъ много, много разъ. Цѣлую и всѣхъ дорогихъ близкихъ и у всѣхъ, у всѣхъ прошу прощенія. Ваша дочь

Митя.

10 сентября 1911 г.

мейстеръ, два его помощника, пять приставовъ, наряды городовыхъ и околоточныхъ, городовой врачъ, еврейскій общественный раввинъ. Нѣсколько времени спустя, въ участокъ прибылъ губернаторъ А. Ф. Гирсъ, но, переговоривъ съ полиціймейстеромъ и товарищемъ прокурора, сейчасъ же уѣхалъ. Кромѣ офиціальныхъ лицъ, въ участкѣ находилось около 30 „союзниковъ“ и правыхъ, въ томъ числѣ товарищъ предсѣдателя кіевскаго клуба націоналистовъ, сотрудникъ „Нов. Времени“, Анатолій Савенко, нынѣ украшающій своимъ присутствіемъ 4-ую Гос. Думу, предсѣдатель союза русскаго народа Постный, предсѣдатель союза русскихъ рабочихъ Цитовичъ. Всѣ они получили разрѣшеніе присутствовать при казни, такъ какъ выражали сомнѣніе, что Богровъ будетъ повѣшенъ *).

Были поданы почтовыя лошади, всѣ усѣлись въ кареты и поѣхали на Лысую Гору.

Когда дежурный офицеръ вошелъ въ „Косой капониръ“, въ камеру Богрова, тотъ спалъ. Его разбудили. Богровъ сразу догадался въ чемъ дѣло, и сталъ поспѣшно одѣваться. Одѣлся онъ въ тотъ же фракъ, въ какомъ былъ въ театрѣ ...

Богрову стали связывать руки.

— Пожалуйста, покрѣпче завяжите брюки, — обратился Богровъ къ офицеру, — а то задержка выйдетъ.

Больше Богровъ въ камерѣ не проронилъ ни слова. Изъ камеры вывели Богрова за руки

---

*) Этимъ разрѣшеніемъ власти какъ бы признали возможность у насъ такихъ случаевъ, когда вѣшаются не тѣ, кто присужденъ. Допуская союзниковъ на Лысую Гору, они какъ бы поставили себя въ положеніе заподозрѣнныхъ, которыхъ сейчасъ оправдаютъ.

двое городовыхъ. Усадили въ арестантскую карету и подъ усиленнымъ конвоемъ конной жандармеріи отвезли на Лысую Гору. Здѣсь его уже ожидали должностныя лица и вся „публика“, прибывшая изъ участка.

Когда Богрова вывели изъ кареты, „союзники“ стали его разсматривать. Одинъ изъ офицеровъ приблизилъ къ его лицу электрическій фонарикъ.

— Лицо, какъ лицо, ничего особеннаго, — сказалъ Богровъ.

— Ну, господа, опознайте, — это онъ... спросилъ „союзниковъ“ товарищъ прокурора.

— Онъ, онъ, — зашумѣли „союзники“.

Раздавались также возгласы: „Какъ же? Онъ самый. Вѣдь, я его въ театрѣ здорово побилъ“.

Богровъ держалъ себя спокойно и разглядывалъ собравшихся, освѣщенныхъ свѣтомъ факела. Кто-то изъ союзниковъ сталъ иронизировать надъ фракомъ Богрова. Услыхавъ это, Богровъ замѣтилъ:

— Пожалуй, въ другое время мои коллеги-адвокаты могли бы мнѣ позавидовать, если бы узнали, что уже десятый день я не выхожу изъ фрака.

Помощникъ секретаря окружного суда громко прочелъ приговоръ.

Богровъ выслушалъ его спокойно.

— Можетъ быть, желаете что-нибудь сказать раввину? — спросилъ его товарищъ прокурора.

— Да, желаю, — отвѣтилъ Богровъ, но въ отсутствіи полиціи.

— Это невозможно, — возразилъ товарищъ прокурора.

— Если такъ, — сказалъ Богровъ, то можете приступить.

Къ Богрову подошелъ палачъ...

Въ этотъ моментъ Богровъ обратился къ присутствующимъ съ просьбой передать его послѣдній привѣтъ родителямъ.

Затѣмъ палачъ связалъ ему руки назадъ, повелъ къ висѣлицѣ, надѣлъ на него саванъ.

Уже подъ саваномъ Богровъ спросилъ:

— Голову поднять выше, что ли?

Затѣмъ на шею Богрова была накинута веревка. Богрова подвели къ висѣлицѣ. Онъ самъ взошелъ на табуретъ. Въ этотъ моментъ палачъ вытолкнулъ табуретъ изъ-подъ ногъ Богрова.

Тѣло повисло.

Въ такомъ положеніи, какъ это требуетъ законъ, тѣло висѣло около 15 минутъ.

Царила глубокая тишина. Факелы по прежнему горѣли. Кто-то сказалъ: „Небось стрѣлять не будетъ". — „Теперь не время разговаривать..." — возразилъ ему какой-то голосъ.

Палачъ снялъ тѣло. Подошли врачъ и союзники. Врачъ констатировалъ смерть.

Трупъ положили въ яму, закрыли досками, засыпали и сравняли съ землей.

Все это въ общемъ продолжалось около 45 минутъ. Въ три часа утра все было кончено.

Союзники, присутствовавшіе при казни Богрова, уѣзжая съ Лысой Горы, взяли на память по куску веревки.

Во время казни они вели себя безобразно.

Охрана была снята.

Всѣ вернулись обратно въ городъ.

«Вѣчная память».

Дмитрія Богрова нѣтъ.

Но многихъ интересуетъ и до сихъ поръ вопросъ: кто же былъ, наконецъ, Богровъ — охранникъ или революціонеръ?

Я смѣю надѣяться, что въ настоящей брошюрѣ имѣется достаточный матеріалъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, чтобы передъ каждымъ непредубѣжденнымъ человѣкомъ разсѣялся грязный туманъ, окутавшій имя Богрова и чтобы представить себѣ его фигуру революціонно-чистой, революціонно-честной, благородная натура которой органически не могла бы пойти ни на что гнусное и подлое, что связывается съ именемъ охранника или провокатора.

Да, путь Богрова къ революціонной цѣли, съ 26 августа по 1 сентября 1911 г., средство, выбранное имъ на этотъ періодъ — не обычны.

Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что этотъ путь и это средство въ моральномъ отношеніи хуже или лучше всякаго другого революціонно-конспиративнаго пути и средства.

Богровъ съ 26 августа по 1 сентября притворялся и лгалъ, какъ онъ лгалъ и притворялся всю свою революціонную жизнь.

И если онъ всю свою революціонную жизнь признавалъ, что въ этомъ притворствѣ и въ

этой лжи нѣтъ идеальной чистоты, нѣтъ того, за что онъ самъ боролся, но есть то, чѣмъ онъ самъ возмущался въ его врагахъ, въ окружающей обстановкѣ, въ современномъ строѣ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и признавалъ, что эта ложь и это притворство праведны.

На своемъ пути Богровъ совершилъ не больше того, что совершаютъ всѣ революціонеры.

Въ послѣднюю недѣлю своей жизни онъ не прибавилъ къ суммѣ его лжи и притворства ни одной іоты новаго, какого-нибудь отягчающаго, антиморальнаго поступка.

Правда, онъ совершилъ ошибку, недопустимую съ революціонной точки зрѣнія, какую совершилъ и Петровъ.

Петрову казалось возможнымъ въ своихъ собесѣдованіяхъ съ жандармами упоминать фамиліи „все равно извѣстныхъ“ уже революціонеровъ: Минора, Натансона, Чернова.

Богрову необходимы были имена Кальмановича, Лазарева, Булата, владѣльцы которыхъ, онъ зналъ, не могутъ пострадать, въ виду вздорности относящихся до нихъ въ его разсказѣ Кулябкѣ замѣчаній, легко могущей обнаружиться послѣ первой же неудачи или послѣ удачно проведеннаго акта.

Правда, они на самомъ дѣлѣ почти не пострадали, и разсчетъ Богрова оказался вѣрнымъ, но пути россійскаго произвола неисповѣдимы и могло, вѣдь, окончиться иначе. Вѣдь, трудно сказать, есть или нѣтъ доли участія Петрова въ рядѣ лѣтъ, которыя проводитъ на каторгѣ Миноръ.

Это была большая ошибка Богрова, но ошибка *революціонера*.

Богровъ не былъ охранникомъ.

Онъ два года передъ 1 сентября не участвовалъ въ революціонномъ движеніи, порвалъ связи со всѣми организаціями.

26 августа онъ ступилъ одной ногой въ охрану, а другой — не въ революціонную организацію, но въ революцію.

Не будемъ говорить, что это не морально.

Не будемъ фарисеями. Не будемъ бить себя въ перси и кричать на каждомъ перекресткѣ: „Боже, благодаримъ тебя, что мы не таковы".

Революціонеры никогда не были и не будутъ абсолютно морально чисты.

Въ ихъ партійномъ обиходѣ принимаютъ права гражданства дѣйствія и поступки, ничѣмъ не отличающіеся отъ пріемовъ правительственныхъ агентовъ.

Пусть съ разрѣшенія партійныхъ властей, пусть для ограниченнаго періода и для ограниченныхъ цѣлей, но Клѣточниковы и Рутенберги существовали и признаются къ существованію возможными.

Природа поведенія ихъ не мѣняется.

Пусть именемъ революціонной организаціи, а не отдѣльнымъ революціонеромъ за свой собственный страхъ и рискъ, но — хотя бы временно, хотя бы для опредѣленныхъ цѣлей, — устанавливалась и слѣжка за товарищами, вызвавшими противъ себя подозрѣнія, производились и обыски.

Природа такихъ поступковъ не оставляетъ мнѣній.

При подготовленіи покушенія на князя Оболенскаго, харьковскаго губернатора, былъ примѣненъ пріемъ, далекій отъ моральной чистоты. Письмо „кн. Ц." полученное княземъ, съ приглашеніемъ его на свиданіе въ садъ Тиволи, гдѣ его ждали Гершуни и Кочура, было *предательскимъ* письмомъ.

„...Вы, я слышала, избалованы женщинами, но Вы знаете женскую душу и поймете, что я должна испытывать теперь, забывая свое положеніе, свою молодость", и т. д.

Сколько въ этомъ письмѣ коварства, хитрости, лжи и предательства!

Но въ революціи есть и будутъ болѣе чѣмъ ложь и притворство — *преступленія.*

Человѣкъ рѣдкой моральной чистоты, актъ котораго былъ такъ морально ясенъ — Сазоновъ, и тотъ нисколько не обманывался въ природѣ своего поступка. Онъ не билъ себя въ грудь и не говорилъ, что онъ чище другихъ, но, какъ мытарь, мучась въ тюрьмѣ сознаніемъ совершеннаго, хотя и необходимаго, но все-таки грѣха, — твердилъ: „Боже, милостивый буди мнѣ, грѣшному!"

Его актъ остался все-таки непримиримъ съ собственнымъ моральнымъ чувствомъ.

Для Россіи, для всѣхъ насъ ясно, что Сазоновъ убійствомъ Плеве выполнилъ требованіе народной совѣсти, — себѣ же, Егору Сазонову, онъ нанесъ *рану,* ибо совершилъ *преступленіе* противъ нравственнаго закона *неприкосновенности человѣка,* даже въ преступникѣ.

И если не можетъ быть рѣчи объ абсолютной моральной чистотѣ революціонера, если онъ чистъ и нравственъ лишь постольку, поскольку онъ всегда и всюду держитъ себя въ дисциплинѣ кристально-чистыхъ намѣреній, работаетъ и живетъ въ постоянномъ, искреннемъ и прямомъ стремленіи къ гармоніи его нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ идеаловъ со своей повседневной жизнью, хотя бы въ силу крайнихъ обстоятельствъ окружающей обстановки ему и приходилось отвлекаться въ сторону проселоч-

ныхъ, опасныхъ дорогъ, то мы обязаны признать и для Богрова *совершенно одинаковое незапятнанное право* на честное имя *относительно морально чистаго человѣка и революціонера*, какъ и для всѣхъ другихъ революціонеровъ.

Люди — слишкомъ люди, чтобы быть святыми; условія и обстановка, въ которой приходится жить, бороться и работать, слишкомъ пакостны, чтобы можно было не запачкаться хоть краемъ одежды, и поэтому къ уже совершеннымъ актамъ, къ уже совершившимся фактамъ, къ уже повѣшеннымъ людямъ нашъ долгъ относиться съ сугубымъ вниманіемъ и серьезностью и судить ихъ не съ ангельскихъ высотъ, а по человѣчеству.

Счастливъ тотъ, кто до конца дней своихъ можетъ дойти абсолютно чистымъ.

Но гдѣ хоть одинъ изъ нихъ?

Нашъ отвѣтъ на вопросъ: охранникъ или революціонеръ Богровъ — одинъ.

Тотъ самый, который въ видѣ одного изъ предположеній былъ высказанъ на страницахъ „Знамени Труда“ (№ 38).

Богровъ — террористъ-одиночка, „революціонеръ, котораго безсиліе революціонныхъ партій, общественная инертность и апатія и до нестерпимости душная послѣреволюціонная моральная атмосфера, пресыщенная міазмами санинщины, порнографіи, предательства и провокаціи—толкнули на путь, казалось, единственно доступный одинокому борцу, мечтающему разрядить эту застоявшуюся атмосферу благодѣтельнымъ ударомъ.

И за этотъ ударъ Дмитрію Богрову — *вѣчная память!*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

„Охранители“ и „охрана“.

Условія организаціи кіевской охраны, на которую было ассигновано 300.000 рублей, и личный составъ охранителей оказались очень благопріятными для успѣшнаго выполненія замысла Богрова.

Были четыре человѣка, на которыхъ возложили организацію и завѣдываніе всей охраны на время августовско-сентябрьскихъ торжествъ въ Кіевѣ, Полтавѣ и Черниговѣ. Общее руководство принадлежало генералу Курлову. Въ его завѣдываніи находился Спиридовичъ. Веригинъ былъ взятъ Курловымъ, якобы въ качествѣ секретаря, но фактически исполнялъ обязанности помощника Курлова и представителя департамента полиціи. Наконецъ, Кулябко принималъ участіе въ организаціи охраны по должности своей начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія.

Кто такіе эти четыре человѣка и какъ была организована охрана всѣмъ уже достаточно извѣстно. Но для полноты картины мы все таки приводимъ это извѣстное, составленное по газетнымъ сообщеніямъ.

Генералъ Курловъ.

Сынъ нижегородскаго воинскаго начальника, Павелъ Григорьевичъ Курловъ началъ свою карьеру щеголеватымъ гвардейскимъ офицеромъ. Затѣмъ, окончивъ курсъ въ военно-юридической академіи и, прослуживъ короткое время въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, перешелъ на должность товарища прокурора костромского окружного суда, а затѣмъ занялъ мѣсто товарища прокурора московской судебной палаты, гдѣ

и обратилъ на себя вниманіе покойнаго великаго князя Сергѣя Александровича. Послѣ этого ворота его карьеры распахнулись... Но широкимъ кругамъ общества генералъ становится извѣстнымъ только въ 1905-1906 гг. Покинувъ ряды магистратуры и перейдя на службу въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, онъ въ 1903 году занимаетъ должность курскаго вицегубернатора, гдѣ устраиваетъ великолѣпное сраженіе противъ школьниковъ, разбиваетъ дѣтей въ пухъ и прахъ, а вслѣдъ затѣмъ, въ іюнѣ 1905 г., въ чинѣ ст. сов., назначается исп. должн. минскаго губернатора. Въ это время Курлову было 45 лѣтъ. Попасть въ 45 лѣтъ въ губернаторы, да еще въ неземскую губернію, какою до послѣдняго времени была минская, — не рѣдкость: сравнительно многіе въ служебномъ мірѣ достигаютъ въ эти годы губернаторства. Губернаторствуютъ 10-15 лѣтъ и затѣмъ уходятъ въ сенатъ, въ совѣтъ мин. вн. дѣлъ или въ отставку. Но Курлову судьба судила иначе, и съ 1905 г. начинается его быстрое возвышеніе. Въ это время въ Минскѣ было, конечно, то же, что и вездѣ: революція, митинги, забастовки. Но не вездѣ губернаторы Курловы. Когда, какъ и вездѣ, массы вышли на улицу и на площади передъ вокзаломъ собралась большая толпа, Курловъ послалъ войска, окружилъ толпу и сталъ ее разстрѣливать. Онъ не издалъ приказа, подобно своему знаменитому современнику ген. Трепову: „патроновъ не жалѣть“. Но онъ далъ „инструкцію“: не щадить. Сотни убитыхъ и раненыхъ. Общее возмущеніе. Мѣстный прокуроръ издаетъ постановленіе объ арестѣ губернатора. Курловъ отвѣчаетъ на него постановленіемъ объ арестѣ прокурора. Неслыханный скандалъ. Взаимно арестованные жалуются въ Петербургъ. Происходитъ „бесѣда“ между Дурново и Акимовымъ. Первый побѣждаетъ. Прокурора убираютъ...

Еще ступень къ карьерѣ: въ Курлова бросаютъ бомбой. Курловъ какъ-бы въ отместку революціонерамъ начинаетъ терроризировать мирное населеніе.

Минская дѣятельность Курлова вызвала двоякую оцѣнку въ Петербургѣ: одни доказывали, что онъ дѣйствовалъ вызывающе, и отсутствіемъ такта и закономѣрности обострилъ положеніе. Говорили, что Курловъ „куралесилъ“; другіе утверждали, что

онъ выказалъ распорядительность, рѣшительность и смѣлость. Наконецъ, черезъ шесть мѣсяцевъ по вступленіи на мѣсто испр. должн. минскаго губернатора Курлова, „этого невозможнаго господина“, убираютъ изъ Минска и назначаютъ членомъ совѣта министра вн. дѣлъ. Въ правыхъ салонахъ, гдѣ его называютъ „жертвою новаго режима“, онъ сдѣлался героемъ дня и сумѣлъ ловко учесть отношеніе къ нему лѣвыхъ газетъ. Образованный и способный человѣкъ, онъ не могъ раздѣлять крайности ультра-правыхъ, но онъ расчелъ, что выгодно сѣсть на чернаго коня и этотъ конь оказался быстроногимъ и умчалъ его высоко.

Вскорѣ послѣ Минска Курловъ исполняетъ обязанности кіевскаго губернатора. Здѣсь, собственно и началась его широкая государственная дѣятельность: здѣсь же она и кончилась. Кіевъ отплатилъ Курлову полной монетой за безчеловѣчность, за разгулъ, за превышеніе власти. Эпоха кіевскаго сидѣнія Курлова ознаменовалась такими дебошами въ губернаторскомъ домѣ и такой опричниной въ краѣ, что память о нихъ сохранилась и поднесь. Курлова вынуждены были убрать и изъ Кіева. Но люди съ „желѣзной волей“ цѣнились. Его помѣстили въ департаментъ полиціи вице-директоромъ. На него сыплются награды и повышенія: онъ получаетъ отвѣтственныя командировки, его производятъ въ дѣйств. ст. сов., онъ жалуется въ шталмейстеры. Но вскорѣ онъ вынуждается покинуть и департаментъ полиціи, вслѣдствіе столкновеній съ директоромъ департамента М. И. Трусевичемъ. Проходитъ немного времени и при смѣнѣ новыхъ лицъ Курловъ вновь выплываетъ. Онъ назначается начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, пріобрѣтаетъ репутацію твердаго администратора. Имя Курлова стало вытѣснять имена Трепова, Дурново.

Въ 1909 году его „всучили“ Столыпину, какъ въ свое время Булыгину „всучили“ Трепова. Курлова обезпечили такъ же, какъ и Трепова, — обезпечили отъ начальства, отъ контроля.

Курловъ — фактическій министръ полиціи. Онъ становится во главѣ всей охранной полиціи имперіи, онъ — товарищъ министра вн. дѣлъ, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, свиты его величества генералъ-майоръ, а вскорѣ и ге-

нералъ-лейтенантъ. Департаментъ полиціи находится у него въ полномъ подчиненіи. Онъ получаетъ особыя полномочія по охранѣ во время поѣздокъ высокихъ особъ и мало по малу становится не только совершенно независимымъ отъ своего номинальнаго шефа, министра внутреннихъ дѣлъ, но и ведетъ свою особую линію. „Олицетворяя въ себѣ весь режимъ (полицейскій) — пишетъ въ „Русскомъ Словѣ“ Баянъ, бывшій товарищъ Курлова по школѣ, — Курловъ имѣлъ право воскликнуть: l'état — c'est moi! Восклицалъ ли онъ такъ,— не знаю. Но знаю, что онъ не стѣснялся. Когда то Дурново, приревновавшій одну даму къ одному послу, распорядился произвести у своего соперника „выемку“ писемъ своей возлюбленной (за что былъ исключенъ со службы и аттестованъ знаменитой резолюціей Александра III). Курловъ обыскивалъ и „вынималъ“ у всѣхъ, кто ему мѣшалъ. У одного моего знакомаго онъ произвелъ обыскъ исключительно съ цѣлью конфисковать письма гр. Витте, у другого искалъ другихъ писемъ. Былъ моментъ, когда онъ хотѣлъ „обыскать“ самаго Столыпина. Но тотъ принялъ „мѣры“. Объ этихъ „мѣрахъ“ писали въ „Нов. Вр.“ и въ „Гражданинѣ“. Близкія къ покойному премьеру лица, увѣряли, что у Столыпина было собрано цѣлое „досье“ противъ Курлова, „досье“ изъ оплаченныхъ и неоплаченныхъ счетовъ экс-сановника. Въ этомъ „досье“ были еще и другіе документы. Они раскрывали связи Курлова съ враждебными Столыпину правыми организаціями. Характеръ этихъ связей выяснился теперь: Курлову давали деньги. Имя Полубояриновой, взыскавшей съ Курлова крупныя суммы, говоритъ само за себя. Эта прекрасная дама (по другимъ версіямъ — ростовщица), очевидно, не довѣрила бы Курлову своихъ капиталовъ, если бы *)... Секретъ этого „если бы“ унесъ въ могилу П. А. Столыпинъ“.

---

*) Въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 21 іюня 1912 г. были помѣщены нѣкоторыя объясненія ген. Курлова по поводу обвинительныхъ пунктовъ доклада сен. Трусевича, гдѣ, между прочимъ, ген. Курловъ затронулъ и происхожденіе его денежныхъ обязательствъ г-жѣ Полубояриновой. Это происхожденіе объяснялось такъ:

„Три года назадъ ген. Курлову пришлось поручиться за своего школьнаго товарища П. М. Андреева, который занялъ деньги у

У ген. Курлова всегда была привычка къ широкому образу жизни. Но личныхъ средствъ у него не было. Когда въ самомъ началѣ 900-хъ годовъ онъ былъ товарищемъ прокурора, уже говорили о его долгахъ. Когда же въ концѣ 1905 года онъ уѣзжалъ изъ Минска, его вещи были описаны за долги. Но его вліятельное положеніе открываетъ ему кредитъ, и въ его распоряженіи большія казенныя суммы. Кромѣ того, онъ всегда говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ съ крупными аристократическими связями. Приданое жены своей, дочери богатаго ярославскаго фабриканта Вахрамѣева, онъ проживаетъ быстро.

Послѣ паденія Курлова стали открываться тѣ источники, изъ которыхъ онъ черпалъ средства для такой широкой жизни. Взысканія по векселямъ сыпались, какъ изъ рога изобилія. Здѣсь были суммы, начиная съ одной-двухъ тысячъ и кончая 135 тысячами. Это — одинъ источникъ доходовъ ген. Курлова, а о другомъ только догадываются въ связи съ фактомъ установленія ген. Курловымъ особаго порядка въ расходованіи средствъ, ассигнованныхъ на кіевскую охрану во время кіев-

---

издательницы „Русскаго Знамени“ г-жи Полубояриновой. П. М. Андреевъ запутался въ дѣлахъ, благодаря неудачнымъ спекуляціямъ съ какимъ-то крупнымъ заводомъ, и г-жа Полубоярипова предъявила искъ къ Курлову“.

Однако 24 іюня выяснилась „маленькая“ ошибка. Редакція „Русскаго Слова“ 23 іюня получила отъ школьнаго товарища Курлова, П. М. Андреева, слѣдующую телеграмму:

„Вильна, 23, 6. Въ № 93 вашей газеты, въ телефонной корреспонденціи изъ Петербурга о генералѣ Курловѣ, между прочимъ, указано, что три года назадъ генералу Курлову пришлось поручиться за своего школьнаго товарища П. М. Андреева, который занялъ деньги у г-жи Полубояриновой. П. М. Андреевъ запутался въ дѣлахъ, благодаря неудачнымъ спекуляціямъ съ какимъ-то крупнымъ заводомъ, и г-жа Полубоярипова предъявила искъ къ генералу Курлову. *Прошу напечатать, что я денегъ у Полубояриновой не занималъ, по ея векселямъ я состою поручителемъ ген. Курлова, а не онъ ручался за меня.* Никакихъ спекуляцій съ крупнымъ заводомъ я никогда не производилъ, и дѣла мои никогда запутаны не были. Прошу другія газеты, помѣстившія тѣ же свѣдѣнія, напечатать мое заявленіе.

Петръ Михайловичъ Андреевъ.

скихъ торжествъ. Причемъ особенно страннымъ кажется то обстоятельство, что за періодъ съ 10 іюня (время ассигнованія) до 26 іюля 1911 года, когда у Курлова находилось на рукахъ 35.000 руб., на охрану было истрачено всего 454 р. 20 коп., а своихъ частныхъ долговъ за это время Курловъ уплатилъ на сумму свыше 16.000 руб.

М. Н. Веригинъ.

Воспитанникъ училища правовѣдѣнія, Веригинъ не избралъ подобно остальнымъ питомцамъ этой школы карьеры по судебному вѣдомству и не причислился ни къ одной изъ министерскихъ канцелярій, а предпочелъ поступить (въ 1898 г.) въ департаментъ полиціи. Въ началѣ онъ былъ тамъ совсѣмъ незамѣтнымъ чиновникомъ. Но когда переѣхалъ въ Петербургъ Рачковскій, этотъ послѣдній обратилъ вниманіе на маленькаго чиновника и постарался приблизить его къ себѣ. Между прочимъ, Рачковскій предложилъ Веригину давать уроки его сыну. Съ этого времени Веригинъ дѣлаетъ карьеру чрезвычайно быстро, не въ примѣръ другимъ сослуживцамъ. 1 іюля 1906 г. онъ уже исполнялъ отвѣтственныя обязанности секретаря при директорѣ департамента полиціи. 6 декабря того же года ему пожаловано званіе камеръ-юнкера высочайшаго двора. Съ назначеніемъ же генерала Курлова (1 января 1909) товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Веригинъ становится однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ. Веригина прикомандировываютъ къ Курлову въ качествѣ личнаго секретаря; всего лишь три недѣли спустя (24 января) послѣ назначенія Курлова, Веригину увеличено содержаніе на 1200 рублей въ годъ; черезъ мѣсяцъ онъ былъ повышенъ въ 5-й классъ по должности чиновника особыхъ порученій. Генералъ Курловъ составилъ себѣ о Веригинѣ такое высокое мнѣніе, какое о немъ имѣлъ Рачковскій. Благодаря этому, въ февралѣ 1910 г. спеціально для Веригина была создана новая (пятая) должность вице-директора департамента полиціи, которая была упразднена послѣ увольненія Веригина въ 1911 году. Одновременно за Веригинымъ было сохранено завѣдываніе и секретарской частью. Неоднократно поднимался также вопросъ о

пожалованіи Веригина званіемъ камергера высочайшаго двора. Послѣдній разъ съ подобной просьбой обратился къ Столыпину дворцовый комендантъ, генералъ-адъютантъ Н. А. Дедюлинъ. Это было въ Кіевѣ, въ августѣ 1911 года, всего лишь за нѣсколько дней до покушенія на Столыпина.

Въ силу сосредоточенія въ рукахъ Веригина нѣсколькихъ должностей, создалось совершенно особое положеніе его въ департаментѣ полиціи. Оказывая генералу Курлову многочисленныя услуги по вексельнымъ операціямъ и опираясь на личныя къ нему отношенія, Веригинъ держался чрезвычайно заносчиво не только по отношенію къ своимъ сотоварищамъ по службѣ, но и къ своему непосредственному начальству. Онъ позволялъ себѣ манкировать возложенными на него обязанностями, и когда это ему ставилось на видъ, онъ отвѣчалъ, что занятъ особыми дѣлами по другой изъ своихъ многочисленныхъ должностей или же что занятъ спеціальными порученіями генерала Курлова.

Веригинъ выставлялъ себя человѣкомъ очень освѣдомленнымъ въ намѣреніяхъ высшаго правительства и пріобрѣлъ исключительное вліяніе въ департаментѣ. Про него говорили, что онъ дѣлаетъ погоду въ названномъ учрежденіи и сравнивали его вліяніе съ вліяніемъ Рачковскаго. Ему поручались наиболѣе отвѣтственныя функціи по надзору и организаціи розысковъ и охраны, хотя этими дѣлами въ департаментѣ Веригинъ не завѣдывалъ. Съ 1909 года ни одно высочайшее путешествіе не обходилось безъ командированія Веригина для принятія мѣръ охраны. Подобныя порученія оказывались для Веригина далеко не безвыгодными. Въ 1910 году онъ получилъ добавочнаго содержанія свыше 4500 рублей и за девять мѣсяцевъ 1911 года — около 2800 рублей. Кромѣ того, въ заграничныхъ поѣздкахъ Веригинъ снабжался значительными средствами, съ правомъ почти безконтрольнаго ихъ употребленія. Деньгами этими Веригинъ пользовался дѣйствительно безконтрольно; такъ, напримѣръ, изъ отпущенныхъ ему при поѣздкахъ въ 1910 году въ Германію денегъ имъ не представлено оправдательныхъ документовъ на сумму 54.347 руб., а 1200 руб. истрачено безъ показанія назначенія этого расхода...

Полковникъ Спиридовичъ.

Полковнику Спиридовичу 39 лѣтъ. Онъ окончилъ Павловское военное училище. Офицеромъ состоитъ съ 1891 г. До 31 декабря 1899 года служилъ въ 105 пѣхотномъ Оренбургскомъ полку, а затѣмъ съ чиномъ поручика поступилъ въ корпусъ жандармовъ. Первые три года службы въ этомъ корпусѣ онъ находился въ распоряженіи начальника московскаго охраннаго отдѣленія, извѣстнаго Зубатова, вѣдавшаго тогда политическимъ розыскомъ во всей имперіи. Спиридовичъ сумѣлъ войти въ довѣріе къ Зубатову и часто получалъ командировки, сопряженныя съ ликвидаціей различныхъ революціонныхъ предпріятій, арестомъ тайныхъ типографій и т. д. Имъ между прочимъ была захвачена 23 сентября 1901 г. на переселенческомъ пунктѣ въ г. Томскѣ подпольная типографія партіи соціалистовъ-революціонеровъ, организованная А. Аргуновымъ, Е. Колосовымъ и др. Въ этой типографіи печатался № 3 центральнаго органа партіи „Революціонная Россія“. Свѣдѣнія объ этой типографіи были получены Зубатовымъ отъ Азефа, наблюденіе же за участниками ея велось подъ непосредственнымъ руководствомъ Спиридовича. Въ 1901 г. Спиридовичъ былъ назначенъ начальникомъ кіевскаго охр. отд., въ каковой должности пробылъ до 1905 г. О дѣятельности Спиридовича въ Кіевѣ краснорѣчиво разсказываетъ въ извѣстной своей запискѣ знаменитый генералъ Новицкій. „Полковникъ Спиридовичъ — пишетъ онъ — ненавидимъ былъ полиціею и всѣми офицерами жандармскаго управленія: исключенъ изъ среды офицерской и ничего не имѣлъ общаго съ остальными офицерами жандармскаго управленія“. Далѣе онъ отмѣчаетъ произвольные обыски, которые устраивалъ Спиридовичъ безъ вѣдома начальника жандармскаго управленія, а также говоритъ о многочисленныхъ арестахъ безъ составленія постановленія о задержаніи. Агенты Новицкаго сообщали, что „сотрудники“ Спиридовича занимаются провокаціей среди фабрично-заводскихъ рабочихъ, подстрекаютъ ихъ къ забастовкамъ и распространяютъ прокламаціи, печатавшіяся въ тайныхъ зубатовскихъ типографіяхъ. Ген. Новицкій утверждаетъ, что Спиридовичъ и Зубатовъ знали о готовившихся покуше-

ніяхъ на мин. вн. дѣлъ Сипягина и уфимскаго губернатора Богдановича. Организаторы этихъ покушеній — Мельниковъ и Гершуни, — скрывались до этого въ Кіевѣ, гдѣ и подготовляли террористическіе акты. Имъ обоимъ, по словамъ Новицкаго, сознательно дали возможность выѣхать изъ Кіева. Они были задержаны въ Кіевѣ Спиридовичемъ уже послѣ убійства Сипягина и Богдановича, когда было объявлено, что за ихъ задержаніе департаментомъ полиціи назначена крупная денежная награда.

Въ 1905 году Спиридовичъ былъ тяжело раненъ рабочимъ Руденко и по выздоровленіи въ 1906 году былъ командированъ въ распоряженіе дворцоваго коменданта, а черезъ годъ былъ назначенъ начальникомъ дворцовой охраны. Движеніе Спиридовича по службѣ такъ-же поразительно быстро, какъ и всѣхъ его товарищей по кіевскому дѣлу и даже въ корпусѣ жандармовъ является совершенно исключительнымъ явленіемъ. Такъ, напримѣръ, 6 декабря 1901 года онъ былъ произведенъ въ штабъ-ротмистры и получилъ орденъ св. Станислава 3-ей степеня; 6 декабря 1902 года произведенъ въ ротмистры; черезъ годъ онъ уже подполковникъ и имѣетъ орденъ св. Станислава 2-ой степени на шею; въ 1906 году Анны 2-ой степени на шею. Въ 1907 году произведенъ въ чинъ полковника и въ 1909 году получаетъ Владиміра 3-ей степени на шею. Кромѣ этихъ почетныхъ наградъ онъ получалъ большія денежныя награды, общая сумма которыхъ составляетъ секретъ. „Этотъ офицеръ, читаемъ мы въ запискѣ Новицкаго, имѣя за собой всей службы ко 2-му числу іюня мѣсяца 1903 года 11 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, изъ которыхъ службѣ по корпусу всего 4 съ половиной года, дѣлается штабъ-офицеромъ безъ всякихъ особыхъ заслугъ по корпусу, что страшно возмущало офицеровъ корпуса, знавшихъ и знающихъ, что награды эти *или* при содѣйствіи ненавистнаго имъ Зубатова, уволеннаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1904 году“.

Подполковникъ Н. Н. Кулябко.

Подполковнику Кулябко 38 лѣтъ. Первоначально его карьера проходила весьма ординарно. Окончивъ юнкерское училище

въ 1892 г., онъ поступилъ подпрапорщикомъ въ 129-й Бессарабскій пѣхотный полкъ, откуда онъ былъ вынужденъ уйти черезъ три съ половиной года и затѣмъ перешелъ на службу по московской полиціи помощникомъ пристава съ переименованіемъ въ чинъ губернскаго секретаря. Однако, вскорѣ онъ былъ устраненъ и черезъ нѣкоторое время попалъ становымъ приставомъ района вблизи Ялты. Но служба по наружной полиціи улыбалась ему мало, и онъ перешелъ въ департаментъ полиціи. Бывшій начальникъ кіевскаго охраннаго отдѣленія, полковникъ Спиридовичъ, взялъ его къ себѣ въ качествѣ вольнонаемнаго писца. Спиридовичъ — братъ жены Кулябко—рѣшилъ ему покровительствовать, и въ короткое время онъ сдѣлалался „фигурой“ и ему поручили секретную агентуру. Тутъ Кулябко будто бы проявляетъ значительную энергію и сообразительность. Его прямое начальство доноситъ въ Петербургъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ, хотя по отзыву бывшаго начальника кіевскаго жандармскаго управленія, генерала Новицкаго, Кулябко не могъ быть „хоть сколько-нибудь пригоднымъ для розыскного дѣла“.

Звѣзда Кулябки взошла. Полковникъ Спиридовичъ, на котораго было покушеніе, переводится въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ Спиридовичъ устраиваетъ своего родственника Кулябко помощникомъ начальника охраны, причемъ во главѣ его становится Еременъ.

1905 годъ застаетъ Кулябко уже въ должности начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія. И черезъ нѣкоторое время департаментъ полиціи сталъ обнаруживать отсутствіе достаточнаго освѣщенія революціонныхъ организацій въ Кіевѣ. Департаментъ полиціи былъ недоволенъ дѣятельностью Кулябко. По его мнѣнію, Кулябко не обладалъ достаточнымъ знаніемъ дѣла, страдалъ незнакомствомъ съ его техникой, находился въ совершенной зависимости отъ агентовъ охраны и руководствовался ихъ указаніями. Лица, имѣвшія соприкосновеніе съ кіевскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, не безъ основанія заявляли, что фактически начальникомъ отдѣленія является не Кулябко, а Демидюкъ.

Въ 1908 г. департаментомъ полиціи была произведена ревизія кіевскаго отдѣленія. Работа Кулябки была признана

совершенно неудовлетворительной. Рѣшено было отчислить его отъ должности и прикомандировать его къ департаменту для письменныхъ занятій. Но къ этому времени ушелъ директоръ департамента М. И. Трусевичъ, и это предположеніе было оставлено. Въ 1909 г. генералъ Герасимовъ, ознакомившись съ дѣятельностью кіевскаго охраннаго отдѣленія, далъ отрицательный отзывъ о работѣ Кулябко. Департаментъ, поставивъ Кулябко на видъ допущенныя имъ упущенія, настойчиво рекомендовалъ ему ввести другую систему, но тщетно. Взошла звѣзда Курлова, и тутъ то разыгралась необычайная картина. Всесильный департаментъ полиціи долженъ былъ спасовать передъ любимцемъ Курлова. Тщетно департаментъ посылалъ Кулябко наставленія, запросы. Кулябко или совершенно не отвѣчалъ или же отвѣчалъ въ рѣзкомъ, вызывающемъ тонѣ. Мало того, Кулябко постоянно жаловался ген. Курлову на то, что департаментъ полиціи проявляетъ къ нему пристрастіе и мѣшаетъ ему работать, и департаменту приходилось давать по этому поводу объясненія, оправдываться. При одномъ объясненіи, когда (16 дек. 1910 г.) въ Петербургъ былъ вызванъ Кулябко, Курлову пришлось согласиться по провѣркѣ заявленій особаго отдѣла департамента о неуспѣшной работѣ начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія съ ихъ основательностью.

Съ момента назначенія Курлова товарищемъ министра вн. дѣлъ Кулябко быстро идетъ въ гору. Оставаясь въ занимаемой имъ должности, несмотря на отрицательныя съ точки зрѣнія департамента и даже самаго Курлова стороны своей дѣятельности, онъ все-таки получаетъ отъ Курлова отвѣтственныя порученія по организаціи охраны въ Ригѣ на время посѣщенія этого города „высокими“ особами. Въ августѣ 1909 г. Кулябко зачисленъ въ корпусъ жандармовъ и переименованъ изъ гражданскихъ чиновъ въ ротмистры, а черезъ 11 мѣсяцевъ его производятъ въ подполковники. Вниманіе Курлова къ Кулябко ростетъ crescendo. Ему предлагаютъ должность начальника московскаго охраннаго отдѣленія, но Кулябко въ виду климатическихъ условій выражаетъ желаніе остаться на югѣ. Его спрашиваютъ, не пожелалъ ли бы онъ занять должность начальника жандармскаго управленія въ Севастополѣ,

Кулябко отвѣчаетъ утвердительно. Тогда Спиридовичъ и Веригинъ всячески стараются убѣдить ген. Курлова въ необходимости смѣщенія начальника жандармскаго управленія въ Севастополѣ, полковника Попова, хотя дѣятельностью послѣдняго былъ весьма доволенъ не только департаментъ, но и самъ Курловъ.

Близость къ Спиридовичу, Веригину и Курлову, быстрые успѣхи по службѣ, — все это вскружило голову Кулябко. Онъ совершенно игнорировалъ департаментъ полиціи, высокомѣрно держался по отношенію къ кіевскому губернатору и третировалъ кіевскую полицію. Всѣ жалобы на Кулябко оставлялись безъ вниманія. И только, когда поведеніе Кулябко стало особо вызывающимъ, ген. Курловъ черезъ Спиридовича и Веригина обратился къ Кулябко съ просьбой „въ видѣ личнаго одолженія“ быть нѣсколько сдержаннѣе съ департаментомъ полиціи и мѣстными властями.

Не сдержанъ былъ Кулябко и въ отношеніи денежныхъ суммъ, попадавшихъ ему въ руки. Недостача оправдательныхъ документовъ на израсходованныя суммы, — говорятъ газеты,— обнаружилась немедленно послѣ ухода Кулябко съ поста начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія и при передачѣ дѣлъ новому начальнику. Говорили также о растратѣ 10.000 руб., данныхъ Курловымъ Кулябко для раздачи филерамъ въ видѣ наградъ послѣ полтавскихъ торжествъ. Ревизуя охрану, сенаторъ Трусевичъ обнаружилъ злоупотребленія и при расходованіи суммъ на охрану во время кіевскихъ торжествъ. Послѣднее злоупотребленіе повело за собой арестъ и преданіе суду Кулябко.

14 декабря 1912 г. Кулябко былъ приговоренъ по этому дѣлу въ крѣпость на 16 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ *).

---

*) 4 марта 1913 г. Кулябко обжаловалъ этотъ приговоръ въ сенатъ, оставившій жалобу безъ послѣдствій, но судебная палата примѣнила къ Кулябко манифестъ 21 февраля 1913 г. и сократила срокъ наказанія до 10 мѣсяцевъ и 20 дней. А вскорѣ же послѣдовало высочайшее повелѣніе сократить срокъ до 4-хъ мѣсяцевъ.

Содержаніе кіевскаго охраннаго отдѣленія обходится болѣе 100.000 рублей въ годъ; но на расходы по охранѣ „высокихъ“ особъ во время поѣздки въ августѣ и сентябрѣ 1911 года деньги брались не изъ этой общей ассигновки, а изъ спеціально ассигнованныхъ по докладу министра финансовъ въ распоряженіе деп. полиціи средствъ, изъ такъ называемаго секретнаго десяти-милліоннаго фонда — 300.000 рублей. Къ порядку расходованія этихъ денегъ примѣнялась система, введенная впервые въ практикѣ департамента генераломъ Курловымъ со времени командировки его въ 1909 году въ Полтаву и заключавшаяся въ томъ, что весьма значительную часть ассигнованныхъ денегъ онъ бралъ на руки. Курлову въ осторожныхъ выраженіяхъ указали на неудобство такой системы: зачѣмъ-де генералу держать при себѣ многотысячный авансъ, если въ любой моментъ въ распоряженіе органовъ охраны могутъ быть по телеграфу переведены необходимыя средства. Курловъ рѣшительно отвѣтилъ, что новый порядокъ установленъ имъ въ цѣляхъ безотлагательнаго производства на мѣстахъ расходовъ. Курлову не посмѣли прекословить.

10 іюня 1911 года онъ потребовалъ отъ департамента полиціи въ свое распоряженіе 25.000 рублей и, кромѣ того, приказалъ выдать вице-директору департамента полиціи Веригину „на агентурныя надобности“ 10.000 рублей. Затѣмъ 29 іюля Курловъ взялъ изъ департамента полиціи 90 тысячъ рублей, а впослѣдствіи ему было переведено въ Кіевъ еще 11 тысячъ рублей. Такимъ образомъ, Курловъ получилъ въ свое личное распоряженіе въ общей сложности 126.000 рублей. Однако, помимо того, что снабженіе средствами мѣстныхъ органовъ непосредственно изъ департамента при существованіи телеграфныхъ переводовъ не вызывало никакихъ затрудненій ни до назначенія Курлова, ни послѣ оставленія имъ должности тов. мин. вн. дѣлъ, практика, примѣненная генераломъ, подвергая казенныя средства случайностямъ всякаго рода, не вызывалась и требованіемъ самаго дѣла. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія фактическія справки. Въ періодъ времени съ 10 іюня по 16 іюля 1911 года у Курлова нахо-

дилось на рукахъ 35.000 руб. казенныхъ денегъ. За это время на экстренныя надобности охраны истрачено всего 454 руб. 20 коп. Затѣмъ 29 іюля Курловъ получилъ 90.000 руб. и съ этого момента до 10 сентября у него на рукахъ оставалась всегда свободная наличность, колебавшаяся между 50 и 74-мя тысячами рублей. 29 августа 1911 г. Веригинъ вернулъ въ Кіевѣ ген. Курлову 10.000 р., полученныхъ имъ на агентурныя надобности. Возвращенія этихъ денегъ потребовалъ самъ Курловъ, объяснявшій Веригину, что по случаю праздника онъ лишенъ возможности получить изъ банка деньги для удовлетворенія какихъ то экстренныхъ расходовъ. Между тѣмъ изъ отчета Курлова видно, что къ 29 августа у него на рукахъ находилось свыше 74.000 руб. и потому надобности въ деньгахъ „по случаю праздника“ у него не было. Вообще, назначеніе этихъ 10.000 р. осталось невыясненнымъ и ревизіей Трусевича, такъ какъ ни Курловъ ни Веригинъ не могли дать болѣе или менѣе удовлетворительныхъ объясненій.

Техническая сторона охраны.

Передъ началомъ кіевскихъ торжествъ Курловъ потребовалъ, чтобы все завѣдываніе охраной было поручено исключительно ему и помощнику ген. Дедюлина полк. Спиридовичу. Отъ завѣдыванія охраной былъ устраненъ департаментъ полиціи, а также генералъ-губернаторъ Треповъ.

Въ іюнѣ 1911 года Курловъ въ сопровожденіи Веригина и другихъ лицъ посѣтилъ Кіевъ, Черниговъ и Овручъ, а въ первой половинѣ августа — Севастополь и Ялту. Былъ устроенъ рядъ совѣщаній съ представителями мѣстной администраціи и охраны, какъ для выясненія организаціи необходимыхъ предпріятій, такъ и нужнаго количества чиновъ полиціи и жандармовъ, которыхъ пришлось бы выписать изъ Петербурга (общее количество агентовъ изъ Петербурга, Одессы, Варшавы и другихъ городовъ, кромѣ Москвы и Кіева, составляло 600 человѣкъ).

Ген. Курлову былъ представленъ списокъ неблагонадежныхъ лицъ, былъ разработанъ общій планъ дѣйствій по отношенію къ нимъ, учреждено особое бюро при выдачѣ билетовъ на торжества.

Вотъ тутъ то ген. Курловымъ и его помощниками по организаціи охраны и были сдѣланы — какъ утверждали оффиціальные круги — рядъ упущеній и ошибокъ, свидѣтельствовавшихъ нерѣдко объ особомъ легкомысліи, непростительномъ при выполненіи столь отвѣтственной задачи. Такъ, напримѣръ, ни въ предварительные пріѣзды ген. Курлова, Веригина и Спиридовича въ Кіевъ, ни впослѣдствіи, никто изъ нихъ съ постановкой агентуры не познакомился и фактически ея не провѣрялъ. Не взирая на явную необходимость увеличенія числа офицеровъ въ отдѣленіи, таковое было ослаблено откомандированіемъ ротмистра Нагродскаго. Вакантныя должности въ кіевскомъ охранномъ отдѣленіи не были замѣнены, не смотря на то, что на долю отдѣленія выпала усиленная работа. Кулябко попытался было возбудить объ этомъ вопросъ, но получилъ отъ ген. Курлова отвѣтъ: „денегъ нѣтъ". Этотъ разговоръ велся въ тотъ моментъ, когда у ген. Курлова на рукахъ въ безконтрольномъ пользованіи находилось около 100.000 рублей, а на содержаніе одного офицера требовалось не болѣе 250 руб. въ мѣсяцъ... Впослѣдствіи къ кіевскому охр. отд. были причислены 4 офицера, но они занимались исключительно наведеніемъ справокъ по запросамъ различныхъ учрежденій и отвлекали лишь штатныхъ чиновъ отдѣленія отъ ихъ обязанностей. Въ бюро по выдачѣ билетовъ на торжества царила полная неразбериха. Бывали случаи утраты театральныхъ билетовъ, замѣны ихъ приглашеніями и безконтрольнаго врученія пропусковъ неизвѣстнымъ получателямъ. Билетное бюро широко практиковало выдачу бланковыхъ неслужебныхъ пропусковъ, и потому послѣдніе оказались, напримѣръ, въ рукахъ жены Кулябко и другихъ лицъ, раздававшихъ эти билеты по своему усмотрѣнію.

Уже въ первые дни торжествъ выяснилась полная дезорганизованность охраны. По словамъ газетъ, съ момента пріѣзда Столыпина въ Кіевъ онъ совершенно не охранялся и даже, говорятъ, не всѣ изъ сопровождавшихъ его могли быть помѣщены въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Единственно, что было сдѣлано, это то, что городской голова прислалъ для министра открытый парный экипажъ. На торжествахъ всегда были сотни экипажей и объ экипажѣ предсѣдателя совѣта министровъ

никто не заботился: лицамъ, которыя при немъ находились, приходилось заблаговременно выискивать этотъ экипажъ, причемъ охрана заявляла, что экипажъ министра вовсе не долженъ находиться близко къ царскому кортежу, т. е. быть въ предѣлахъ охраны. П. Столыпинъ былъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ, а въ самый домъ свободно допускался всякій, кто только хотѣлъ. Только послѣ усиленныхъ настояній близкихъ лицъ порядокъ былъ измѣненъ и установленъ контроль приходившихъ. Охраны самого министра все-таки никакой не было. Въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, не было установлено даже дежурства офицера полиціи. Адъютанту П. А. Столыпина стоило большого труда добиться, чтобы для охраны Столыпина изъ огромнаго штата кіевской охраны было выдѣлено три жандарма. Когда представители правыхъ организацій предложили свои услуги по организаціи охраны, отъ нихъ потребовали списка лицъ, готовыхъ войти въ составъ добровольной охраны. Такіе списки были предсгавлены, при чемъ въ нихъ было перечислено около двухъ тысячъ человѣкъ. Скоро списки были возвращены обратно. Въ числѣ вычеркнутыхъ изъ списковъ лицъ оказались, по упорно циркулировавшимъ въ Кіевѣ слухамъ, депутаты графъ Владиміръ Бобринскій, Гижицкій и членъ Государственнаго Совѣта Д. И. Пихно. Какими соображеніями руководилась охрана по отношенію къ этимъ лицамъ, неизвѣстно. Но изъ ревизіи Трусевича стало извѣстно, что Кулябко широко практиковалъ выдачу билетовъ на участіе въ „Народной Охранѣ“ патентованнымъ преступникамъ (на графахъ Бобринскихъ и Пихно много преступленій, конечно; но охранять „высокихъ“ особъ, очевидно, должны были преимущественно лица, хотя бы съ маленькимъ, но опредѣленнымъ уголовнымъ прошлымъ). Одинъ изъ такихъ билетовъ былъ обнаруженъ у арестованнаго по распоряженію департамента полиціи, давно разыскивавшагося по подозрѣнію въ участіи въ шайкѣ грабителей — Франца Павлоки (Павлякъ). Павлоки, по словамъ Бакая *), организаторъ шайки воровъ и мошенниковъ: Гутовскаго, Санковскаго и прости-

*) „Вятская Рѣчь“, 23 янв. 1912 г., № 23.

тутки Звѣржинской, которая при активномъ содѣйствіи надзирателя отдѣленія Дребнева, однажды въ одну ночь совершила 14 грабежей и вымогательствъ, о чемъ приставомъ 8 участка города Варшавы Захарко былъ составленъ рядъ протоколовъ.

Инструкціи, полученныя полиціей, были настолько неопредѣленны и не состоятельны, что полиція иногда не пропускала на улицѣ экипажа П. А. Столыпина, и ей надо было объяснять, что ѣдетъ предсѣдатель совѣта министровъ, а съ другой стороны — даже предсѣдателя совѣта министровъ предупреждали, что слѣдуетъ выѣзжать за полтора часа, такъ какъ затѣмъ будетъ закрытъ проѣздъ. П. Столыпинъ отвѣтилъ, что за полтора часа онъ ѣздить не станетъ. Въ экипажѣ передвигаться было очень трудно: въ Кіевѣ улицы крутыя, приходилось подниматься въ гору, экипажъ шелъ медленно и тогда по настоянію лицъ, сопровождавшихъ Столыпина, послѣ долгихъ переговоровъ былъ перемѣненъ способъ движенія, былъ вызванъ автомобиль охраннаго отдѣленія, которымъ управляли агенты охраны и ѣздили по маршруту, указанному ими.

Какъ была организована охрана въ театрѣ и кто туда пропускался, можно судить по тому, что лица, сопровождавшія Столыпина, до послѣдняго момента не имѣли входныхъ билетовъ. Находившійся при Столыпинѣ офицеръ получилъ вмѣсто билета какую то карточку за написаннымъ номеромъ. Въ то время, когда самъ министръ имѣлъ мѣсто № 5, въ первомъ ряду, его адъютанту дали мѣсто № 52, въ третьемъ ряду. Но лучше всего то, что, когда этотъ офицеръ явился къ своему мѣсту, оно оказалось занятымъ полковникомъ болгарской свиты. Офицеръ, какъ говорили, пошелъ выяснять недоразумѣніе къ распорядителю, но въ театральной книгѣ его фамиліи вовсе не было отмѣчено. Тогда вмѣсто занятаго кресла офицеру было дано мѣсто 57, уже совершенно въ другомъ проходѣ.

Таковы были люди, охранявшіе „высокихъ“ особъ и такова была „охрана“. Этими людьми и этими условіями умѣло воспользовался Богровъ и тѣмъ обезпечилъ себѣ успѣхъ въ своемъ дѣлѣ.

II.

«Дѣло ген. Курлова, полк. Спиридовича, подполк. Кулябко и ст. сов. Веригина».

По поводу убійства Столыпина въ Государственную Думу были внесены три запроса.

Въ засѣданіи 16 ноября 1911 года министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ давалъ на нихъ отвѣтъ, въ которомъ категорически утверждалъ, что правительство имѣетъ намѣреніе „пролить на это дѣло самый яркій свѣтъ“ и что оно „ничего въ этомъ дѣлѣ скрывать не намѣрено“.

„Россія“ отъ имени правительства дала опредѣленныя обѣщанія выяснить и исчерпать кіевскій вопросъ до дна и довести виновныхъ чиновниковъ охраны до суда, какъ-бы эти чиновники высоко по іерархической лѣстницѣ не стояли.

Послѣ продолжительныхъ преній по запросамъ 30 ноября 1911 г. Государственная Дума приняла слѣдующую резолюцію, предложенную фракціей 17-го октября: „Выслушавъ объясненія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и выражая увѣренность, что правительство подвергнетъ отвѣтственности по суду тѣхъ должностныхъ лицъ, виновность коихъ выяснится въ дѣлѣ объ убійствѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и безотлагательно приступитъ къ коренной реорганизаціи политической полиціи съ подчиненіемъ ея дѣятельности на мѣстахъ губернаторамъ, градоначальникамъ и прокурорскому надзору, — Госуд. Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.“

Мы уже говорили выше, что правительство не сдержало своихъ обѣщаній, а Государственная Дума обманулась въ своихъ ожиданіяхъ.

Привлеченіе Курлова, Веригина, Спиридовича и Кулябко къ суду — поучительная страничка изъ исторіи правового поло-

ложенія страны и безъ этой странички было бы не полно событіе 1-го сентября.

Мы приводимъ здѣсь составленное нами по газетнымъ описаніямъ „дѣло ген. Курлова, полк. Спиридовича, подп. Кулябко и ст. сов. Веригина“ — и читатель самъ прослѣдитъ, какъ отъ обвиненія въ соучастіи въ убійствѣ Столыпина генералъ Курловъ перешелъ въ кандидаты на сенаторское кресло.

20-го марта въ 1-мъ деп. Гос. Совѣта былъ разсмотрѣнъ докладъ сенатора М. М. Трусевича о произведенномъ имъ разслѣдованіи обстоятельствъ убійства П. А. Столыпина. Изложивъ подробно обнаруженныя имъ обстоятельства, сенаторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію.

Оцѣнка распоряженій должностныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ осуществленіи мѣръ охраны во время кіевскихъ торжествъ, приводитъ къ заключенію, что вслѣдствіе допущенія Мордки Богрова въ садъ купеческаго собранія 31 августа и на парадный спектакль въ городской театръ 1 сентября 1911 года возникала чрезвычайная опасность для Его Императорскаго Величества, и Богровъ получилъ возможность выполнить свое злодѣяніе въ отношеніи покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ. Описанное положеніе, въ которомъ оказался Богровъ, создалось при участіи должностныхъ лицъ, въ виду чего распоряженія ихъ въ этой области должны быть отнесены къ числу наруженій, имѣвшихъ весьма важныя послѣдствія.

Что касается до товарища министра вн. д., командира корпуса жандармовъ, шталмейстера Высоч. двора, ген.-лейт. Курлова, исполняющаго обязанности вице-директора департамента полиціи, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, статскаго совѣтника Веригина, и находящихся въ отставкѣ, начальника подвѣдомственной дворцовому комитету охранной агентуры, полковника отдѣльнаго корпуса жандармовъ Спиридовича и бывшаго начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія, подполковника того же корпуса Кулябки, то, независимо отъ обнаруженныхъ разслѣдованіемъ въ отношеніи ген. Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки наруженій

дисциплинарнаго характера, названныя четыре лица допустили превышеніе и бездѣйствіе власти, имѣвшія весьма важныя послѣдствія. Эти преступленія выразились въ томъ, что:

I. Генералъ Курловъ, статскій совѣтникъ Веригинъ, полковникъ Спиридовичъ и подполковникъ Кулябко, въ нарушеніе возложенныхъ на нихъ обязанностей по обезпеченію безопасности во время кіевскихъ торжествъ, а равно вопреки установленному порядку и существующимъ распоряженіямъ по департаменту полиціи, допустили на происходившій 1 сентября 1911 г. въ кіевскомъ городскомъ театрѣ въ Высочайшемъ присутствіи парадный спектакль помощника присяжнаго повѣреннаго Мордку Богрова, завѣдомо для нихъ политически неблагонадежнаго, что создало непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорскаго Величества и для Августѣйшей семьи, а также повлекло за собою лишеніе названнымъ Богровымъ жизни предсѣдателя совѣта министровъ, министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Столыпина.

II. Тѣ же Курловъ, Веригинъ, Спиридовичъ и Кулябко, получивъ отъ упомянутаго Богрова измышленныя имъ свѣдѣнія о прибытіи въ Кіевъ революціонной группы для совершенія террористическихъ посягательствъ, проявили бездѣйствіе власти, не войдя въ тщательное обсужденіе упомянутыхъ донесеній Богрова и оставивъ таковыя безъ надлежащаго изслѣдованія, что дало ему возможность осуществить задуманное имъ злодѣяніе.

III. Кромѣ того, ген. Курловъ, будучи своевременно освѣдомленъ о несоотвѣтствіи подполковника Кулябко занимаемой имъ должности начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія, о неудовлетворительномъ положеніи розыска въ этомъ учрежденіи, а равно о недостаточности личнаго его состава для выполненія предстоявшей по случаю означенныхъ торжествъ работы, не только не принялъ мѣръ къ устраненію указанныхъ непорядковъ, но и возложилъ на подполковника Кулябко выходившія изъ круга его прямыхъ обязанностей порученія по организаціи и завѣдыванію наружною охраною, причемъ не освободилъ начальника охраннаго отдѣленія отъ исполненія таковыхъ даже и послѣ полученныхъ отъ Богрова свѣдѣній первостепенной важности, требовавшихъ тщательной провѣрки.

IV. Подполковникъ Кулябко, вопреки установленному порядку и изданнымъ по департаменту полиціи распоряженіямъ, допустилъ 31 августа 1911 г. упомянутаго Богрова, завѣдомо для него, Кулябки, политически неблагонадежнаго, въ садъ купеческаго собранія на торжество въ высочайшемъ присутствіи, чѣмъ создалъ явную опасность для священной особы Его Императорскаго Величества, такъ какъ Богровъ, замыслившій уже террористическій актъ и вооруженный револьверомъ, находился на ближайшемъ разстояніи отъ пути шествія Его Императорскаго Величества.

Описанныя дѣянія, заключающія въ себѣ признаки преступленій, подлежащихъ разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, вызываютъ необходимость въ возбужденіи противъ генерала Курлова, статскаго совѣтника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко уголовнаго преслѣдованія по установленнымъ въ законѣ правиламъ.

Въ засѣданіи 1-го департамента Гос. Совѣта, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ А. А. Сабурова, помимо членовъ департамента, участвовали министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ и за министра внутр. дѣлъ товарищъ его, д. с. с. Золотаревъ.

При выясненіи дальнѣйшаго направленія дѣла возникъ вопросъ о томъ, какъ разсматривать дѣянія всѣхъ 4 упомянутыхъ лицъ. Являются ли они преступниками политическими или просто учинившими преступленія по должности. Политическій характеръ дѣйствій ген. Курлова и др. усмотрѣнъ въ томъ, что послѣдствіемъ ихъ явилось убійство съ политической цѣлью. Министръ юстиціи и тов. мин. вн. дѣлъ высказались въ томъ смыслѣ, что, какъ установлено разслѣдованіемъ, никакого предварительнаго уговора должностныхъ лицъ съ Богровымъ не было, и ихъ можно лишь обвинять въ томъ, что своимъ бездѣйствіемъ и небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу они дали ввести себя въ заблужденіе. Такимъ образомъ, ихъ можно обвинять только въ преступленіяхъ по должности.

Съ этимъ 1-й деп. Гос. Совѣта согласился.

Затѣмъ возникъ вопросъ, подлежатъ ли Курловъ и др. гражданскому или военному суду?

Нѣкоторые высказались за то, что дѣло подлежитъ вѣдѣнію военнаго суда, потому что трое изъ привлеченныхъ военные и притомъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ, благодаря которому дѣло въ настоящее время разсматривается въ 1-мъ деп. Гос. Совѣта, а не въ сенатѣ, — въ генеральскомъ чинѣ. Но министръ юстиціи указалъ на то, что всѣ они обвиняются въ дѣяніяхъ, совершенныхъ ими при исполненіи обязанностей полицейскихъ, а не военныхъ и что поэтому ихъ слѣдуетъ судить гражданскимъ судомъ. Съ этимъ также согласился 1-й деп. Гос. Совѣта.

Наконецъ, было отмѣчено, что сенаторъ Трусевичъ поверхностно и лишь мимоходомъ коснулся вопроса о расходованіи казенныхъ суммъ дѣятелями охраны и не выставилъ эту сторону въ своихъ заключительныхъ пунктахъ обвиненія. Между тѣмъ при разслѣдованіи дѣятельности ген. Курлова обнаружены такіе факты, какъ полученіе имъ на руки безъ всякой къ тому надобности 126.000 р. и странное совпаденіе времени распоряженія этими деньгами съ моментомъ уплаты Курловымъ его кредиторамъ личныхъ долговъ; непредставленіе Веригинымъ оправдательныхъ документовъ по расходамъ, произведеннымъ на охрану во время поѣздки высокихъ особъ въ Германію на сумму свыше 52.000 руб.

Послѣ преній постановлено затребовать объясненія отъ генерала Курлова, полковника Спиридовича, подполковника Кулябко и статскаго совѣтника Веригина по пунктамъ обвиненія, выдвинутымъ въ докладѣ сенатора М. И. Трусевича. Кромѣ того, отъ ген. Курлова, С. С. Веригина и подполковника Кулябко постановлено затребовать объясненія по поводу израсходованія суммъ, ассигнованныхъ на принятіе экстренныхъ мѣръ поохранѣ во время кіевскихъ празднествъ. Отъ полк. Спиридовича по этому пункту постановлено объясненія не требовать, такъ какъ разслѣдованіемъ установлена его неприкосновенностькъ этимъ суммамъ.

Всѣ четверо должны были представить свои объясненія въ двухнедѣльный срокъ.

Объясненія Веригина, Спиридовича и Кулябко были представлены 1-му департаменту 14 апрѣля, а Курлова — 16-го.

Сущность объясненій Курлова сводится къ слѣдующему:

Ген. П. Г. Курловъ прежде всего останавливается на вступительной части доклада Трусевича. Эта часть доклада посвящена преимущественно характеристикѣ всѣхъ четырехъ привлекаемыхъ лицъ. Характеристика эта, по мнѣнію ген. Курлова, не соотвѣтствуетъ истинѣ, — и помимо этого, онъ полагаетъ, что она едва-ли умѣстна, ибо прямого отношенія къ дѣлу не имѣетъ.

Ген. П. Г. Курловъ далѣе указываетъ на полную непричастность къ дѣлу ст. сов. Веригина и полковн. Спиридовича. Оба они, по заявленію ген. П. Г. Курлова, никакихъ офиціальныхъ порученій по охранѣ во время кіевскихъ торжествъ не получали, никакихъ секретныхъ миссій на нихъ не возлагалось, и потому ихъ привлеченіе къ отвѣтственности, по мнѣнію ген. П. Г. Курлова, совершенно необосновано.

Хотя сенаторъ Трусевичъ и утверждаетъ, что указаннымъ лицамъ, и въ особенности ст. сов. Веригину, давались какія-то порученія, но это ничѣмъ не подтверждается. Генералъ П. Г. Курловъ категорически заявляетъ, что такихъ порученій Веригину не было даваемо. Все дѣло, по его заявленію, сосредоточивается на немъ, П. Г. Курловѣ, и подп. Кулябко.

Въ оцѣнкѣ личности и дѣятельности Кулябко ген. П. Г. Курловъ рѣзко расходится съ сенаторомъ Трусевичемъ. Онъ утверждаетъ, что никакихъ серьезныхъ данныхъ и основаній для признанія его несоотвѣтствующимъ своему посту не было, и потому не было данныхъ для возбужденія вопроса о его смѣщеніи. Онъ, Курловъ, и до сихъ поръ считаетъ Кулябко вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для поста начальника охраннаго отдѣленія.

Таковымъ считали и считаютъ Кулябко губернаторы и ген.-губернаторы, при которыхъ протекала его дѣятельность; таковымъ считалъ его и самъ сенаторъ Трусевичъ, при которомъ Кулябко быстро пошелъ въ ходъ. Именно, когда Трусевичъ былъ директоромъ департамента полиціи, Кулябко былъ назначенъ начальникомъ кіевскаго охраннаго отдѣленія; при немъ же Кулябко былъ назначенъ начальникомъ всего кіевскаго района съ подчиненіемъ ему не только 8 полковниковъ, но и 2-хъ генераловъ. При немъ, Курловѣ, Кулябкѣ былъ исходатайствованъ лишь переводъ въ военные на основаніи

его прежняго пребыванія въ этомъ званіи. Правда, Кулябко не отличается талантливостью. Но этимъ не можетъ похвастать никто изъ жандармскихъ офицеровъ. Да и гдѣ ихъ взять талантливыхъ жандармовъ.

Что касается неудовлетворительности наличнаго состава кіевскаго охраннаго отдѣленія, о чемъ, онъ, Курловъ, по заявленію Трусевича, зналъ и не принималъ мѣръ, то единственное конкретное указаніе можно усмотрѣть въ томъ, что онъ, Курловъ, не поторопился взять еще одного, по счету двѣнадцатаго, офицера въ кіевское охранное отдѣленіе. Онъ этого не сдѣлалъ потому, что считаетъ, что и 11 офицерамъ нечего дѣлать въ кіевскомъ охранномъ отдѣленіи, а вовсе не потому, что пожалѣлъ 250 рублей. Если бы таковое его мнѣніе о ненадобности еще одного офицера оказалось неправильнымъ, то онъ, Курловъ, не понимаетъ, какое это имѣетъ отношеніе къ настоящему дѣлу. Вѣдь для всѣхъ необходимыхъ командировокъ офицеровъ хватило вполнѣ, а для обстоятельствъ, имѣвшихъ отношеніе къ дѣйствіямъ Богрова, это никакого значенія не имѣетъ. Ибо объ этомъ дѣлѣ, кромѣ министровъ, ни онъ, ни Кулябко, не ставили въ извѣстность никого изъ 11 офицеровъ. Не зналъ бы объ этомъ и 12-й офицеръ.

Касаясь вопроса объ отчетности суммъ, ассигнованныхъ на дѣло охраны во время кіевскихъ торжествъ, ген. П. Г. Курловъ придаетъ всему дѣлу иное освѣщеніе, чѣмъ это сдѣлалъ сенаторъ М. И. Трусевичъ.

П. Г. Курловъ, получивъ отъ А. А. Макарова сообщеніе, что отставка его принята, немедленно представилъ министру внутр. дѣлъ полный отчетъ о расходованіи спеціально ассигнованныхъ суммъ, гдѣ заявляетъ прежде всего, что сумма въ 300 тыс. руб. была ассигнована не только на охрану во время кіевскихъ торжествъ, но и на охрану по всему пути слѣдованія Высокихъ Особъ и во время пребыванія въ Ялтѣ и на возможныя командировки, сопряженныя съ этимъ путешествіемъ.

Далѣе, Курловъ утверждаетъ, что на какія-либо секретныя, неподлежащія оглашенію надобности изъ указанныхъ 300 тыс. руб. не было израсходовано ни одной копейки. Равнымъ обра-

зомъ, говоритъ Курловъ, изъ этихъ суммъ не было израсходовано имъ на свои личныя надобности ни одной копейки.

Перечисляя сдѣланные расходы, ген. Курловъ, между прочимъ, указываетъ, что 25 іюня отпущено кіевскому губернатору 300 руб., 3-го августа начальнику кіевскаго охраннаго отдѣленія — 10 тыс. руб. Ему же 19-го августа — 10 тыс. руб., 9-го сентября — 4.347 руб. 20 коп. и 10 сентября — 252 р. 80 к. Затѣмъ 7-го августа севастопольскому градоначальнику — 3 тыс. руб., 11-го сентября — 3 тыс. руб. Ген. Думбадзе (ялтинскому) 14-го августа — 500 руб. и 19-го августа — 4.500 руб. Начальнику харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор., 8-го августа — 3 тыс. руб. Начальнику севастопольскаго жандармскаго управленія, 13-го августа — 10,000 руб. Курскому губернатору, 19-го августа—500 руб., ему же—27-го сентября — 3 тыс. руб. Таврическому губернатору, 19-го августа — 1000 руб. Начальнику кременчугскаго жандармскаго управленія жел. дор., 20-го августа—800 р. и т. д., и т. д.

Лично ген. Курлову въ видѣ прогонныхъ и суточныхъ было выдано, 9-го іюня — 2.161 руб. 80 коп. и 13-го іюня — 1.634 р. 58 к., а всего 3.796 р. 38 к., а стат. сов. Веригину, 2-го іюля — 819 руб. 54 к. и 26 іюля — 1.224 р. 32 к., всего — 2.044 р. 32 коп.

Въ отчетѣ показаны всѣ расходы до мельчайшихъ, причемъ все подтверждается соотвѣтствующими документами. Отчетъ этотъ, по требованію сенатора М. И. Трусевича, былъ въ свое время, въ періодъ производства ревизіи, представленъ ему. Но сенаторъ М. И. Трусевичъ въ своемъ докладѣ объ этомъ ничего не говоритъ и, сдѣлавъ рядъ намековъ на неправильное расходованіе этихъ денегъ, оставляетъ вопросъ открытымъ.

Умолчавъ объ отчетѣ, сенаторъ въ своемъ докладѣ въ число обвинительныхъ пунктовъ вопроса о растратахъ не включилъ, не объясняя, однако, почему онъ этого не сдѣлалъ, и, не говоря ничего съ своей стороны о дѣйствительномъ производствѣ расходовъ. Между тѣмъ, изъ представленнаго отчета видно, что всѣ суммы израсходованы лишь частью въ Кіевѣ, затѣмъ по командировкамъ въ разные города, и, наконецъ, въ Ялтѣ въ теченіе долгаго времени, и притомъ исключитель-

но на содержаніе и прогоны лицъ, привлеченныхъ къ охранѣ. Для этой цѣли были затребованы жандармскіе эскадроны по одному изъ Москвы, Петербурга и Варшавы. Затѣмъ свыше 2.000 нижнихъ чиновъ при 48 офицерахъ. Весь этотъ кадръ былъ въ Кіевѣ уже 20 августа и затѣмъ примѣнялся къ дѣлу въ теченіе долгаго времени. Затребованіе денегъ на руки объясняется именно многообразіемъ порученій и многочисленностью людей. При такихъ обстоятельствахъ требовать каждый разъ большія и малыя суммы — значило тормозить успѣшное и своевременное выполненіе мѣропріятій и командировокъ, требовавшихъ часто особо спѣшнаго выполненія. П. Г. Курловъ категорически отрицаетъ какое бы то ни было распоряженіе ассигнованными для охраны деньгами для своихъ личныхъ дѣлъ. Выкупленные имъ яко-бы за счетъ этихъ денегъ векселя, на что довольно ясно намекаетъ сенаторъ Трусевичъ, оказываются вовсе не выкупленными. Свое заключеніе сенаторъ Трусевичъ вывелъ нѣсколько поспѣшно изъ того, что какъ разъ въ то время ген. Курловымъ была произведена операція переписки векселей. Векселя были оплачены. Деньги же для этой операціи ген. Курловъ взялъ у одного лица, которое и указывается.

Вообще, по вопросу о своихъ личныхъ денежныхъ оборотахъ ген. Курловъ отмѣчаетъ, что еще задолго до вступленія на постъ тов. министра внутр. дѣлъ у него были личныя и довольно большія дѣла, которыхъ онъ не оставилъ и по занятіи поста. Объ этомъ былъ освѣдомленъ лично ген. П. Г. Курловымъ министръ внутр. дѣлъ, и такимъ образомъ ген. Курловъ велъ свои дѣла съ вѣдома начальства.

Переходя къ предъявленнымъ ему обвиненіямъ, ген. П. Г. Курловъ прежде всего констатируетъ, что ни въ докладѣ сенатора Трусевича, ни въ предъявленномъ ему заключеніи Гос. Совѣта нѣтъ точной формулировки дѣяній, вмѣняемыхъ ему въ вину, не указаны даже статьи, подъ кои подходятъ вмѣняемые ему въ вину проступки.

Очевидно, что обѣ инстанціи не нашли возможнымъ остановиться даже на статьяхъ, трактующихъ о бездѣйствіи и превышеніи власти, несмотря на всю ихъ эластичность.

Единственный болѣе или менѣе фактическій моментъ можно

усмотрѣть лишь въ нарушеніи извѣстнаго циркуляра о недопущеніи такъ называемыхъ сотрудниковъ къ дѣлу непосредственнаго охраненія. Но циркуляръ этотъ изданъ М. И. Трусевичемъ еще въ то время, когда онъ былъ директоромъ департамента полиціи и исходитъ отъ департамента полиціи. Для него, П. Г. Курлова, какъ товарища министра вн. дѣлъ, завѣдующаго департаментомъ полиціи, циркуляръ подвѣдомственнаго ему учрежденія отнюдь не былъ обязателенъ, хотя онъ не отрицаетъ, что считаетъ допущеніе „сотрудниковъ“ къ охранѣ нежелательнымъ.

Въ своихъ обвиненіяхъ — указываетъ Курловъ, — сенаторъ Трусевичъ доходитъ даже до обвиненія въ томъ, что не была использована связь кухарки Богрова съ филеромъ; такое обвиненіе онъ считаетъ совершенно неумѣстнымъ.

Необоснованность обвиненія усматривается и изъ самой постановки вопроса.

Если даже допустить здѣсь незакономѣрность, то съ точки зрѣнія юридической совершенно непонятно, какимъ образомъ за это дѣяніе привлекаются одновременно: онъ, П. Г. Курловъ — начальникъ и подп. Кулябко — подчиненный. Одно изъ двухъ: если циркуляръ нарушенъ лично и самостоятельно Кулябко — онъ виноватъ; если же это сдѣлано съ вѣдома и распоряженія его, П. Г. Курлова, то какая же можетъ быть рѣчь объ отвѣтственности здѣсь Кулябки?

Между тѣмъ это единственный болѣе или менѣе основательный конкретный пунктъ обвиненія, и самъ министръ вн. дѣлъ Макаровъ съ думской трибуны отвѣтилъ, что это — единственная незакономѣрность въ кіевской драмѣ.

Но ген. Курловъ, помимо того, что считаетъ этотъ циркуляръ для себя, какъ начальника того учрежденія, которое этотъ циркуляръ издало, необязательнымъ, заявляетъ, что ни о допущеніи Богрова въ садъ купеческаго собранія и въ театръ, ни о присутствіи его въ театрѣ онъ не зналъ и доказываетъ это рядомъ ссылокъ на факты и лица.

Онъ прибылъ въ Кіевъ 14-го августа. Вскорѣ онъ, въ виду приступа остраго ревматизма, слегъ и проболѣлъ до 27-го августа, вставая въ послѣдніе дни и при помощи палки вы-

ходя иногда для наблюденія за исполненіемъ своихъ распоряженій.

Всѣ совѣщанія за это время происходили у него на квартирѣ, въ гостинницѣ. Только 1-го сентября подп. Кулябко сообщилъ, что Богровъ разсказалъ о готовящемся покушеніи и предстоящей встрѣчѣ террористовъ на Бибиковскомъ бульварѣ въ 8 час. веч. Выслушавъ внимательно докладъ, онъ, Курловъ, поручилъ Кулябко наблюдать за Богровымъ, а самъ сообщилъ обо всемъ П. А. Столыпину и Л. А. Кассо. Вполнѣ довѣрившъ все дѣло Кулябко, ген. Курловъ полагаетъ, что иначе онъ и поступить не могъ. Не могъ онъ лично заняться слѣжкой за Богровымъ, котораго ему рекомендовали, какъ человѣка толковаго и оказавшаго не мало услугъ. Да у него и слишкомъ много было дѣла.

Послѣ доклада Кулябко и послѣ того, какъ министры были поставлены обо всемъ въ извѣстность, ген. Курловъ лично выбралъ подъѣздъ для П. А. Столыпина и затѣмъ уѣхалъ къ мѣсту пребыванія Высочайшихъ Особъ, чтобы сопровождать ихъ при проѣздѣ въ театръ.

П. А. Столыпинъ пріѣхалъ въ театръ болѣе чѣмъ за полчаса до начала спектакля, когда его, П. Г. Курлова, еще въ театрѣ не было.

Когда же онъ пришелъ въ театръ, то онъ, Курловъ, уже отъ П. А. Столыпина даже, а не отъ Кулябко, узналъ, что свиданіе террористовъ на Бибиковскомъ бульварѣ не состоялось, что оно отложено и что Богровъ слѣдитъ за террористами. О томъ, что Богровъ въ театрѣ, онъ не зналъ.

Когда раздался выстрѣлъ, онъ, П. Г. Курловъ, разговаривалъ съ Кулябко. Сначала онъ не разобралъ, что значитъ раздавшійся звукъ, ибо звукъ выстрѣла изъ браунинга не производитъ такого впечатлѣнія, какъ выстрѣлъ изъ другого револьвера. Когда же публика бросилась въ залъ, то онъ тоже устремился туда и увидалъ въ проходѣ, что избиваютъ неизвѣстное ему лицо, оказавшееся Богровымъ.

Увѣренность сенатора въ томъ, что онъ, Курловъ, зналъ о нахожденіи Богрова въ театрѣ и о допущеніи Богрова съ его, Курлова, вѣдома, — послѣдній считаетъ ни на чемъ не основанной. Во время спектакля Кулябко доложилъ ему только,

что Богровъ приходилъ къ нему, Кулябкѣ, въ театръ, но онъ отослалъ его домой для наблюденія за террористами. Лично онъ, Курловъ, послѣ утренняго доклада Кулябко, во время котораго онъ впервые узналъ о готовящемся покушеніи, не могъ, конечно, заняться деталями, ибо онъ весь день, до начала спектакля, стоялъ на Крещатикѣ, лично командовалъ войсками и наблюдалъ за соблюденіемъ порядка.

Останавливаясь на самомъ актѣ, ген. Курловъ весьма детально поясняетъ, что при самой идеальной постановкѣ для охраны нѣтъ возможности предупредить всѣ терростическіе акты и особенно трудно предупредить тѣ акты, которые исходятъ отъ отдѣльныхъ лицъ или группъ, не связанныхъ съ опредѣленной организаціей. Даже такая идеально поставленная агентура, какой является французская, не могла предупредить убійство Карно.

Ген. Курловъ отрицаетъ обвиненіе его въ бездѣйствіи власти. По докладу сенатора Трусевича, говоритъ онъ, бездѣйствіе выразилось въ томъ, что онъ, Курловъ, получивъ отъ Богрова, черезъ Кулябко, измышленныя имъ свѣдѣнія о прибытіи въ Кіевъ революціонной группы для совершенія террористическихъ актовъ, не вошелъ въ тщательное обсужденіе этихъ донесеній.

Во-первыхъ, ген. Курловъ отмѣчаетъ, что пока преждевременно говорить о томъ, что сообщенія Богрова вымышлены и что никакой группы террористовъ не было.

Во всякомъ случаѣ, разъ заявленіе отъ Богрова поступило— лица, стоящія во главѣ охраны, не могли оставить его безъ вниманія, не могли также и немедленно арестовать Богрова, ибо необходимо было направить дѣятельность къ тому, чтобы обнаружить все.

Во-вторыхъ, почему же сенаторъ Трусевичъ точно не указываетъ, что онъ именно долженъ былъ сдѣлать. Вѣдь, М. И. Трусевичъ достаточно опытенъ и могъ бы точнѣе сказать, если бы зналъ, что именно надо было сдѣлать.

Дѣйствительную и серьезную вину Кулябки ген. Курловъ усматриваетъ въ томъ, что допустивъ Богрова въ театръ, онъ на мѣстѣ не командировалъ никого для наблюденія за нимъ, хотя въ театрѣ имѣлось для этого достаточно лицъ.

Упреки въ недостаточности охраны въ самомъ театрѣ опровергаются тѣмъ, что во время спектакля тамъ было поставлено 22 офицера и 95 чиновъ охраны.

Въ заключеніе ген. Курловъ приходитъ къ выводу, что для обвиненія его никакихъ данныхъ не имѣется ни въ обстоятельствахъ дѣла, ни въ добытыхъ разслѣдованіемъ данныхъ.

Объясненія Кулябки значительно короче. Онъ излагаетъ ходъ событій и указываетъ, что онъ отнюдь не могъ ожидать вѣроломства отъ Богрова. Ему приходилось работать вмѣстѣ съ Богровымъ не мало времени, и онъ всегда оказывалъ цѣнныя услуги дѣлу охраны. Характеръ дѣятельности Богрова окончательно убѣдилъ его въ полной расположенности къ дѣлу сыска. Весь ходъ дѣла до 1 сентября не давалъ никакихъ основаній ожидать на сей разъ вѣроломства. Именно этимъ Кулябко объясняетъ свое полное довѣріе къ Богрову. Правда, Богровъ послѣднее время около $1^1/_2$ лѣтъ не имѣлъ сношеній съ охраннымъ отдѣленіемъ; но это было необходимо, ибо революціонеры стали подозрѣвать Богрова, и надо было дѣятельность его временно прервать, дабы дать этимъ сомнѣніямъ улечься. Довѣрившись Богрову, онъ не приставилъ къ нему филеровъ, потому что это „было бы не этично“. Далѣе онъ заявляетъ, что всѣ шаги онъ предпринималъ съ вѣдома и разрѣшенія ген. Курлова, который былъ для него лицомъ начальствующимъ.

Никакихъ денегъ онъ не растратилъ и всѣ произведенные имъ расходы оправдываются расписками лицъ, получившихъ тѣ или другія суммы.

Объясненія Спиридовича и Веригина отличаются лаконичностью.

Оба они ни въ чемъ виновными себя не признаютъ и пытаются доказать, что ихъ роль сторонняя; никакихъ распоряженій они не отдавали и къ дѣйствіямъ Богрова, какъ и къ нему лично, никакого отношенія не имѣли.

---

23 апрѣля состоялось новое засѣданіе 1-го деп. Гос. Совѣта, на которомъ предсѣдательствующій Н. С. Таганцевъ сообщилъ о поступленіи въ департаментъ объясненій ген. Курлова, Кулябко, Спиридовича и Веригина, причемъ заявилъ, что всѣ

объясненія были представлены въ установленный срокъ. Объясненія же ген. Курлова опоздали на 2 дня, по уважительнымъ причинамъ, въ виду сложности работы.

Затѣмъ предсѣдательствующій сообщилъ, что и по существу своему, также и по обилію матеріала, дѣло представляется весьма сложнымъ.

Помимо объясненій, изъ коихъ объясненіе П. Г. Курлова очень пространно, — имѣется 9 томовъ матеріаловъ ревизіи сенатора М. И. Трусевича и обширный отчетъ П. Г. Курлова объ израсходованіи суммъ, спеціально ассигнованныхъ на охрану во время путешествія Высокихъ особъ.

Въ виду этого, Н. С. Таганцевъ полагаетъ, что слѣдовало бы изъ среды департамента избрать одно лицо, которому и поручить детально ознакомиться съ дѣломъ и составить докладъ.

Согласившись съ этимъ, 1-й департаментъ Гос. Совѣта постановилъ избрать для этой цѣли Е. Ф. Турау, на котораго и было возложено составленіе доклада.

Докладъ былъ составленъ, и 11 мая дѣло Курлова и К° было заслушано въ первомъ департаментѣ Гос. Совѣта.

Въ обстоятельномъ и подробномъ докладѣ Е. Ф. Турау, прежде всего, отмѣчаетъ, что мало придаетъ значенія не только объясненіямъ, но даже и самому докладу сенатора Трусевича.

Онъ больше всего придаетъ значеніе тому матеріалу, который былъ въ распоряженіи сенатора Трусевича и представленъ въ 1-й департаментъ Гос. Совѣта. Устанавливать изъ этихъ матеріаловъ фактъ растраты—не представляется возможности, ибо на всѣ произведенные расходы представлены росписки получавшихъ суммы лицъ. Существеннымъ и важнымъ представляется вопросъ о самой организаціи охраны во время путешествія Высочайшихъ особъ и министровъ. Съ этой точки зрѣнія дѣло представляется весьма серьезнымъ и требуетъ самаго внимательнаго отношенія. При этомъ вопросъ не должно разсматривать съ точки зрѣнія того, зналъ или не зналъ ген. Курловъ о томъ, что Богровъ допущенъ въ садъ купеческаго собранія и въ театръ. Курловъ увѣряетъ, что онъ не

зналъ; другія показанія даютъ основаніе думать, что онъ зналъ. Но центръ тяжести не въ томъ. Вѣдь если допустить, что Курловъ не зналъ, то является вопросъ, какъ же была организована охрана, если лицо, коему ввѣрена была безопасность Высочайшихъ особъ, могло не знать, что въ театрѣ находится лицо, именуемое „сотрудникомъ", а на самомъ дѣлѣ — предатель. Вѣдь лицо, стоящее во главѣ охраны, должно было знать всѣхъ, кто находится въ театрѣ, гдѣ Высокія особы находились свободно. Если бы еще Богровъ былъ переодѣтъ, скажемъ, въ военную форму. А то вѣдь онъ былъ въ штатскомъ, и, очевидно, онъ, генералъ Курловъ, если дѣйствительно не зналъ Богрова въ лицо, долженъ былъ произвести провѣрку лицъ, присутствовавшихъ въ театрѣ.

Столь исключительно серьезное положеніе, какъ нахожденіе въ театрѣ Высочайшихъ особъ и министровъ, казалось бы, обязывало его самого слѣдить за прибывающими, а не полагаться на своихъ подчиненныхъ. Ему, а не подчиненнымъ, было оказано довѣріе. А онъ всю свою дѣятельность сосредоточилъ на улицѣ, гдѣ террористу гораздо труднѣе было бы учинить свое злодѣяніе, чѣмъ въ театрѣ, гдѣ онъ могъ убить кого угодно. Какъ онъ допустилъ, чтобы въ театрѣ было неизвѣстное ему лицо, да къ тому еще человѣкъ, которому никакъ нельзя довѣрять, ибо неизвѣстно, кого онъ въ данную минуту предастъ. Въ концѣ концовъ, Богровъ былъ не что иное, какъ доносчикъ, а еще великій преобразователь Россіи говорилъ, что любитъ доносъ, но ненавидитъ доносчиковъ.

Еще ярче сказалась преступная небрежность въ томъ, что, допустивъ Богрова въ театръ, къ нему не приставили никакого наблюденія, и онъ свободно разгуливалъ по залу, выбирая жертву и имѣя полную возможность остановить свой выборъ на комъ угодно.

Еще болѣе преступнымъ и рѣшительно никакого оправданія не заслуживающимъ является тотъ фаттъ, что, получивъ столь важное и серьезное сообщеніе отъ Богрова, стоявшія во главѣ охраны лица отнеслись къ этому необычайно легкомысленно.

Предполагалось свиданіе нѣсколькихъ террористовъ, и глава

дѣла ген. Курловъ, поручивъ своему подчиненному, это какъ будто второстепенное дѣло, спокойно занялся другими дѣлами.

Если бы къ этому отнеслись внимательно, то сразу обнаружилась бы вся мистификація Богрова.

Все легкомысліе Курлова и другихъ сказывается въ томъ, что, когда въ Кіевѣ предполагались налицо террористы, ихъ всецѣло довѣрили предателю Богрову.

Что Богровъ явно мистифицировалъ, можно заключить по его собственнымъ показаніямъ на судѣ. Онъ объяснилъ, что актъ онъ выполнилъ подъ угрозой революціонеровъ. Возможно, что онъ разсчитывалъ, что его приговорятъ не къ смертной казни, и надѣялся современемъ бѣжать. Во всякомъ случаѣ, у него не было исхода.

Самая постановка охраны въ зрительномъ залѣ доказываетъ крайне невнимательное отношеніе. Правда, въ залѣ было 95 агентовъ и около 100 офицеровъ. Но они были размѣщены такъ, что преступникъ имѣлъ доступъ къ кому угодно. Докладчикъ находитъ, что наиболѣе существеннаго вопроса о проникновеніи Богрова въ театръ не исчерпываетъ ни докладъ сенатора Трусевича, ни объясненія всѣхъ 4 лицъ.

Анализируя по матеріаламъ ходъ событій, докладчикъ доказываетъ, что налицо былъ не одинъ только актъ, характеризующій бездѣйствіе власти, а рядъ дѣяній подходящихъ подъ эту категорію преступленій. Систематическое бездѣйствіе началось съ момента появленія Богрова, до того около 2 лѣтъ не работавшаго въ охранномъ отд., бывшаго, стало быть, внѣ поля зрѣнія начальника охраннаго отдѣленія.

Объ этомъ періодѣ дѣятельности Богрова никакихъ свѣдѣній охранное отдѣленіе не имѣетъ. И подозрительность, которая прежде всего обязательна для охранниковъ, на сей разъ по совершенно непонятнымъ соображеніямъ, отпала. Богрову оказываютъ такое довѣріе, что всѣ его шаги и разсказы принимаютъ за аксіому. Ему всецѣло довѣряютъ. Эта неумѣстная довѣрчивость доходитъ даже до того, что когда Богровъ, послѣ столь важныхъ сообщеній, исчезаетъ на 2 дня, это ничуть никого не тревожитъ.

Выдѣленіе Спиридовича и Веригина въ группу невиновныхъ, какъ это дѣлаетъ Курловъ, неосновательно. Нѣтъ никакого

сомнѣнія въ томъ, что такое серьезное дѣло, какъ готовящійся террористическій актъ, было предметомъ общаго обсужденія и было бы, пожалуй, еще болѣе преступно, если бы они не заинтересовались всѣми деталями.

Многое въ дѣлѣ осталось невыясненнымъ, но наличность бездѣйствія, повлекшаго весьма тяжкія послѣдствія, неоспорима. И потому докладчикъ настаиваетъ на назначеніи предварительнаго слѣдствія.

Присутствовавшіе въ засѣданіи министры юстиціи и внутр. дѣлъ присоединились къ докладчику. Оба они указали на совершенно непростительное бездѣйствіе. А. А. Макаровъ прибавилъ, что дѣло охраны Высокихъ особъ въ Кіевѣ во время торжествъ, да и вообще все охранное дѣло въ Кіевѣ поставлено было очень скверно.

Предварительное слѣдствіе, по его мнѣнію, необходимо для выясненія не только преступности указанныхъ лицъ, но и всей постановки охраны въ Кіевѣ, которая представляется очень запутанной для него, не спеціалиста въ этомъ дѣлѣ.

Пренія, происходившія подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, отняли немного времени, которое почти цѣликомъ (около 3 часовъ) ушло на докладъ.

Единогласно постановлено назначить надъ дѣйствіями всѣхъ четырехъ предварительное слѣдствіе по ст. 3339 и 2-й ч. 341 статьи.

И въ іюнѣ послѣдовало утвержденіе сенатора Шульгина слѣдователемъ.

Въ ноябрѣ слѣдствіе было закончено и 11 декабря дѣло Курлова и К° снова было поставлено на обсужденіе 1-го деп. Гос. Совѣта. Предсѣдательствовалъ А. А. Сабуровъ. Докладчикомъ выступилъ опять Е. Ф. Турау. Въ засѣданіи присутствовало 11 членовъ 1-го департамента: Б. В. Штюрмеръ, А. Г. Булыгинъ, Н. А. Мясоѣдовъ, П. П. Кобылинскій, Н. С. Таганцевъ, Н. Э. Шнеманъ, егермейстеръ Толь, Стишинскій, Манухинъ, Турау и Сабуровъ (Н. А. Звѣревъ не явился),

мин. вн. дѣлъ А. А. Макаровъ и тов. мин. юстиціи А. Н. Веревкинъ.

Докладчикъ заявилъ, что произведенное сенаторомъ Н. З. Шульгинымъ слѣдствіе подтвердило большинство данныхъ, добытыхъ разслѣдованіемъ М. И. Трусевича. Въ общемъ же слѣдствіе сенатора Шульгина отличается большей опредѣленностью и яркостью, свидѣтельскія показанія представлены въ болѣе обширномъ видѣ. Сенатору Шульгину удалось возстановить все показаніе Богрова, данное имъ въ военно-окружномъ судѣ. Показаніе это въ протоколъ военно-окружного суда внесено не было, и сенатору Шульгину пришлось возстанавливать его путемъ допроса присутствовавшихъ въ судѣ лицъ.

Показаніе это излагаетъ ходъ сношеній Богрова съ чинами охраны и обстоятельства, предшествовавшія покушенію въ театрѣ, совершенно въ такомъ видѣ, какъ это излагалось въ газетахъ на основаніи доклада сенатора М. И. Трусевича.

Представленное въ департаментъ обширное заключеніе оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента Сената сенатора П. А. Кемпе заканчивается слѣдующей формулировкой обвиненія: въ отношеніи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ слѣдуетъ считать установленнымъ бездѣйствіе власти, имѣвшее особо важныя послѣдствія, при чемъ заявленіе ихъ, что нахожденіе Богрова въ театрѣ не грозило опасностью Государю Императору и Его Августѣйшей Семьѣ, не можетъ быть признано правильнымъ, ибо Богровъ имѣлъ полную возможность подойти во время представленія къ Царской ложѣ или даже взять съ собою въ театръ разрывной снарядъ и бросить его въ Царскую ложу при совершеніи убійства статсъ-секретаря Столыпина, какового несчастья не случилось только благодаря опасенію Богрова такимъ злодѣяніемъ вызвать среди кіевскаго населенія еврейскій погромъ.

Исходя изъ этого, П. А. Кемпе, руководствуясь статьями 207, 222, 1252, 1075, 1105 и 1107 уст. угол. суд., полагаетъ предать суду судебнаго присутствія уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей: занимавшаго должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полиціей и вмѣстѣ съ тѣмъ командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ

отставного генералъ-лейтенанта Курлова, начальника подвѣдомственнной дворцовому коменданту дворцовой охраны полк. Спиридовича, бывшаго начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія подполковника Кулябко и исполнявшаго обязаноости вице-директора директора департамента полиціи статскаго совѣтника Веригина по обвиненію:

Подполковника *Кулябко* въ томъ: 1) что 1 сен. 1911 г., въ г. Кіевѣ, въ нарушеніе возложенныхъ на него въ качествѣ начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія обязанностей по обнаруженію государственныхъ преступленій и обезпеченію безопасности во время бывшихъ въ августѣ и сентябрѣ 1911 г. кіевскихъ торжествъ, а равно вопреки изданнымъ по департаменту полиціи распоряженіямъ и положенію о выдачѣ входныхъ билетовъ въ мѣста Высочайшихъ посѣщеній исключительно благонадежнымъ лицамъ, зная о сношеніяхъ съ преступнымъ сообществомъ анархистовъ-коммунистовъ, бывшаго помощника присяжнаго повѣреннаго, еврея Мордки Богрова, сообщившаго ему, съ цѣлью получить доступъ на торжества въ Высочайшемъ присутствіи, ложныя свѣдѣнія о готовящемся покушеніи на жизнь гг. министровъ Столыпина и Кассо, а также зная, что вечеромъ 1 сентября 1911 г. въ кіевскомъ городскомъ театрѣ будетъ присутствовать на представленіи Государь Императоръ съ Августѣйшей Семьей, допустилъ названнаго Богрова — этого явно политически неблагонадежнаго и опаснаго человѣка — въ партеръ зрительнаго зала названнаго театра, не удостовѣрившись объ отсутствіи у него оружія или взрывчатаго снаряда, не учредивъ внутри театра охраны Царской ложи и вышеуказанныхъ министровъ и оставивъ его, Богрова, въ театрѣ безъ всякаго надзора, каковое преступное бездѣйствіе власти со стороны его, Кулябко: а) создало непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорскаго Величества и для Августѣйшей Семьи, давъ Богрову полную возможность покуситься на Ихъ жизнь, причемъ такого злодѣянія не послѣдовало лишь благодаря боязни Богрова вызвать этимъ еврейскій погромъ, и б) повлекло за собою лишеніе тѣмъ же Богровымъ жизни предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Столыпина;

2) что онъ не произвелъ надлежащаго изслѣдованія заявленій Богрова о революціонномъ сообществѣ путемъ учрежденія надзора за самимъ Богровымъ и выясненія дѣйствительнаго нахожденія въ квартирѣ его члена названнаго преступнаго сообщества;

3) что допустилъ Богрова — этого явно политически неблагонадежнаго и опаснаго человѣка — въ садъ кіевскаго Купеческаго собранія на торжество въ Высочайшемъ присутствіи, не удостовѣрившись объ отсутствіи у него оружія, не учредивъ внутри означеннаго сада охраны Царскаго шествія и оставивъ самого Богрова въ саду безъ всякаго надзора, каковымъ своимъ преступнымъ дѣйствіемъ власти создалъ непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорскаго Величества, такъ какъ Богровъ, замыслившій террористическій актъ и вооруженный револьверомъ, находился въ ближайшемъ разстояніи отъ пути шествія Государя.

Генералъ-лейтенантъ *Курловъ* въ томъ: 1) что, будучи по Высочайшему повелѣнію отъ 21-го мая 1911 г. въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полиціею командированъ въ Кіевъ для сосредоточенія въ своихъ рукахъ всей власти по обнаруженію государственныхъ преступленій и обезпеченію безопасности во время кіевскихъ торжествъ въ Высочайшемъ присутствіи и зная изъ сдѣланныхъ ему начальникомъ кіевскаго охраннаго отдѣленія Кулябко 27-го и 31-го августа и 1-го сентября 1911 года докладовъ, *что бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго Мордка Богровъ находится въ сношеніяхъ съ преступнымъ сообществомъ анархистовъ-коммунистовъ* и заявилъ о прибытіи въ Кіевъ членовъ этого сообщества для террористическихъ посягательствъ, а также о нахожденіи одного изъ означенныхъ злоумышленниковъ въ квартирѣ упомянутаго Богрова, онъ, Курловъ, въ нарушеніе возложенныхъ на него вышеизложенныхъ обязанностей, не взирая на явную опасность, грозившую всей Царской Семьѣ и вышеназваннымъ министрамъ, не распорядился о надлежащемъ изслѣдованіи вышеозначеннаго заявленія Богрова путемъ учрежденія надзора за самимъ Богровымъ и выясненія дѣйствительнаго нахожденія въ его квартирѣ члена названнаго преступнаго сообщества, каковое

умышленное бездѣйствіе власти имѣло своимъ послѣдствіемъ несвоевременное обнаруженіе ложности заявленія Богрова, сдѣланнаго съ цѣлью получить доступъ на торжества въ Высочайшемъ присутствіи, и повлекло за собою лишеніе тѣмъ же Богровымъ жизни статсъ-секретаря Столыпина;

2) что не только не воспретилъ выдачу Богрову билетовъ на упомянутыя торжества и допущеніе послѣдняго 1-го сентября 1911 года въ кіевскій городской театръ, но не распорядился даже, въ случаѣ выдачи оныхъ, объ учрежденіи за Богровымъ на торжествахъ бдительнаго надзора и выясненіи отсутствія у него метательныхъ снарядовъ или оружія.

Полковникъ *Спиридовичъ* и ст. сов. *Веригинъ* въ томъ: 1) что не доложили своему начальству о неотложной необходимости надлежащаго изслѣдованія заявленія Богрова путемъ учрежденія надзора за самимъ Богровымъ и выясненія дѣйствительнаго нахожденія въ его квартирѣ члена названнаго преступнаго сообщества, каковое умышленное съ ихъ стороны бездѣйствіе власти имѣло своимъ послѣдствіемъ несвоевременное обнаруженіе ложности заявленія Богрова, сдѣланнаго съ цѣлью получить доступъ на торжества въ Высочайшемъ присутствіи и повлекло за собою лишеніе тѣмъ же Богровымъ жизни статсъ-секретаря Столыпина.

2) что не только не воспрепятствовали выдачѣ Богрову билетовъ на упомянутыя торжества и допущенію послѣдняго 1-го сентября 1911 г. въ кіевскій городской театръ и не доложили объ этомъ своему начальству, но не распорядились даже, чтобы въ случаѣ выдачи оныхъ былъ учрежденъ за Богровымъ на торжествахъ бдительный надзоръ и было выяснено отсутствіе у него метательныхъ снарядовъ или оружія.

Вышеописанныя преступныя дѣянія, въ виду ихъ особенной важности, предусмотрѣны въ отношеніи всѣхъ обвиняемыхъ 339 и 2 ч. 341 ст. уг. улож. о наказ.

Докладчикъ Е. Ф. Турау въ продолжительной и обстоятельной рѣчи поддерживалъ заключеніе оберъ-прокурора Кемпе о необходимости предать суду всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ. Представленныя ген. Курловымъ объясненія о томъ, что Богровъ былъ допущенъ въ театръ безъ его, Курлова, вѣдома, не мо-

гутъ имѣть смягчающаго значенія; даже болѣе того, это усугубляетъ его вину. Богровъ вѣдь прошелъ, значитъ ген. Курловъ не зналъ, что въ театрѣ находится неизвѣстное лицо. И не обратилъ вниманія на это, несмотря на то, что Богровъ рѣзко выдѣлялся въ толпѣ. По показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, почти вся публика въ театрѣ, въ виду жаркаго времени, была въ свѣтлыхъ одеждахъ, а военные въ платьѣ защитнаго цвѣта, а Богровъ былъ во фракѣ и пестрѣлъ черньмъ пятномъ.

На Курлова была возложена обязанность охранять, и онъ обязанъ былъ лично удостовѣриться обо всѣхъ присутствовавшихъ. Въ необычайно серьезныхъ вопросахъ, — а дѣло очень серьезно, ибо въ театрѣ были Высочайшія Особы, нельзя всю вину взваливать на подчиненныхъ. Потому и былъ командированъ Курловъ, что столь отвѣтственное дѣло, какъ охрана Высокихъ Особъ, нельзя было возложить на мѣстное охранное начальство.

Докладчикъ не придаетъ особаго значенія вопросу о томъ, что Богровъ былъ пропущенъ въ театръ. Важно, что Богровъ находился въ театрѣ, а тотъ, кому была поручена охрана, не зналъ, что въ театрѣ опасный человѣкъ. Ему поручили охрану, онъ и долженъ отвѣчать. Счастливый случай спасъ Россію отп величайшаго несчастья. А отъ этого несчастья долженъ былъ гарантировать своей бдительностью и внимательностью тотъ, кому ввѣрена была самая серьезная миссія.

Равнымъ образомъ, виноваты — помимо Кулябко — Спиридовичъ и Веригинъ. Они отговариваются формальностями, тѣмъ, что не ихъ дѣло и не ихъ миссія была вѣдать охраной. Когда дѣло идетъ о такихъ вопросахъ, оно касается всѣхъ гражданъ, а тѣмъ болѣе лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Они-то вѣдь знали, кто такой Богровъ-Аленскій, знали и по дѣламъ его со словъ Кулябко, и въ лицо, видѣли Богрова въ театрѣ и все же молчали. Всѣ данныя говорятъ за то, что со стороны всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ была преступная небрежность, бездѣйствіе, полное отсутствіе сознанія великой важности возложеннаго на нихъ порученія. Вина ихъ тѣмъ болѣе тяжка и не заслуживаетъ смягченія, что послѣдствія могли быть самыя тягостныя.

Вотъ почему докладчикъ находитъ, что не только Кулябко, но и всѣ трое остальныхъ подлежатъ преданію суду, какъ это предлагаетъ оберъ-прок. Кемпе.

Послѣ доклада возникли чрезвычайно горячія пренія, обнаружившія неожиданное теченіе. Правое крыло 1-го департамента во главѣ съ П. П. Кобылинскимъ выступило весьма рѣшительно въ защиту ген. Курлова, а также полк. Спиридовича и с. с. Веригина. По мнѣнію правыхъ, по отношенію ген. Курлова можно признать наличность несчастья, а не бездѣйствіе. Центръ тяжести именно въ томъ, зналъ ли Курловъ, что допущенъ въ театръ Богровъ. Онъ не въ состояніи одинъ все осуществить и долженъ положиться, въ нѣкоторыхъ деталяхъ на подчиненныхъ, заслуживающихъ довѣрія. Кулябко занималъ отвѣтственный постъ, и Курловъ имѣлъ всѣ основанія довѣрить ему извѣстныя обязанности ввѣреннаго ему огромнаго и сложнаго дѣла. Между тѣмъ, изъ обстоятельствъ дѣла вытекаетъ заключеніе, что ген. Курловъ не зналъ о допущеніи Богрова въ театръ. Утвержденіе противнаго основано на первоначальныхъ показаніяхъ Кулябко. Но показанія Кулябко многочисленны и противорѣчивы. Въ объясненіяхъ, данныхъ Кулябкой Госуд. Совѣту, когда впервые слушалось дѣло о назначеніи предварительнаго слѣдствія, а также на предварительномъ слѣдствіи, Кулябко отказался отъ своихъ первоначальныхъ показаній и заявилъ, что допустилъ Богрова въ театръ безъ вѣдома Курлова и спеціально просилъ именно эти показанія считать дѣйствительными. Прокурору Чаплинскому Кулябко сначала заявилъ, что не можетъ считать себя виновнымъ въ происшедшемъ несчастьи, такъ какъ Богровъ былъ допущенъ въ театръ съ вѣдома генер. Курлова. Но тутъ же Кулябко спохватился и добавилъ: „да нѣтъ, виноватъ я, конечно, одинъ; мнѣ остается пустить себѣ пулю въ лобъ“. На предварительномъ слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ П. А. Столыпина Кулябко заявилъ, что официальнаго доклада о нахожденіи Богрова въ театрѣ онъ не дѣлалъ и что ни Курлову, ни Веригину, ни Спиридовичу онъ не говорилъ, что Богровъ будетъ въ театрѣ, да и не могъ говорить объ этомъ, такъ какъ окончательное рѣшеніе этого вопроса послѣдовало за полчаса до начала спектакля. Самъ сенаторъ Трусевичъ

признаетъ показанія Кулябки сбивчивыми и противорѣчивыми.

Такимъ образомъ, по мнѣнію защитниковъ Курлова, послѣдній не зналъ, что Богровъ-Аленскій допущенъ въ театръ, и отвѣтственнымъ является одинъ Кулябко. Ему Курловъ имѣлъ имѣлъ полное основаніе ввѣрить техническое выполненіе розыскныхъ мѣръ, какъ лицу, занимающему среди чиновъ, вѣдающихъ политическій розыскъ, самостоятельное положеніе и имѣющему практическій опытъ въ розыскномъ дѣлѣ. Кулябко тѣмъ болѣе отвѣтственъ, что Курловъ съ 15 по 27 августа былъ боленъ. Первый докладъ объ Аленскомъ былъ сдѣланъ Кулябкой 27 августа. Курловъ могъ не придать особо серьезнаго значенія заявленію о возможномъ пріѣздѣ террористовъ, потому что при путешествіи Высокихъ Особъ всегда получаются многочисленныя угрожающія сообщенія, какъ это было не только теперь, но и въ 1909 и въ 1910 г. Неустановленію Курловымъ наблюденія за Богровымъ сторонники Курлова не придаютъ значенія. Во-первыхъ, это было, по ихъ мнѣнію, всецѣло дѣло Кулябко, а во-вторыхъ, суть не въ наблюденіи, а въ допущеніи Богрова въ театръ; благодаря только этому допущенію Богрову удалось совершить злодѣяніе. Далѣе, сторонники Курлова находятъ, что вообще нельзя одновременно винить и Курлова, и Кулябко. Если виноватъ послѣдній въ неисполненіи извѣстныхъ обязанностей, то Курловъ не при чемъ. Если виноватъ Курловъ, а Кулябко выполнялъ его указаніи, то нельзя обвинять Кулябко. Тутъ же во всемъ виноватъ Кулябло.

Курловъ, а также Спиридовичъ и Веригинъ виноваты развѣ въ томъ, что довѣряли Кулябкѣ. Но они не могли ему не довѣрять какъ по его положенію, такъ и по его опытности. И, во всякомъ случаѣ эта довѣрчивость неизбѣжна, тѣмъ болѣе при обиліи работы и не является ни преступленіемъ, ни бездѣйствіемъ власти. Ихъ дѣйствія можно подвести подъ ст. 410 и 411, влекущія за собой удаленіе отъ службы безъ суда.

Министръ внутр. дѣлъ А. А. Макаровъ заявилъ, что онъ всецѣло присоединяется къ заключенію оберъ-прокурора Кемпе. Ген. Курловъ, по его мнѣнію, безусловно долженъ нести от-

вѣтственность. Ему поручили. важную миссію, дали ему всѣ необходимыя полномочія, а онъ не обратилъ достаточно серьезнаго вниманія на донесенія Богрова и Кулябки о Богровѣ. При болѣе внимательномъ отношеніи, Богровъ былъ бы разгаданъ до преступнаго акта.

Товарищъ министра юстиціи А. Н. Веревкинъ, замѣнявшій И. Г. Щегловитова, въ виду выѣзда послѣдняго въ Царское Село, заявилъ, что ознакомленіе съ данными предварительнаго слѣдствія даетъ полное основаніе вполнѣ присоединиться къ заключенію оберъ-прокурора Кемпе и потому онъ поддерживаетъ обвиненіе противъ всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ по 339 и 2 ч. 441 ст. ул. о нак.

При голосованіи единогласіе получилось лишь по вопросу о преданіи суду по указаннымъ оберъ-прокуроромъ Кемпе статьямъ подполк. Кулябки.

По отношенію къ ген. Курлову, Веригину и Спиридовичу— 6 членовъ Госуд. Совѣта высказались за примѣненіе 410 и 411 ст. (упущенія и нерадѣнія въ отправленіи должности) и устраненіе, согласно названнымъ статьямъ, отъ должности безъ преданія суду. Пять членовъ Гос. Совѣта и министръ внутр. дѣлъ А. А. Макаровъ высказались за преданіе суду и этихъ трехъ по 339 и 341 ст. ст. (преступное бездѣйствіе власти).

Такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ былъ предсѣдатель 1-го департамента А. А. Сабуровъ, то большинство получилось за преданіе суду всѣхъ обвиняемыхъ.

„Меньшинство“ настояло на томъ, чтобы въ журналъ, который будетъ представленъ на утвержденіе, было внесено и ихъ мнѣніе.

Формулировку обвиненія, сдѣланную въ заключеніи П. А. Кемпе, признано необходимымъ, въ виду неудачной ея редакціи, могущей стѣснить судъ слишкомъ детальнымъ перечисленіемъ проступковъ, вмѣняемыхъ въ вину обвиняемымъ, измѣнить, упростивъ ее и придавъ ей самую общую форму.

Съ этого момента дѣло Курлова и Ко. стало принимать вѣсьма любопытный оборотъ. Защитники Курлова пустили въ ходъ всю свою закулисную силу, чтобы мнѣніе меньшинства восторжествовало. Происходила борьба. То сей, то оный на

бокъ гнулся. И газетамъ приходилось чуть-ли не каждый день опровергать то, что было напечатано наканунѣ. Съ одной стороны, сообщались точныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ формальномъ ходѣ дѣла: о черновыхъ работахъ по составленію обвинительнаго акта; объ авторѣ его, оберъ-прокурорѣ Сената Кемпе; о томъ, что засѣданія верховнаго уголовнаго суда будутъ происходить въ Екатерининскомъ залѣ и что дѣло будетъ слушаться частью при открытыхъ дверяхъ, частью при закрытыхъ, тогда, когда будутъ разбираться вопросы, связанные съ техникой и порядкомъ охраны высокопоставленныхъ особъ; о времени слушанія дѣла (20-ыя числа февраля 1913 г.); и даже о защитникѣ Веригина М. Г. Казариновѣ. Съ другой стороны утверждалось, что журналъ 1-го департамента Госуд. Совѣта утвержденія не получилъ, и дѣло въ отношеніи всѣхъ обвиняемыхъ, кромѣ Кулябко, будетъ прекращено или, въ другой версіи, что журналъ, будетъ утвержденъ, но всѣ обвиняемые, кромѣ Кулябко, будутъ помилованы, а ген. Курловъ получитъ высокое назначеніе. 31 декабря газеты сообщили, что журналъ будетъ утвержденъ. А 1 января 1913 г. стало извѣстно, что изъ состава 1-го департамента Гос. Совѣта выбыли два члена лѣваго крыла, Н. С. Таганцевъ и Н. Э. Шнеманъ, понизивъ такимъ образомъ количество членовъ департамента до 10, изъ которыхъ сторонниковъ преданія всѣхъ обвиняемыхъ суду образовалось меньшинство, а только одного Кулябко — большинство. Дѣло Курлова и Ко., говорили газеты, теперь обезпечено.

6-го января петербургскія газеты заявили, что вопреки ранѣе напечатаннымъ свѣдѣніямъ, журналъ 1-го деп. Гос. Сов. утвержденія не получилъ. Въ этотъ же день московскія газеты опубликовали циркулировавшій въ кулуарахъ Гос. Сов. слухъ, что дѣло Курлова и Ко. получило уже окончательное разрѣшеніе: все дѣло прекращено безъ всякихъ послѣдствій для ген. Курлова, полк. Спиридовича и ст. сов. Веригина; Кулябко же рѣшено отстранить отъ службы.

Слухъ этотъ оправдался вполнѣ. Именно такого содержанія резолюція было положена 4 января. А 7 января журналъ 1-го деп. Гос. Совѣта съ указанной резолюціей былъ пересланъ предсѣдателю департамента А. А. Сабурову.

Понятно, послѣ такого финала въ газетахъ стали появляться сообщенія о различныхъ компенсаціяхъ „невинно пострадавшимъ“.

Кулябко дали половину причитавшагося ему содержанія за все время веденія слѣдствія; Спиридовича и Веригина оставили въ придворныхъ должностяхъ; ген. Курлову же особенно посчастливилось: ему вернули весь окладъ содержанія и назначали то состоящимъ для особыхъ порученій при министерствѣ императорскаго двора, то пріамурскимъ губернаторомъ, то сенаторомъ, а, кромѣ того, пообѣщали еще и должность шталмейстера.

Однимъ словомъ, всѣ стали на путь къ блестящей карьерѣ.

Исправленія.

На стр. 19, строка 13 сверху, *вмѣсто* измываться надъ горемъ *слѣдуетъ* издѣваться надъ горемъ.

На стр. 23, строка 11 сверху, *вмѣсто* постороннимъ охранѣ человѣкомъ *слѣдуетъ* постороннимъ цѣлямъ охраны человѣкомъ.

На стр. 25, строка 6 снизу, *вмѣсто* служилъ въ охранѣ *слѣдуетъ* служилъ охранѣ.

На стр. 27, строки 23-24 сверху *вмѣсто* кстати сказать, единственнымъ показаніямъ, *слѣдуетъ* кстати сказать, единственнымъ пока показаніямъ.

На стр. 31, строка 10 снизу, *вмѣсто* кіевскій *постоянный* военно- *слѣдуетъ* кіевскій военно-.

На стр. 47, строка 14 сверху, *вмѣсто* находившійся у чорта въ зубахъ—въ Баку *слѣдуетъ* находившійся въ Баку.

На стр. 108, строка 15 сверху, *вмѣсто* не служилъ въ охранѣ *слѣдуетъ* не служилъ охранѣ.

На стр. 116, строка 9 снизу, *вмѣсто* 20-ое декабря 1909 года *слѣдуетъ* 20-ое декабря 1908 года.

На стр. 134, строка 5 снизу, *вмѣсто* Богровъ выхватилъ *слѣдуетъ* Богровъ выхватывалъ.

На стр. 183, строка 8 снизу, *вмѣсто* не оставляетъ мнѣній *слѣдуетъ* не оставляетъ сомнѣній.

На стр. 184, строка 10 сверху, *вмѣсто* морально ясенъ *слѣдуетъ* прозрачно ясенъ.

На стр. 185, строка 3 снизу, *вмѣсто* благодѣтельнымъ ударомъ *слѣдуетъ* благодѣтельнымъ ударомъ".

Оглавленіе.

Предисловіе Вл. Бурцева..... V
Предисловіе автора VIII

Богровъ и общественное мнѣніе..... 1
Богровъ — „провокаторъ“..... 20
Дмитрій Богровъ..... 76
Изъ письма товарища Богрова о Богровѣ..... 84
Двѣ смерти — двѣ загадки..... 91
Изъ воспоминаній товарища К. о Богровѣ..... 101
Богровъ — до 25 августа 1911 г. 104
Съ 25 августа до убійства Столыпина..... 128
Первое сентября..... 152
Слѣдствіе..... 164
Судъ..... 170
Казнь..... 175
„Вѣчная память“..... 181

Приложенія:

I. „Охранители“ и „охрана“ 189
II. „Дѣло ген. Курлова, полк. Спиридовича, подп. Кулябко и ст. сов. Веригина“..... 206
Исправленія..... 233